МЕЖДУНАРОДНАЯ АКАДЕМИЯ
ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ НАУК

СЕДЬМАЯ ВОЛНА ПСИХОЛОГИИ

Выпуск 3.

Под редакцией
Козлова Владимира
Качановой Натальи

Ярославль, Минск, 2007

ББК 88.4 + 53.57

УДК 159.99

Сборник издается по решению редакционно- издательского отдела МАПН.

Седьмая волна психологии. Вып. 3./Сб. под ред. Козлова В.В., Качановой Н.А.– Ярославль, Минск: МАПН, ЯрГУ, 2007 – с.

Сборник статей представляет обзор теоретических и экспериментальных работ по интегративной психологии.

Книга адресована психологам, социальным работникам, психотерапевтам, практическим психологам и специалистам в области психосоциальной работы с населением.

© Козлов В.В., Качанова Н.А., 2007

ГАРМОНИЯ ЛИЧНОСТИ КАК ПРОЦЕСС ИНТЕГРАЦИИ.

В.В.Козлов, ЯрГУ

Эта статья возникла во время цикла тренингов «Духовные странствия», который я проводил в 2007 году в различных регионах бывшего СССР: Алтай (Телецкое озеро), Байкал (мыс Кадильный), Иремель (Башкирия), Тянь-Шань (Казахстан), озеро Долгопрудное (Челябинская область). Два месяца я провел в удивительной красоты местах, чистых экологически, сильных энергетически. Самое важное – приезжали на эти тренинги люди, прекрасные по своей одухотворенности и целям жизни.

Цель этих тренингов сложна - дать человеку ту степень одиночества и самостоятельности, которая необходима участнику тренинга для исполнения своего назначения (миссии) на земле. Если говорить языком зарубежной психологии, инициировать личность, готовую к самореализации, к самоактуализации.

В российской психологии аналогами этого пикового достижения психологического процесса интеграции личности и самосознания являются «целостная», «всесторонне развитая», «гармоничная», «свободная» личность. Мы понимаем, что эта самостоятельность в современной психологии касается в основном материального и социального аспектов человеческого существования. Но на моих тренингах самое важное – разрешение высших экзистенциальных проблем личности (4 Великих – Смысл жизни, Смерть, Одиночество, Свобода) и постижение самых важных духовно-нравственных ценностей.

Еще С.Л.Рубинштейн, Б.Г.Ананьев считали, что основным для развития личности является принцип интеграции. Они часто указывали на то, что развитие действительно есть возрастающая по масштабам и уровням интеграция – образование крупных «блоков», систем или структур, синтез которых выступает как наиболее общая структура личности. Личностный рост – путь интеграции знаний, умений, навыков, который позволяет достичь самостоятельности личности и того уровня целостности, когда она освобождена от чужих влияний (поленезависим), понимает смысл своего существования и решает сам свою судьбу.

«Освобожденным» во всех мистических традициях мира называют того человека, который видит истину сквозь иллюзию про-

тивоположностей, бинарностей отрицания и утверждения. Так как он «свободен от двойственности» противоположностей, он свободен в своей жизни от всех бессмысленных по своей сути проблем и конфликтов, вызываемых борьбой противоположностей, отождествленностей «я» и «не-я». Не добро против зла, а ницшеанский выход за пределы добра и зла. Не жизнь против смерти, а центр осознания, превосходящий и то и другое. Самосовершенствование и достижение целостности заключается не в том, чтобы структурировать бинарность и добиваться «положительного прогресса» в психотерапевтическом процессе. Смысл целостности в том, чтобы объединять и гармонизировать противоположности, как положительные, так и отрицательные, открывая за пределами «я» и «не я» ту основу, которая превосходит и включает в себя обе полярности – индивидуальное свободное сознание.

Таким образом, разрешение войны противоположностей требует отказа от всех границ, а не прогрессирующего жонглирования противоположностями в их борьбе друг против друга. Борьба противоположностей является симптомом границы, принятой за реальную, и чтобы сформировать целостную личность, мы должны прийти к корню самого предмета: нашим иллюзорным границам.

Это «освобождение от двойственности» в христианской мифологии является открытием Царствия Небесного на земле. В эзотерическом, сакральном смысле это открытие не является состоянием всего положительного и отсутствия отрицательного, но состоянием осуществления «непротивополагания» или «недвойственности». В «Евангелии от Фомы» написано: «Они сказали ему: Что же, если мы - младенцы, мы войдем в царствие? Иисус сказал им: Когда вы сделаете двоих одним, и когда вы сделаете внутреннюю сторону как внешнюю сторону, и внешнюю сторону как внутреннюю сторону, и верхнюю сторону как нижнюю сторону, и когда вы сделаете мужчину и женщину одним... тогда вы войдете в [царствие]».

Если возвратиться к тематике личностной гармонии, то можем вспомнить роман "Эмиль" Ж. Ж. Руссо в котором принцип, что все выходящее из рук Творца прекрасно, но портится в руках человека является требованием, чтобы воспитание было сообразно с божественной природой человека.

Целостная личность, транслируя через свою личность основные экзистенциальные ценности, является хранителем человеческой духовности.

Именно в целостности бьется духовное сердце самосовершенствовании за пределами всех форм, за пределами отождествлений, за пределами человеческой дуальности. Путь самосовершенствования и развития личности это путь не изменения форм, а их интеграции в целостности, во внутренней тишине, гармонии.

Вопрос о кризисе гуманитарных наук, об их неспособности корректно описывать феномены религии, культуры, психики, сознания, духа обсуждался в XX веке неоднократно. Всякий раз этот кризис был связан с тем, что классический научный подход "срезал" специфику гуманитарных явлений, уподобляя их явлением природы, а предполагаемые новые подходы, стремящиеся сохранить эту специфику, оказывались недостаточно научными, в смысле их соответствия критериям классической науки - объективности, рациональности, повторяемости, предсказуемости и т.д.

Многочисленность проектов новых гуманитарных подходов, а также "новой науки", способной адекватно познавать и природу, и человека, завидное постоянство поисков в этом направлении и отсутствия решающей новой научной парадигмы - все это в совокупности наводит на мысль, что ситуация кризиса связана с наиболее фундаментальными предпосылками и ограничениями классического научного познания мира.

Занимаясь изучением традиционных методов интеграции личности культур, мы также сталкиваемся с трудностью их научного описания на языке психологии, лишь иногда усматривая в отдельных аспектах какое-то подобие структуры. Мир методов интеграции личности - это мир практического психологического знания, искусства, мастерства, это традиционные методы саморегуляции, управления психическими и психосоматическими процессами и состояниями сознания. Традиционные - значит существующие в контексте практической, духовной или религиозно-философской традиции. В более широком смысле метод интеграции личности может рассматриваться как основа любого психического процесса, поскольку невозможно даже произнести осмысленное предложение

без наличия техники порождения речи или совершить моторное действие без сформированных функций управления движениями.

Таким образом, можно зафиксировать три основных взгляда на методы интеграции личности:

1) как на фундамент любого человеческого опыта;

2) как на традиционную психологическую культуру;

3) как на систему методов саморегуляции и самосовершенствования.

В процессе изучения методов интеграции личности мы постоянно натыкаемся на границы собственных возможностей выражения, осмысления, понимания. Дальнейшее размышление показывает нам, что эти границы не связаны, по-видимому, лишь со способностями отдельного человека, но более фундаментальны. Они укоренены в общечеловеческих, более того, в онтологических характеристиках сознания и возможностях его описания в существующем научном языке.

Ситуацию, наглядно демонстрирующую это, можно назвать ситуацией зазора между двумя мирами: миром научной психологии и миром практических методов интеграции личности. Известно, как мало психология может помочь в ряде наисущественнейших областей человеческой жизни, сколь велика нужда в элементарной психологической помощи, консультации, психологической культуре отношений. А эта культура закладывается с раннего детства и развивается таинственными путями, которые очень сложно воспроизвести намеренно, и очень трудно получить знание об этих путях, на основе которого можно было бы излечить болезни человеческих отношений, восполнить, скажем, отсутствие любви. Мы также знаем, что многие вещи в человеческом мире не возникают от желания этих вещей: требуются какие-то другие фундаментальные условия для их осуществления.

Вспомним ситуацию, которая уже много столетий очерчивает проблему взаимосвязи научной психологии и практических психологических знаний в европейской культуре. Известно, что Декарт - великий философ и один из основателей европейской науки, европейского рационализма - считал, что такой науки как психология нет и быть не может. Наше знание о душе имеет принципиально вненаучную природу и не может стать предметом теоретического научного мышления. Источником этого знания, по Декарту, является

практический опыт, мы набираем его, "вращаясь в свете, путешествуя и т.д. Другой великий мыслитель - Кант, считал, что научная психология либо невозможна, либо неинтересна, бессодержательна. Такая психология способна выражать столь ничтожную часть человеческого опыта, что не имеет никакой практической пользы. Опуская множество менее известных имен, напомню позицию Фрейда, который утверждал, что психоанализу невозможно научиться: настоящий психоаналитик столь же редок, как настоящий художник, ученый, и т.д. И, наконец, приведем свидетельство Э.Берна, известного современного психолога, основателя трансакционного анализа. Он писал, что практические психологические знания пятилетнего ребенка намного превышают теоретические познания профессора психологии.

Мы должны признать, что современная российская психология схоластична, но не обладает минимальным багажом практических методов интеграции личности. Собственно, это касается не только российской, но и ортодоксальной психологии Европы и Америки. Российские и Западные психологи, философы обычно предполагают, что интеллектуальное обучение и анализ — «кратчайший путь» к пониманию. К сожалению, часто понимания и анализа недостаточно даже в простых жизненных ситуациях, не говоря об иерархических ступенях интеграции.

В соответствии с целью внедрения в процесс личностного роста и интеграции технологий саморазвития, психология третьего тысячелетия должна опираться на огромный опыт психодуховных традиций, быть открытым огромному полю психотехник, начиная от различных направлений эзотерики и кончая искусством.

Психология призвана извлекать и интроецировать в свое концептуальное поле психодуховный опыт, накопленный в неистовом поиске человека своих высших духовных состояний для усиления его самопонимания и самосовершенствования.

Существует необходимость встроить существующие практики работы с человеком, которые уже показали свою эффективность и надежность в течение тысячелетий, удовлетворяя базовую потребность человека в духовных аспектах своего существования, но не применялись в академической психологии из-за идеологических шор.

Уже второе десятилетие, занимаясь психологическими практиками интеграции личности, я могу, опираясь на огромный практический опыт взаимодействия с десятками тысяч людей, сказать, что не может существовать универсальной психологической модели для всех.

На феноменологическом уровне мы не можем встретить двух одинаковых людей даже по структуре, не говоря о содержании. Да – есть тип людей, идентифицированных в основном с материальным эго, или с социальным эго, или, что реже встречается - с духовным эго. Уже на уровне этой дифференциации мы можем говорить о различной мотивации, о различном поведении, о различном восприятии и оценки реальности, о различных типах людей и соответственно о потребности развертывать различные типы психологии, как теории, так и методов интеграции личности. В реальной социальной культуре существуют совершенно различные образы человека.

Любая психологическая школа, которая опредмечивала достижение целостности человека, могла принадлежать только к двум подходам во взаимодействии с реальностью.

Трансцендентный подход (от латинского слова transcendere - выходить за пределы, проходить сквозь), принимая иллюзорность материального мира для достижения Изначального считает нежелательным взаимодействие с его структурами. При этом усилия человека концентрируются на прохождении сквозь материальный мир к целостности и минимальном с ним взаимодействии. Именно поэтому на протяжении всей эволюции человечества создавались некие эзотерические сообщества и закрытые религиозные социальные ниши (сангхьи, монастыри, братства, ордена, общины), чтобы создать определенную групповую субкультуру вне пределов профанической жизни. Трансцендентный подход всегда был ассоциирован в традиции с содержаниями понятий "мистицизм", "мистика", "мистический опыт", "мистические состояния сознания", "мистические переживания".

Для представителей западных (христианство, ислам, иудаизм) религиозных конфессий понятия "мистика", "мистический опыт" выражали состояние, при котором душа человека могла

непосредственно соединяться с Богом (Христом, душой Машиаха и т.д.).

В современном русскоязычном переводе жизнеописаний католических святых широко используется термин "мистика" для обозначения конкретных переживаний верующих. Так при описании жизни католической святой Терезы Авильской термин "мистика" используется для обозначения ее переживаний брачного союза с Христом или "духовного брака" (иерогамии), как сама она это называла. Для другого представителя католической церкви - Хуана де ла Круса, мистический опыт - "опыт восприятия Церкви как Невесты Христовой". Подобные описания католиков созвучны самоопределению исламских мистиков, суфиев - как "возлюбленных Бога".

Собственно, сам термин "мистика" в значении непосредственного "единения с Христом" изначально был распространен в католической церкви. В православной традиции аналогичное "единение …" обозначалось термином "обожение" (теозис). Для православной традиции в 20 веке наиболее употребительным для обозначения "мистики" являлось определение архимандрита Киприана (Керна): "стяжание Духа Святого, стремление к харизматическому (т.е. благодатному - А.К.) настроению". Бог ниспосылает Свою благодать человеку не в меру его заслуг, а туне, сообразуясь лишь с духовной восприимчивостью подвизающегося. Деятельный путь существует только для того, чтобы подготовиться к восприятию благодати, к созерцанию. Другими словами, возможность стяжания "мистического опыта" в православии зависит не столько от аскетики и личных качеств верующего, сколько от воли Божией. Спецификой православного мистицизма было также то, что о "мистическом опыте" не принято было говорить открыто. Более того, даже те, кто испытал это "единение с Христом" непосредственно, описывали свои переживания очень осторожно. Связано это было с тем, что подобные описания переживаний могли ввести в "искушение" и "прелесть" (обман) тех верующих, которые еще не были к этому подготовлены. Так, В. Лосский писал: "личный опыт великих мистиков Православной Церкви чаще всего нам неизвестен… Путь мистического соединения с Богом - почти всегда тайна между

Богом и душой, которая не раскрывается перед посторонними, разве только перед духовником и некоторыми учениками".

В иудаистской традиции термин "мистика" понимается как постижение трансцендентного при полном отключении от физического мира, в результате чего человеку открываются реалии духовных сфер, с которыми он вступает в контакт. Мистическое познание абсолютно индивидуально, на него накладывает отпечаток личность человека, его опыт. При этом мистическое знание, в отличие от рационального, порождает сильнейшие переживания - ведь откровение связывает нас с самыми основами мироздания - и воздействует на все сферы нашей души, обогащая ее новым опытом. Этот "мистический опыт" выходит далеко за рамки повседневного опыта человека и касается тех областей, где автономный, казалось бы, интеллект встречается со своим Источником - Высшим Разумом - и сливается с ним. Представители ХАБАД - хасидизма также выделяют два способа восприятия "мистического опыта". Первый, высший - "постижение сущности", т.е. непосредственное усмотрение сущности высших духовных сфер, это было характерно для библейских пророков. Второй способ - "знание о существовании". Иначе говоря, для второго способа восприятия было характерно не непосредственное постижение сущности, но лишь знание о том, что таковая существует. В современное нам время, употребление понятия "мистика" для обозначения состояний "единения с Богом" показывает определенную однозначность при употреблении этого термина представителями разных религиозных конфессий.

Показателен тот факт, что западные исследователи уже с начала 20 века стали обозначать термином "мистика", "мистический опыт" те же самые феномены, о которых свидетельствовали представители религиозных конфессий. Более того, большинство исследователей в основу критерия различения "мистического опыта" от не мистического, включили описания переживаний самих мистиков.

Так один из первых исследователей феномена "мистического опыта", американский психолог У. Джеймс выделил характерные для мистицизма особенности, или как он сам это обозначил – "четыре мистических состояния сознания":

1. невыразимость, т.е. "мистический опыт" невозможно адекватно описать при помощи языка;
2. интуитивность, которая открывает сферы, недоступные для трезвого рассудка,
3. кратковременность, т.е. мистические переживания охватывают человека на непродолжительное время;
4. бездеятельность воли, когда воля индивида находится во власти более высшей силы.

При выделении этих характерных признаков "мистических состояний сознания" У. Джеймс использовал многочисленные описания переживаний из жизни мистиков разных традиций.

Э. Андерхилл, продолжая намеченную Джеймсом традицию изучения мистицизма, предложила следующую дефиницию: "В широком смысле я понимаю его как выражение врожденного стремления человеческого духа к полной гармонии с трансцендентным порядком, независимо от того, какой теологической формулой этот порядок выражается. Это стремление, если верить великим мистикам, постепенно охватывает всю сферу сознания; оно овладевает всей их жизнью и в переживании, называемом "мистический союз", достигает своей цели. Как бы эта цель ни называлась - христианским Богом, Мировой душой пантеизма или философским Абсолютом, - желание достичь ее и продвижение к ней (столь нескорое, поскольку это подлинный жизненный процесс, а не интеллектуальная спекуляция) составляет истинный предмет мистицизма. Я считаю, что это продвижение и есть истинное направление развития самой высокой формы человеческого сознания".

Интегративный подход, принимая тотальную реальность нашего мира как объективной, подчеркивает факт того, что мы сами выбираем включенность в нее. До тех пор, пока этот выбор реализуется нашим сознанием, интегративный подход предлагает не бороться с материальным миром, а принять ее полностью, тем самым, достигая целостности осознания. Крайним выражением интегративного подхода является «искусство безусловного принятия», которое мы культивировали на уровне методологического принципа в

начале 90-х годов. При этом усилия человека сосредоточены на осознании конфликтов и напряжений в своем сознании и путей их интеграции. При достижении целостности внутренняя конфликтность исчезает сама собой, а человек осознает свое существование в целостности своего сознания, переживает гармонию, смотрит на мир из своей первичной целостности – души (индивидуального свободного сознания в терминологии нашего подхода).

К концу 20-го столетия в интегративном подходе появилась одна особенность, которой раньше никогда не было. Современный человек имеет возможность самостоятельно повышать уровень целостности своего сознания, самостоятельно достигать интеграции, не передавая это основное право нашей жизни другому человеку: психотерапевту, жрецу, педагогу, психологу, священнику - человеку, являющемуся носителем интегративных функций общества. Мы можем предположить, что именно на грани тысячелетий перед человеком появилась возможность выбора за пределами ограничений психологических и духовных школ, появилась реальная возможность свободного выбора пути. Насколько эта свобода реальна на уровне выбора личности – это уже другая проблема.

Интегративная психология направлена как на изучение отдельных проявлений психики человека, так и на попытку понять природу человека в целом – в широком мировоззренческом контексте. Она сосредоточена как на универсальных картографиях феноменологии психического, так и на непосредственно экспериментальном изучении состояний индивидуального свободного сознания, разворачивающих содержания персоны, интерперсоны и трансперсоны.

Сделаем тезисы, которые помогут нам определить отличия интегративной психологии от других направлений:

1. Интегративная психология как научная дисциплина опирается на психофизиологию и психофизику, на нейрофизиологическую модель индивидуальности, структурируя такие понятия, как психические функции, темперамент, характер, мотивация и т.д. и т.п. При этом психофизика и нейрофизиологические процессы, включая и соматические, больше рассматриваются как среда, в которую погружено индивидуальное свободное сознание. Физиология (в том числе нейрофизиология) является обслуживающей, а не порождающей психические феномены системой.

2. Ядро психической организации – индивидуальное свободное сознание, которое И. Кант назвал трансцендентальной апперцепцией. Это «априорное единство самосознания, составляющее условие возможности всякого знания… таким образом, трансцендентальная апперцепция является сверхличной формой сознания».

3. Научной психологии так и не удалось преодолеть психофизический и психофизиологический параллелизм. Представляется, что во многом это явилось следствием изначального дуализма, заложенного в научной картине мира старой парадигмы: деление на материальное и идеальное (духовное) и на субъект и объект. Интегративная психология снимает эту дихотомию – как в опыте функционирования сознания в среде, где снимаются различия между субъектом и объектом в непосредственном переживании единства познающего и познаваемого. Дуальной картине мира в научной психологии противостоит монизм интегративной психологии, постулирующий, в частности, единство мира и человека. Серьёзным следствием этого является и существование высших уровней интегрированности, целостности в любой личности.

4. В академической психологии понятие «психика» жестко ассоциировано с категорией «индивид», в интегративной психологии в качестве центральной категории употребляется понятие «сознание», имеющее широкое смысловое поле, не замыкающееся только на индивида. Сознание характеризуется всеобщностью, множественностью уровней, состояний, форм, открытостью и самодвижением.

5. Психология как наука построена по структурному принципу, из которого следуют объяснения психических процессов. Интегративная психология моделирует энергетическую модель сознания, которая содержит в себе массу возможностей, как для практической психологии, так и для разработки её теории. Одновременно феномены трансперсональной психологии, попавшие в разряд парапсихических либо сверх возможностей, рассматриваются в русле классических психологических представлений, дополняя сведения о природе психических процессов и функций.

6. Интегративную психологию не следует идентифицировать ни с множеством школ (философских, психологических, духовных), опредмечивающих уровни и формы функционирования персоны, ни с множеством школ, опредмечивающих уровни и формы

функционирования социального сознания, ни с множеством школ, опредмечивающих уровни и формы функционирования трансперсонального опыта. Не потому что интегративная психология не является ни тем, ни другим, ни третьим, а потому что она является и тем, и другим, и третьим.

7. Предметом интегративной психологии является изучение как опыта необычных (изменённых) состояний сознания, так и так называемых «переходных состояний» психики человека – от переживания паттерна холотропного, индивидуализированного, разделённого, атомарного сознания (как по отношению к внешнему миру, так и к внутреннему) к состояниям расширенного сознания, единого в своём переживании, как самого себя, так и мира; от состояния борьбы, деструкции, отрицания – к состоянию единства, консолидации, сотрудничества с самим собой, с другими людьми, со всем миром. Предметом интегративной является и изучение таких переходных состояний, как конфликты (внутренние и внешние), бессознательные импульсы, отчуждение от себя и мира, невозможность творчества, любви, сотрудничества, психосоматические заболевания и различные неврозы. Все эти состояния в интегративной психологии рассматриваются как различные среды реализации сознания в личности, обладающие в самих себе реальным потенциалом преодоления их негативного аспекта и развития в свою противоположность. Это приводит к концептуально важному моменту интегративной психологии, где она выступает в своём прикладном аспекте как психология развития, «восхождения» личности к себе самой – к высшей интегрированности индивидуального сознания. Где само «восхождение», «личностный рост», «духовное самосовершенствование», «Высшие» и «низшие» уровни больше являются абсурдом дифференциации реальности, а все концепции по этому поводу (философские, психологические, духовные, религиозные, научные, метафизические и пр.) простой игрой сознания.

Понятийное поле интегративной психологии не перечёркивает понятийные системы иных психологий, но может привести к пересмотру не только понятий, но и более глубоких оснований в представлениях о природе человека, психики и сознания.

Интегративная психология, опирается на несколько важных положений:

- монизм как единство человека и мира, духовного и телесного;
- холизм как представление об изначальной целостности сознания человека;
- энергийность сознания;
- возможность самодвижения и саморазвития – без необходимости внешнего управления;
- идею преодоления кризисов на пути конвергенции, кооперации и взаимодополняемости сторон психической жизни в индивидуальном свободном сознании, которые сознание Эго и социальное сознание разводят, противопоставляют, делают проблемными.

Если искать предмет интегративной психологии в области исследования путей к трансперсональному опыту, расширению сознания и личностному росту индивида, преодолении кризисов на пути духовного или другого роста, то можно сказать, что интегративный подход может помочь в решении этой задачи не только в её теоретическом осмыслении, но и в анализе уже существующих психотехнологий, а также – в порождении новых методов психологии, адекватных её предмету.

В начале 21-го столетия перед психологией стоит проблема синтеза высоко эффективных интегративных технологий закрытых школ с возможностями демократичного их использования и применения «для всех».

Психология и практические методы интеграции личности: возможен ли синтез?

Ответ на этот вопрос зависит от наших базисных установок. Наиболее удачные проекты и идеи в этой области связаны с тем путем, который в каком-то смысле уже пройден на Востоке, а именно с разработкой языков состояния создания и введением понятий телесной, чувственной и эмоциональной рефлексии. В этом направлении мы уже сформировали свое понимание в концепции 5 языков сознания. И на этой основе, расширив базисный алфавит переживаний и состояний, мы построили направление интенсивных интегративных психотехнологий – новую психотехническую дисциплину.

В нем, возможно, получить систему методов интеграции личности состояний и найти закономерности их связи

взаимоперехода, организовать эмпирические психотехнические знания по определенной системе. Ведь без получения форм фиксации этих знаний в традициях, пусть работающих с неклассическим материалом, невозможно удовлетворить столь важным критериям научности, как предсказуемость и воспроизводимость. Основная функция науки - объяснять и предсказывать, и если аналогичные вещи будут достигнуты в языке состояний сознания, то это будет наука во вполне традиционном понимании.

Однако, остаются еще множество иных типов практического знания, для научного знания которых в рамках классической науки пока не просматривается никаких перспектив. Возможно, в ходе дальнейших поисков, возникнут контуры иной, неклассической науки, каким-то пока неизвестным образом объединяющей в себе явные и неявные, практические и теоретические, воспроизводимые и невоспроизводимые знания, поиски точных и гуманитарных наук. Например, трансперсональная психология, которая первоначально заявляла о себе как дисциплине имеющей дело с человеческим опытом во всем антропологическом масштабе, дисциплине, преодолевающей антропоцентризм, эгоцентризм, трансцендирующей культурные границы, исследующей мистический и религиозный опыт, при попытки стать теоретической, обратилась как раз к тем областям современной науки, где наблюдается выход на поверхность новых идей, идет поиск новой научной парадигмы. Ведь те проблемы, с которой столкнулась психология, проявляются и в квантовой механике, и в современной биологии, и в социологии и в других науках. И это отчасти увенчалось успехом. Об этом, например, говорит тот поразительный факт, что исторически более ранняя гуманистическая психология не имеет развитой теории, а трансперсональная психология имеет несколько теоретических подходов, которые являются весьма плодотворными. В этом смысле мы большие надежды возлагаем на интегративную психологию, которую развиваем с конца 20-го столетия.

Тем не менее, между академическим психологическим и интегративном видением человека существует глубокое различие. Психологическая парадигма в конечном итоге укоренена в механистическом видении (будь то бихевиористическая схема или компьютерная метафора). Она работает с аналитической картиной психики. Интегративная психология укоренена в холистическом,

целостном видении (голографическом). Она работает с целостными, гештальтными состояниями. И в этом смысле задача науки, которая пытается понять методы интеграции личности, состоит в том, чтобы научиться воспринимать принципиально неаналитические, целостные образования. А эта проблема стоит не только в психологии.

Другое отличие в том, что любой метод интеграции личности связан, прежде всего, с духовными практиками, с человеком развивающимся, с созданием для человека новых зон свободы через психотехническое освоение мира. В этом процессе впервые создаются новые возможности действий и обстоятельства, новые свободные пространства, которые, по сути, являются инструментами дальнейшего развития. И каждую следующую зону свободы нужно вновь завоевывать творческими актами, а не манипулятивными или репродуцирующими действиями. Как всякий инструмент, метод интеграции личности таит в себе и благо, и зло, может использоваться не по назначению - для развития, а для манипулирования собой и другими. Поэтому столь существенна антитехнологическая установка, которая всегда содержится в этическом слое традиционных психотехник.

По прогнозам ряда культурологов XXI век будет не столько веком компьютеров и биотехнологии, сколько веком методов интеграции личности. И в это можно поверить, видя громадный интерес человечества и современной психологии, в частности, к методам самосовершенствования, к гармонии личности не столько как результату, а сколько как к процессу поиска высших ценностей и состояний.

ИССЛЕДОВАНИЕ «ПСИХОДУХОВНОГО КРИЗИСА» В ИНТЕГРАТИВНОМ ПОДХОДЕ

Качанова Наталья (г. Минск)

Человечество в своем развитии сталкивалось с большим числом проблем самого разного типа, политических и социальных, научных и религиозных. Однако лишь в конце 19-го и на протяжении 20 века с особой остротой стали вставать проблемы, связанные с конфликтами в области психического. Развитие психологии как специальной науки стало результатом коллективных и индивидуальных потрясений современного человечества, которое уже не могло найти истолкования и умиротворяющего исхода в мифологии, религии и метафизике, как было в древности или в средневековье. Во многом эти проблемы

вставали, прежде всего, в социальной или групповых сферах, где возникали проблемы во взаимоотношениях между индивидуумами и нарушение «нормального» поведения людей. Так, возросло число психических заболеваний, неврозов, увеличилось количество самоубийств. Применение только социального анализа не позволяло понять причины такого рода явлений. Поэтому совершенно естественно возникли попытки толкования их природы с учетом внутреннего мира человека, его психики.

В настоящее время понятие кризиса стало центральным во многих психологических исследованиях и социальной работе. Личностные кризисы, хотя с ними человек сталкивается в обычной жизни повседневно, не являются объектом столь пристального внимания, а самые значимые из них, так называемые психодуховные и экзистенциальные кризисы, зачастую вовсе обходятся вниманием научного сообщества.

Тема личностных кризисов нас привлекает по нескольким причинам:

1. малая разработанность в науке;
2. огромная социальная значимость проблемы;
3. насущная необходимость построения общей теории, методологии кризисов разного происхождения и выстраивания технологии работы с кризисными состояниями личности и групп (Козлов, 1999).

Трудно объяснить красоту перехода от тайны к закономерности. Собиратель марок, спичечных этикеток, бабочек или человек, решающий кроссворды, наслаждаются чувством завершения закономерных последовательностей и процессом нахождения признака, в соответствии с которым большое количество очевидно разнородных объектов могут быть расположены неким логическим образом. Чем более разнообразны, необычны и загадочны объекты, тем большее удовлетворение доставляет нам обнаружение закономерностей, в соответствии с которыми их можно размещать в удобном и гармоничном порядке, делающем их доступнее для понимания. [7]

В данном исследовании рассматривается тема психодуховного кризиса как отдельно взятого с некоторыми присущими ему особенностями. Это продиктовано тем, что в научной литературе они описаны мало и конспективно.

Общее описание стратегии исследования

Проблема социальной адаптации и самоактуализации личности является одной из сложнейших проблем психологии. Особенно она обострилась в период экономической и социальной нестабильности. То, что мы наблюдаем на уровне всего общества: девальвацию общечеловеческих ценностей, растущую преступность, снижение общего эмоционального фона населения, отсутствие психологической гибкости и необходимых навыков для адаптирования в быстро меняющихся условиях экономического и социального кризисов – ярко проявляется на уровне конкретной личности. Данная проблема чрезвычайно актуальна для многих областей психологической науки. Она ставится (и в рамках собственной специфики рассматривается там) в таких разделах психологии, как психология личности, педагогическая психология, юридическая психология, психология труда, медицинская психология и психология зрелости. Особую актуальность она приобретает, когда мы говорим о переживании индивидуумом психодуховного кризиса, как необходимого этапа психологического взросления. И именно в этот момент мы сталкиваемся с непроработанностью данной тематики, как в методологическом отношении, так и в вопросах диагностики.

Мы уверены, что методология является стержнем любой науки. Особенно важны методологические принципы в тех областях, которые касаются человеческого сознания и психики. Значимость методологии как совокупности принципов и способов организации теоретической и практической деятельности возрастает при применении интегративных психотехнологий, которые используют в своей структуре взаимодействия с клиентами измененные состояния сознания (трансовые, расширенные, психоделические) [6].

Объект исследования и выборка

Данное исследование проводилось на тренингах в группах личностного роста. Его объектом явились люди в возрасте от 18 до 58 лет. Объем выборки составил 110 человек (78 женщин и 32 мужчины). Возраст испытуемых:

До 25 лет – 23 человека (5 мужчин и 18 женщин)

От 25 до 35 лет – 38 человек (13 мужчин и 25 женщин)

От 35 лет – 49 человек (14 мужчин и 35 женщин)

Таблица 1.

Половозрастная дифференциация выборки.

NN пп	Параметры	Количество участников	%/ к общ. кол участников
1.	Возраст от 17 до 25 лет	23	20,9
2.	Возраст от 25 до 35 лет	38	34,55
3.	Возраст от 35 до 60 лет	49	44,55
4.	Мужчин	32	29,09
5.	Женщин	78	70,91
	Всего	110	100

Таблица 2.

Образовательная характеристика выборки.

NN пп	Уровень образования	Количество участников	% к общ. кол-ву участников
1.	Среднее	2	1,82
2.	Средне-техническое	8	7,27
3.	Незаконченное высшее	9	8,18
4.	Высшее	91	82,73
	Всего	110	100

В каждом этапе исследования принимала участие вся выборка.

Исследование причин возникновения психодуховного кризиса.

Задачи исследования:

1. исследовать причины психодуховного кризиса;
2. проанализировать сходство и различия причин психодуховного кризиса у мужчин и женщин.

Рабочая гипотеза: Согласно концепции Козлова В.В. кризисные состояния могут быть разделены на три вида: материальные, социальные и духовные. Каждое состояние вызывается изменениями в определенной структуре личности и, по-видимому, имеет свое содержание. Можно предполагать наличие как сходных проявлений этих кризисов (они одинаково оказывают дестабилизирующее влияние на личность), так и проявлений, отличающих один вид

кризиса от другого. Однако пока не существует экспериментального подтверждения этому предположению.

Описание метода: Ввиду практической сложности достоверного суждения о наличии в данный момент определенного вида кризиса у данной личности для нашего исследования был выбран метод контент-анализа, как позволяющий изучать внетекстовую реальность, делать ретроспективный анализ явлений, а также получить обширные качественные и количественные данные о содержании личностных кризисов [8].

Текстовой материал для проведения контент-анализа был получен с помощью анкетирования, в процессе которого участникам предлагалось выбрать те явления, которые способствовали возникновению кризисного состояния в их жизни. А также участники писали сочинение о переживании психодуховного кризиса, в котором описывали свое психическое состояние. На основе полученных количественных данных были сопоставлены различные виды кризисов, выделены характерные паттерны переживаний и получено описание кризисных состояний. Также было проведено сравнение кризисных состояний мужчин и женщин, причем для определения достоверности различий использовался Т-критерий Стьюдента.

Анализ результатов и их интерпретация: На заданный в анкете вопрос о причинах духовного кризиса были получены следующие ответы (в %):

Табл. № 2. Данные опроса о причинах психодуховного кризиса.

	Потеря близкого человека	Тяжелая болезнь близкого человека	Неразделенная любовь	Собственная тяжелая болезнь	Околосмертные переживания	Потеря материального обеспечения	Потеря социального статуса	Общая неудовлетворенность жизнью	Потеря смысла жизни
Мужчины	56	16	13	69	9	44	72	16	43
Женщины	72	37	72	29	8	18	22	40	58

Из полученных результатов видно, что причинами духовного кризиса могут являться социальный и материальный кризисы. Т. к. три подструктуры «Я» взаимосвязаны и взаимно влияют друг на друга, то изменения в одной из них не могут не влиять на другие, обеспечивая тем самым баланс трех подструктур и единство психики. Причины возникновения психодуховного кризиса у мужчин и женщин значимо различаются по параметрам «болезнь близкого человека», «неразделенная любовь», «общая неудовлетворенность жизнью» (большой % у женщин), «собственная тяжелая болезнь», «потеря материального обеспечения», потеря социального статуса» (большой % у мужчин). Большой % по параметру «общая неудовлетворенность жизнью» у женщин объясняет преобладающее количество женщин, проходящих различные семинары и тренинги.

Выводы:

1. Различия в мужской и женской выборке незначимы по параметрам «потеря близкого человека», «околосмертные переживания», «потеря смысла жизни». Это позволяет говорить о стирании половой границы при столкновении индивида с ситуациями и переживаниями, связанными с такими понятиями, как смерть, смысл жизни и т.д., т.е. затрагивающими область «Я-духовное».
2. Значимость различий по некоторым параметрам в мужской и женской выборках указывает на следующее: женщины более склонны к общению, сопереживанию, поэтому более подвержены фрустрации из-за потери близких контактов, чем мужчины. С другой стороны, концентрированность мужчин на завоевании социального пространства и увеличении материального благосостояния ставит под удар их психическое здоровье при возникновении трудностей в сфере материального и социального.

Исследование влияния ИИПТ (интегративных интенсивных психотехнологий) на оценивание образа «Я-реального» и «Я-идеального».

Основные гипотезы исследования:

- Такие факторы личностного дифференциала, как самооценка, сила и активность индивидуума, вовлеченного в переживание кризисной ситуации являются достаточно низкими, что создает дополнительные трудности в преодолении кризиса.

- У личности, находящейся в кризисной ситуации между «Я-реальным» и «Я-идеальным» наблюдается большой разрыв, что способствует еще большей фрустрации.
- ИИПТ позволяют повысить уровень самоуважения личности, уверенности в собственных силах и социальной активности.
- ИИПТ позволяют уменьшить разрыв между восприятием своего «Я-реального» и «Я-идеального», что способствует проактивности личности, ее самореализации и социальной адаптации в обществе.

Выбор методов: В нашем исследовании использовался личностный семантический дифференциал, адаптированный в НИИ им.Бехтерева. Методика включает полюса трех классических факторов семантического дифференциала: оценки, силы и активности. Оценивались понятия «Я такой, какой есть сейчас» и «Я такой, каким хочу быть в идеале» в четырех предъявлениях. В эксперименте сравнивались средние по факторам Оценка, Сила и Активность. Для определения достоверности разницы средних для выборок был применен метод Стьюдента (t), расчеты производились с помощью ЭВМ (программа «Стадия»). Исследовались статистические связи между параметрами с помощью корреляционного анализа.

Обработка данных: Подсчитываются значения оценки, силы и активности. Их максимальные значения могут колебаться от +21 до – 21. Количественные уровни могут иметь следующие значения: 17-21 – высокий уровень; 8-16 – средний уровень; 7 и менее – низкий уровень.

Интерпретация факторов ЛД:

Результаты фактора Оценки свидетельствуют об уровне самоуважения. Высокие значения - испытуемый принимает себя как личность, склонен осознавать себя как носителя позитивных, социально желательных характеристик, в определенном смысле удовлетворен собой. Низкие значения - возможные невротические или иные проблемы, связанные с ощущением малой ценности своей личности.

Фактор Силы свидетельствует о развитии волевых сторон личности, как они осознаются самим испытуемым. Его высокие значения - уверенность в себе, независимость, склонность рассчитывать на собственные силы в трудных ситуациях. Низкие значения - недостаточный самоконтроль, неспособность держаться

принятой линии поведения, зависимость от внешних обстоятельств и оценок.

Фактор Активности интерпретируется как свидетельство экстравертированности личности. Положительные значения - высокая активность и общительность, отрицательные — пассивность, спокойные эмоциональные реакции.

В данном эксперименте испытуемым предлагалось 4 раза (до, непосредственно после, через 3 месяца и через 1 год после прохождения тренинговой программы) описать себя с помощью шкал семантического дифференциала: таким, какой есть сейчас, т.е. реальное «Я» и таким, каким мог бы стать, т.е. идеальное «Я». На основании того, что все шкалы рассортированы по трем факторам сравнивались ср. арифм. реального и идеального «Я» по каждому фактору отдельно. Сравнивались факторы: Оценка, Сила, Активность.

Результаты исследования: Исследование показало, что по всем трем шкалам существуют различия ср. арифметических в парах «до применения ИИПТ – сразу после ИИПТ», «до тренинга – через 3 мес.», «до тренинга – через 1 год» как у мужчин, так и у женщин. Причем наблюдается явное сокращение зазора между «Я-реальным» и «Я-идеальным». Результаты подсчета значимости различий по критерию Стьюдента (t).

Интерпретация результатов подсчета значимости различий по критерию Стьюдента между параметрами 1-2, 2-3, 3-4, 1-4 замерами:

1. Различия по показателю «оценка» оказались незначимыми у мужчин в 3-4 для Я-реального, во 2-3 и 3-4 для Я-идеального. У женщин – незначимые в 3-4 для Я-идеального.

2. Различия по показателю «сила» оказались незначимыми у мужчин в 3-4 для Я-реального, в 1-2 и 2-3 для Я-идеального. У женщин все различия значимы.

3. Различия по показателю «активность» оказались значимыми у мужчин как для Я-реального, так и для Я-идеального, у женщин различия незначительны в 3-4 для Я-идеального.

Интерпретация результатов: Обращают на себя внимание высокие корреляционные связи в парах «Оценка Я-р. – Сила Я-р.», «Оценка Я-р. – Активность Я-р.», «Сила Я-р. - Активность Я-р.» как у мужчин, так и у женщин, что говорит о взаимозависимости и взаимообусловленности этих трех интегральных показателей. Возможно, терапевтические методы, направленные на работу с каким-

либо из этих факторов, дадут положительные показатели изменений и по всем остальным.

По высоким показателям в парах «Активность Я-р. – Активность Я-и.» и «Оценка Я-р. – Оценка Я-и.» в обоих выборках мы можем предположить, что, чем выше индивид ставит себе задачу, требующую активизации всех его потенциальных способностей и возможностей, тем более индивид испытывает к себе чувство уважения и проявляет большую активность, и наоборот. Это же может относится к парам «Оценка Яи. - Оценка Я-р.», «Оценка Яи. – Сила Я-р.», «Оценка Я-и. – Активность Я-р.»., «Активность Я-и. – Оценка Я-р.», «Активность Яи. – Сила Я-р.».

Низкие показатели в парах у мужчин «Сила Я-р. - Сила Я-и.» и «Оценка Я-и. – Активность Я-и.», а также отсутствие значимых связей между показателями «Я-идеального» выдвигает предположение, что респонденты не ясно представляют себе свои потенциальные возможности, и, как следствие, не пытаются превозмочь свои ограничения.

В отличие от мужчин, у женщин наблюдается высокая связь в паре «Сила Я-р. - Сила Я-и.», а также наличие значимых связей между показателями «Я-идеального» интерпретируется как способность активизировать волевые способности в критических ситуациях, какой и является психодуховный кризис, прорывая ограничения «Я-реального», что подтверждается гендерной психологией, как факт большей выносливости женщин в отличие от мужчин.

Выводы и рекомендации:

1) Как видно такие факторы личностного дифференциала, как самооценка, сила и активность индивидуумов, вовлеченных в переживание кризисной ситуации являются довольно низкими, что создает дополнительные трудности в преодолении кризиса. После применения ИИПТ наблюдается явное повышение всех параметров с низкого до среднего уровня, со среднего на высокий.
2) Также следует отметить выраженный разрыв между восприятием «Я-реального» и «Я-идеального». Это порождает еще большую фрустрацию индивида, т.к. он не видит реальной возможности достижения своего субъективного идеала. ИИПТ позволяют уменьшить разрыв между восприятием своего «Я-реального» и «Я-идеального»,

что способствует проактивности личности, ее самореализации и социальной адаптации в обществе.

3) Через 3 месяца после тренинга наблюдается снижение значений всех параметров, что, однако не является негативным эффектом. Мы трактуем данное изменение как естественное возвращение человека к обычному состоянию сознания. Причем важно отметить, что данный уровень является более высоким по сравнению с периодом до тренинга.
4) Через 1 год после проведения тренинга различия по всем показателям по сравнению с периодом до тренинга являются значимыми, что свидетельствует о долгосрочности результатов при использовании ИИПТ.
5) ИИПТ способствуют быстрому и эффективному прохождению через кризисные ситуации и способствуют более высокому уровню интегрированности личности и ее социальной адаптации.

Исследование субъективного восприятия участниками динамики психодуховного кризиса до и после прохождения программ на основе ИИПТ, а также феноменологического содержания этапов психодуховного кризиса.

Личностные кризисы – это психические состояния, которые, по определению Н.Д.Левитова, являются целостной характеристикой психической деятельности на определенном отрезке времени, показывающей своеобразие протекающих психических процессов в зависимости от отраженных предметов и явлений, предшествующих состояний и свойств личности. По своей структуре психические состояния – это своего рода синдромы, отличающиеся по знаку (позитивные или негативные), предметной направленности, длительности, интенсивности, устойчивости и одновременно проявляющиеся в познавательной, эмоциональной, волевой и других сферах психики. [4]

В своем исследовании мы придерживаемся взгляда, что кризисные состояния - неотъемлемая часть жизни, личностного развития каждого человека; кризисы – жизненные периоды, максимально благоприятные для повышения уровня развития личности; кризисные изменения в значительной степени влияют на

дальнейшее направление развития человека; и проявления различных видов кризисов имеют отличия. [3]

Козлов разделяет кризис на пять основных этапов, неких форм существования, отличающиеся по смыслу и силе переживания: обыденная жизнь человека с его привычными заботами и функциями, зов, смерть-возрождение, урок, завершение кризиса и возвращение к обычной жизни с новыми качествами. [2]

Отталкиваясь от данной теоретической предпосылки, мы предполагаем, что человек обладает собственной изнутри идущей активностью, стремлением к росту, к реализации своего внутреннего потенциала. Психотерапевт может только способствовать развитию собственной активности человека. Тренинговые терапевтические группы являются прежде всего способом ускорения психологического развития и самореализации нормально функционирующей личности и только во второю очередь работа тренера, терапевта направлена на исправление симптоматического невротического поведения. [1]

Предмет исследования

Предметом изучения в данной работе является субъективное восприятие участниками динамики кризисного состояния, а также непосредственное влияние прохождения тренинговой программы на основе ИИПТ на протекание психодуховного кризиса, интеграцию и самоактуализацию личности.

В результате за основу данного исследования были выдвинуты следующие гипотезы:

1. Психодуховный кризис является важным этапом в развитии личности.
2. Индивидуум, переживая психодуховный кризис, проходит определенные этапы, отчетливо выраженные в его субъективном восприятии.
3. Каждый этап имеет свое смысловое содержание.
4. ИИПТ способствуют быстрому и эффективному прохождению через психодуховный кризис и способствуют более высокому уровню интегрированности личности и ее социальной адаптации.

Структура исследования:

Исследование состояло из двух этапов:

На первом - (непосредственно перед началом тренинга) - участникам предлагалось:

• нарисовать на графике кривую эмоционального состояния во время кризисной ситуации, приведшей их на тренинговую программу.

• описать течение данной кризисной ситуации, наиболее подробно останавливаясь на своих чувствах, ощущениях, состояниях во время переживания психодуховного кризиса.

На втором – (через 3 месяца после прохождения тренинговой программы) – участникам предлагалось:

• нарисовать на графике кривую состояния после прохождения тренинга по их собственному ощущению.

• описать свое состояние после прохождения тренинга, наиболее подробно останавливаясь на своих чувствах, ощущениях.

• выбрать варианты ответов в анкете на вопросы о степени значимости прохождения тренинга для участников, а также о полученном субъективном результате.

Обработка данных при анализе графической информации:

Для анализа графиков были использованы методы математической статистики (нахождение средней арифметической по каждой критической точке графиков, индексный метод и многофакторная индексная модель).

Результаты исследования:

Таблица 1. Значения эмоционального состояния у мужчин в динамике кризиса, предшествовавшего тренингу, и сразу после него.

Кол-во показателей	Ср-ар. значений эмоц. состояний у мужчин		
	До 25 лет	От 25 до 35 лет	От 35 лет
1	3,6	4,2	2,79
2	5,4	1,54	2,71
3	-4	-5,8	-6,71
4	-2,4	-1,54	-4,93
5(сразу после тренинга	5,8	5,31	5,21

Рис. 1. График субъективного восприятия эмоциональной динамики кризисного состояния, предшествовавшего тренингу, у мужчин.

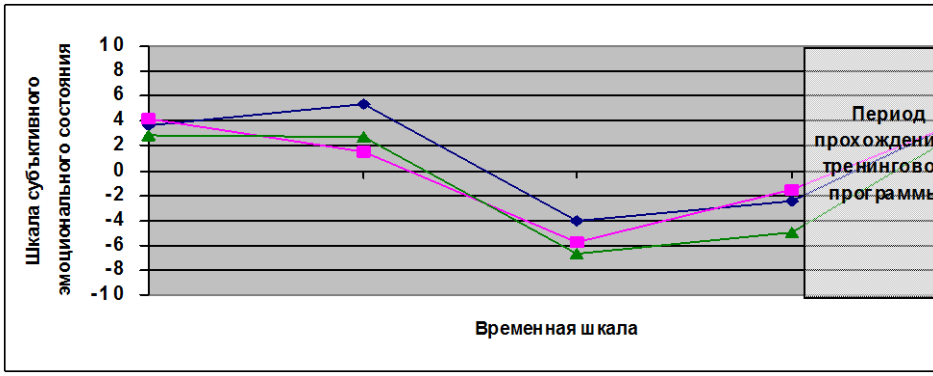


Таблица 2. Значения эмоционального состояния у женщин в динамике кризиса, предшествовавшего тренингу, и сразу после него.

Кол-во показателей	Ср-ар. значений эмоц. состояний у женщин		
	До 25 лет	От 25 до 35 лет	От 35 лет
1	4,06	4,44	3,03
2	6,17	4,56	0,6
3	-5,78	-6	-6,91
4	-3,5	-4,6	-5,09
5(сразу после тренинга)	5,61	6,92	6,26

Рис. 2. График субъективного восприятия эмоциональной динамики кризисного состояния, предшествовавшего тренингу, у женщин.

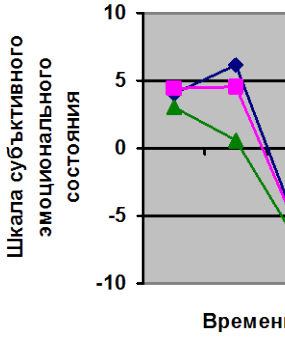


Таблица 3. Значения эмоционального состояния у мужчин в течение 3-х месяцев после тренинга.

Кол-во показателей	Ср-ар. значений эмоц. состояний у мужчин		
	До 25 лет	От 25 до 35 лет	От 35 лет
1	5	5,31	5,29
2	3	3,54	3,79
3	-2,2	-1,54	0,86
4	1,6	2,38	2,29
5	5,4	5,23	3,93

Рис. 3. График субъективного восприятия эмоциональной динамики в течение 3-х месяцев после тренинга у мужчин.

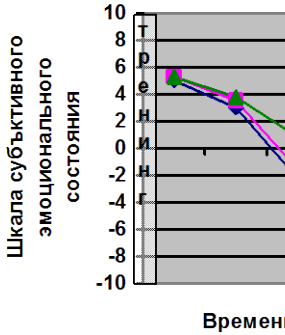
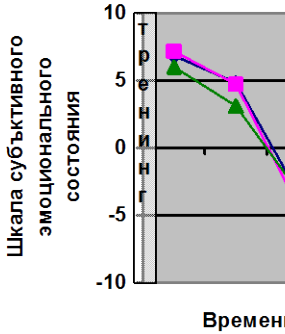


Таблица 4. Значения эмоционального состояния у женщин в течение 3-х месяцев после тренинга.

Кол-во показателей	Ср-ар. значений эмоц. состояний у женщин		
	До 25 лет	От 25 до 35 лет	От 35 лет
1	6,83	7,16	6
2	4,83	4,72	3,11
3	-3,22	-4,22	-3,14
4	2,28	2,94	2,54
5	5	4,76	4,49

Рис. 4. График субъективного восприятия эмоциональной динамики в течение 3-х месяцев после тренинга у женщин.



Выводы и рекомендации.

⇒По сравнению с состоянием непосредственно перед тренингом сразу же после прохождения тренинга наблюдается увеличение значений по шкале субъективного эмоционального состояния (показатели № 4 и №5 табл.№1 и табл.№2):

У мужчин: - (до 25 лет) – в 3,42 раза
(от 25 до 35 лет) – в 4,45 раз
(от 35 лет) – в 2,06 раз
У женщин: - (до 25 лет) – в 2,6 раз
(от 25 до 35 лет) – в 2,5 раз
(от 35 лет) – в 2,23 раза

⇒Тренинговые программы на основе ИИПТ могут являться быстрым и эффективным средством в работе психолога с индивидуумами, находящимися в тяжелом кризисном состоянии.

По сравнению с состоянием перед началом кризиса и состоянием сразу же после прохождения тренинга наблюдается увеличение значений по шкале субъективного эмоционального состояния (показатели №1 и №5 табл.№1 и табл.№2):

У мужчин: - (до 25 лет) – в 1,61 раз
(от 25 до 35 лет) – в 1,26 раз
(от 35 лет) – в 1,87 раз
У женщин: - (до 25 лет) – в 1,38 раз
(от 25 до 35 лет) – в 1,56 раз
(от 35 лет) – в 2,07 раз

⇒Тренинговые программы на основе ИИПТ поднимают общий эмоциональный фон по сравнению с обычным состоянием, что имеет как положительный момент – хорошее настроение признается необходимым условием полноценного существования человека, так и ставит неизбежный вопрос о возможном эффекте зависимости от тренинговой терапии. Это момент может повлечь за собой превращение «кризисной» личности в «вечного клиента», перебирающего тренинги и терапевтов в погоне за допингом положительных эмоций без попытки реорганизации своей собственной жизни.

По сравнению с состоянием сразу же после тренинга и состоянием через 3 месяца после прохождения тренинга наблюдается снижение значений по шкале субъективного эмоционального состояния (показатели №5 табл.№1 и табл.№2 и показатели №5 табл.№3 и табл.№4):

У мужчин: - (до 25 лет) – на 7%
(от 25 до 35 лет) – на 2%
(от 35 лет) – на 25%
У женщин: - (до 25 лет) – на 11%
(от 25 до 35 лет) – на 31%
(от 35 лет) – на 28%

⇒По истечению 1-3х месяцев происходит спад эмоционального состояния по сравнению с показателями сразу же после прохождения тренинга, что свидетельствует о возвращении индивидуума к привычному существованию. Однако этот спад незначителен и не

пересекает границу показателей эмоционального фона, присутствовавшего у клиентов до начала кризиса как такового.

По сравнению с максимальным отрицательным значением до прохождения тренинга и с максимальным отрицательным состоянием в течение 3х месяцев после прохождения тренинга наблюдается снижение значений по шкале субъективного эмоционального состояния (показатели №3 табл.№1 и табл.№2 и показатели №3 табл.№3 и табл.№4):

У мужчин: - (до 25 лет) – на 18%
(от 25 до 35 лет) – на 42,6%
(от 35 лет) – на 75,7%
У женщин: - (до 25 лет) – на 24,8%
(от 25 до 35 лет) – на 17,8%
(от 35 лет) – на 37,7%

⇒Тренинговые программы на основе ИИПТ помогают сформировать у личности достаточный запас прочности в перенесении жизненных неудач, лишений и испытаний. Причем данные показатели особенно проявились у группы в возрасте от 35 лет, что является важным достижением в связи с тем, что наибольшее давление и стресс испытывает именно данная возрастная группа в кризисной ситуации.

Заключение

Понимание простой истины, что вне кризисов нет развития, помогает психологу осознавать «правильное место» в жизни своего клиента. Охраняя его от возможности пережить психодуховный кризис в полной мере, пройдя через все стадии, терапевт лишает личность шанса сделать качественный скачок в своем развитии. Благое стремление сделать человеческое существование легким, безпроблемным, является «медвежьей услугой». Профаническая жизнь личности является линейной. В ней ничего не происходит, т.е. не происходит ничего из ряда вон выходящего, способного стряхнуть сон, прорвать привычные будни. Профаническое существование является скорее плодотворной почвой для зарождения вихря психодуховного кризиса. Из этого состояния мы говорим о «норме», о большинстве, об общепринятых правилах, вознося эти понятия на пьедестал добропорядочности.

Мы видим цель психологической и социальной работы в условиях психодуховного кризиса - приведение личности к большей

целостности, к меньшей конфликтности, раздробленности сознания, деятельности, поведения.

Перед психологом и социальным работником стоят следующие задачи:

- помочь клиенту пережить конфликты и иные психотравмирующие ситуации;
- помочь клиенту актуализировать творческие, интеллектуальные, личностные, духовные и физические ресурсы для выхода из кризисного состояния;
- способствовать укреплению самоуважения клиентов и их уверенности в себе;
- содействовать расширению у клиентов диапазона социально и личностно приемлемых средств для самостоятельного решения возникающих проблем и преодоления имеющихся трудностей.

В то время как клиент полностью дезорганизован, не знает что делать, работа с ним должна включать структурирование или переструктурирование жизненных целей. Материальные и социальные потребности люди могут удовлетворить сами. Вся система современной социализации направлены именно на это. А удовлетворять духовные потребности им могут помочь только профессионалы высокого класса, которые сами прошли через горнило психодуховного кризиса.

Помощь человеку словом и делом во время духовного кризиса нужна для того, чтобы человек в дальнейшем, опираясь на глубокий опыт духовных переживаний, строил свою жизнь по нему, и совершал свои поступки, опираясь на основные внутренние этические ценности и сущностные смыслы. Потому что, только соблюдая внутренние заповеди духовного Эго, человек может сохранить свою внутреннюю гармонию. Другого пути к целостности не существует.

Ценность же всякой психотерапевтической методики заключается в ее свойствах катализатора, способного вдохновить на самостоятельные поиски. Как уже нередко говорилось, сила, способная произвести одни из самых мощных трансформаций – это сила творчества. Для обретения данной силы человек нуждается в возвращении к своему Изначальному, которое не является безвозвратно потерянным, но девальвация ценности которого повлекла за собой превращение творческого потока жизни в обыденное профаническое существование.

Изначальное – это та глубинная часть нашего Я или, можно сказать, глубинное Я, которое пребывает в постоянном общении с таинственным и непостижимым миром, это пуповина, связывающая с тем, откуда мы вышли, и через которую мы получаем силу, это, в конце концов, та внутренняя истинная свобода, которой мы наделены, но на отсутствие которой большинство из нас обрекает себя.

Литература:

1. Аврамова Т.И. Личностный рост как предмет психологических развивающих и коррекционных программ. - Ежегодник Российского Психологического Общества «Психология и практика» Т.4, в.3, - Ярославль, 1998
2. Козлов В.В. Социальная работа с кризисной личностью. Методическое пособие. – Ярославль, 1999. – 303 с.
3. Козлов В.В. Личностный кризис – структурные и гендерные особенности. - Ярославль, ЯрГУ, 2002.
4. Лазебная Е.О. Некоторые методологические проблемы изучения адаптации после воздействия экстремального (травматического) стресса// Психология и практика. Ежегодник РПО. Т. 4, вып. 5. – Ярославль, 1998. – С. 6 – 13.
5. Майков В. Картезианский бумеранг или Ахиллесова пята науки о человеке./Свободное дыхание. Первые пять лет./Под ред. Козлова В.В. – Москва, 1994. – 184с.
6. Рогов Е.И. Настольная книга практического психолога в образовании. - М.: Владос, 1996.
7. Селье Г. От мечты к открытию. – М., Прогресс, 1974.
8. May, R. The emergence of existencial psychology. - New York: Random House, 1969.

О ПСИХОТЕРАПЕВТИЧЕСКОЙ ФУНКЦИИ СОВРЕМЕННОЙ СЕМЬИ

Агейко О.В. (Беларусь, г.Минск)

Психологическая зрелость и психологическая культура современного человека позволяет ему предъявлять высокие требования к качеству брачно-семейных отношений. Традиционно показателями качества брачных отношений признается их

стабильность и удовлетворенность супругов своим брачным союзом. Опыт клинической работы с супружескими парами, обратившимися за психологической помощью, позволяет утверждать, что в качестве маркера супружеского и семейного благополучия можно считать также способность семьи реализовать свой психотерапевтический потенциал.

Запрос на профессиональную психотерапевтическую помощь возникает у человека тогда, когда он сталкивается с психологической проблемой, вызывающей сильные негативные эмоциональные переживания, которую самостоятельно он решить не может. Семья как целостная система, состоящая из близких и значимых людей, обладающая характерными для нее способами взаимодействия, так же как и отдельный человек, прибегает к профессиональной психотерапевтической помощи, когда она исчерпывает свои ресурсы при решении семейных проблем. Трудности семейного функционирования могут быть вызваны как внешними по отношению к семье событиями, так и внутренними причинами, связанными с ее развитием.

Во-первых, семья подвергается влиянию неблагоприятных внешних воздействий различного масштаба (от социогенных катастроф и стихийных бедствий, до агрессивных нападений и квартирных краж).

Во-вторых, развитие семьи, переход от одного этапа жизненного цикла семьи к другому закономерно сталкивает ее с «нормативными» кризисами.

В третьих, в жизни каждой конкретной семья, проживающей свой индивидуальный жизненный путь, происходят события, вызывающие стрессы и психические травмы у взрослых и детей (утраты, болезни, неудачи в учебе, потеря работы, отсутствие детей, неблагоприятные жилищные условия и финансовые трудности, супружеская неверность, ссоры и конфликты, алкоголизм, наркомания и т.д.).

Внешние воздействия, нормативные и ненормативные кризисы в жизни семьи формируют у взрослых и детей потребность в психологической помощи и поддержке. Первую и постоянно действующую психотерапевтическую помощь может оказывать семья в силу ее специфичности как социальной организации.

Современная нуклеарная семья это особое социальное объединение, малая группа, в состав которой входят муж и жена, родители и дети, братья и сестры. Люди, связанные между собой особыми отношениями: родственными узами, отношениями привязанности, взаимной любви, ответственности, заботы, взаимной помощи, как психологической, так и материальной. Функционирование семьи, формирование семейных отношений напрямую связано с ее способностью удовлетворять широкий спектр жизненно важных потребностей человека.

Если обратиться к классификации потребностей, предложенной Абрахама Маслоу, то можно увидеть тот широкий спектр потребностей, которые современный человек стремится удовлетворить через брачно-семейные отношения.

Организация быта в современном обществе такова, что такие витальные потребности как питание, сон, поддержание физического здоровья находятся в ведении семьи. Семья обеспечивает «выживание» новорожденного, уход ха нетрудоспособными, больными и престарелыми членами семьи.

Интенсификация социальной, финансово-экономической и психологической жизни современного человека, маргинальное состояние общества, его ценностей, экологические и техногенные катастрофы, терроризм, эпидемии и т.д. провоцируют возникновение у многих людей чувства беззащитности, неопределенности, неуверенности в сегодняшнем и завтрашнем дне. Именно семейная организация позволяет человеку создать свой мир из близких, любящих, понимающих людей, живущих по определенным правилам, соблюдающим установленные традиции. Постоянные, доверительные, непрерывные семейные отношения дают человеку возможность почувствовать себя в безопасности, избежать состояния неопределенности и хаоса.

Пожалуй, самым прямым назначением брачно-семейных отношений является удовлетворение потребностей привязанности и любви. Любовь является доминирующим и наиболее распространенным мотивом создания семьи. Сохранность эмоциональных отношений в супружеской паре становится одним из важных критериев качества супружеских отношений. Сексуальная близость супругов приносит удовлетворение при условии глубочайшей психологической интимности. Утрата чувств, измена

брачного партнера все чаще становится причиной неудовлетворенности супружескими отношениями и принятия решения о разводе. Отношения привязанности и родительской любви являются базовым условием рождения ребенка и обеспечения его психического здоровья.

Свобода выбора брачного партнера, ориентация на психологические ценности брака естественным образом сочетаются с желанием человека быть принятым в семье, иметь уверенность в том, что его оценивают по достоинству, его вклад в семью не остается незамеченным. Современному человеку важно, чтобы его понимали и признавали, прежде всего, близкие люди. Не только взрослые, но и дети в сегодняшней семье имеют возможность манифестировать свое право на семейный статус, престиж, признание и это не расценивается как посягательство на родительский авторитет.

Удовлетворение потребностей самоуважения в семье порождает чувство уверенности в себе, достоинство и осознание того, что ты полезен и необходим тем, кто тебе дорог. Напротив, фрустрация этих потребностей приводит к чувству ненужности, слабости, зависимости, неудовлетворенности брачными и семейными отношениями. Маслоу подчеркивал, что здоровое самоуважение основывается на заслуженном уважении другими, а не на внешнем статусе, лести и переживается как стремление получить уважение

И, наконец, супруги, родители, дети, - все, кто живет в семье, все более осознают свою потребность быть в семье самим собой, пытаются построить такие отношения, ожидают от других такого поведения, которое бы позволило создать в семье наиболее благоприятные условия для личностного роста, как детей, так и взрослых членов семьи. Одновременно с ростом требований к любви и счастью растет толерантность к свободе партнеров, автономии детей. Человек в семье претендует на реализацию возможности принимать жизненно важные решения в соответствии с личными и семейными интересами, а не с общепринятыми нормами или групповым принуждением. В современной семье принцип индивидуализации, автономии находит все большее принятие.

Таким образом, современный человек связывает с семьей уникальную возможность удовлетворять постоянно возобновляющиеся жизненно важные потребности в продолжение рода, в отцовстве, материнстве, в физической защищенности и

психологической безопасности, уважении и любви, в принадлежности и причастности группе, в личностном росте и самореализации.

Непрерывность и длительность функционирования значимых интимных отношений, посредством которых происходит удовлетворение потребностей, позволяет семейной группе накапливать психотерапевтический потенциал, который используется в повседневном семейном взаимодействии и особенно востребован в ситуациях семейных кризисов. Именно длительность семейных отношений, их высокая значимость и принимающий характер, являются терапевтическими факторами семьи. Супружеские, родительские, сиблинговые, детско-родительские отношения, обладающие психотерапевтическим ресурсом, оказывают благотворное влияние на личностный рост членов семьи, на прочность и качество семейного функционирования.

Следует отметить, что семейные психологии в числе традиционных семейных функций, таких как репродуктивная, воспитательная, сексуальная, хозяйственно-экономическая, досуговая, первичного социального контроля давно говорят об особых функциях семьи, имеющих психологическое содержание, при этом не выделяя психотерапевтическую функцию как самостоятельную.

Так Э.Г. Эйдемиллер и В. Юстицкис (1999 г.) называют эмоциональную функцию семьи. Ее содержанием является удовлетворение потребностей членов семьи в симпатии, уважении, признании, эмоциональной поддержке, психологической защите.

В.И. Зацепин (1991 г.) выделяет рекреативную и коммуникативную функции семьи. Рекреативная (восстановительная) функция семьи заключается в том, что именно в семье человек получает и оказывает сам физическую, материальную, моральную, психологическую помощь и поддержку

Коммуникативная функция семьи, согласно В.И.Зацепину, состоит в удовлетворении двух противоположно направленных и взаимосвязанных потребностей – в общении и в уединении. В семье человек получает возможность отдохнуть от обилия социальных контактов. И в семье человек удовлетворяет потребность в интимном общении с близкими людьми.

Именно от семьи, пишет В.И.Зацепин, зависит социальное здоровье человека. День отдыха в семье может быть эквивалентным

недельному пребыванию в доме отдыха, и, наоборот, по своей психологической напряженности, день в семье бывает насыщеннее и труднее, чем неделя на работе.

О.М.Здравомыслова (1992 г.) выделяет психологические функции современной (биархатной, эгалитарной, нуклеарной) семьи в самостоятельную группу наряду с социально-культурными функциями.

С.И.Голод (1999 г) отмечает, что семья оказывается той универсальной общностью, где в повседневных неформальных контактах супругов, родителей с детьми при благоприятно складывающихся отношениях восполняется дефицит личностного общения. Доверительное общение психологически совместимых людей в семье позволяет «растворить» негативную психическую и эмоциональную энергию, избежать устойчивых конфликтов и дистресса.

Следует обратить внимание на справедливое замечание, сделанное С.И. Голодом о том, что семья обладает как постоянно действующим психологическим потенциалом, помогая каждодневно, так и аккумулирует и активирует психотерапевтические ресурсы в ситуации внезапного кризиса.

Таким образом, можно утверждать, что психотерапевтическое назначение семьи как группы, в которой человек может получать естественным образом психологическую помощь и поддержку через установление доверительных отношений является признанным психологической наукой о семье.

С нашей точки зрения, есть все основания для того, чтобы выделить психотерапевтическую функцию семьи в самостоятельную, поскольку современный человек не только имеет в этом необходимость, но и осознает ее как важную потребность. Внешние и внутренние стрессоры, с которыми сталкиваются люди в своей жизни, они «несут» в семью, либо в виде сообщения, либо через свое состояние, или через поведение.

Увидит ли, услышит ли кто-нибудь в семье «запрос» на психологическую помощь и поддержку? Поймет проблему или осудит, примет ли произошедшее или накажет, разделит тревоги и страхи или осудит их как слабость – характер семейной реакции является тем признаком, который показывает, выполняет ли конкретная семья психотерапевтическую функцию или в реестре ее

функций таковая отсутствует. Какие бы проблемы мы ни взяли: трудности подросткового характера и поведения ребенка, нарушенные контакты с прародителями, сексуальная неудовлетворенность, потеря работы и т.п. – их появление актуализируют потребность в психотерапевтическом функционировании семьи. Если человек в семье не находит принятия своих проблем, если семейная система остается ригидной, не экспериментирует, не ищет новые, в тои числе и психотерапевтические способы взаимодействия, человек «выходит» из семьи и вне семьи пытается найти решение.

В каждой семье, как живой системе, периоды дисбаланса сменяются периодами равновесия. В тех семьях, где не аккумулирован психотерапевтический потенциал, центробежные тенденции превалируют над центростремительными, силы отталкивания преобладают над силами притяжения, неудовлетворенность отношениями возрастает, возникает угроза целостности семейному организму.

О наличии психотерапевтического ресурса в семейных отношениях наиболее глубоко размышлял К.Роджерс. С позиции гуманистической теории семьи, семейные отношения это особые отношения близости, интимности. Вместе с тем, их функционирование подчиняется общим законам развития человеческих взаимоотношений. К Роджерс (2001г.) выделил несколько условий, соблюдение которых позволяет людям создать такой тип отношений в семье, который помогает раскрыть их потенциал, ведет к изменению и развитию личности, личностному росту, иначе говоря, оказывает психотерапевтический эффект.

- Первое условие – откровенность и искренность в отношении себя.
- Второе условие – принятие человека, признание его безусловной ценности как отдельной личности, независимо от его конкретного состояния, поведения и чувств.
- Третье условие – понимание человека, тонкая эмпатия к каждому чувству и высказыванию, недопустимость диагностирующих оценок.

При соблюдении этих условий в семье создаются помогающие, психотерапевтические отношения - необходимый контекст конструктивных изменений, достижения зрелости и здоровья.

«Я уверен, - пишет К.Роджерс, что это утверждение верно, если я говорю о моих отношениях с клиентом, с группой студентов или сотрудников, с моей семьей или детьми»[3,с.44].

Говоря о психотерапевтических возможностях семьи, необходимо остановиться на их особенностях в сравнении с специально организованным профессиональным психотерапевтическим взаимодействием.

Уникальность семейного психотерапевтического процесса состоит в, прежде всего в том, что он включен в контекст естественного функционирования человека в семье.

Своеобразие «естественной семейной психотерапии» состоит в том, что между «психотерапевтом» и «клиентом» постоянно происходит обмен ролями.

Роль семейного психотерапевта может выполняться не одним человеком. Она может быть распределена между членами семьи.

В качестве семейных психотерапевтов могут выступать не только взрослые, но и дети.

Все социальные функции, которые традиционно выполняет семья, имеют психологический аспект и обладают психотерапевтическим потенциалом.

Сходство естественной семейной психотерапии и профессионально организованного психотерапевтического процесса состоит, по крайней мере, в двух существенных моментах:

1. семья как фасилитатор создает условия для раскрытия личностных ресурсов человека, личностного роста и саморазвития;

2. важнейшим условием эффективности личностных изменений является характер межличностных отношений: взаимное доверие, открытость, эмпатия, поддержка, принятие.

Напрашивается еще одна аналогия: подобно тому, как человек, обращающийся за психотерапевтической помощью, выбирает своего психотерапевта, происходит выбор своего спутника жизни в союзе с которым только и возможны психотерапевтические отношения взаимной близости, интимности, доверия.

В заключении следует сказать, что психотерапевтические возможности семьи нуждаются в специальных исследованиях. Каждый этап жизненного цикла семьи, каждая конкретная семья, каждое конкретное событие требует и создает свои

психотерапевтические модели, изучение которых имеет большую перспективу.

Литература

1. Николс М., Шварц Р. Семейная терапия. Концепции и методы/ Пер. с англ. О.Очкур, А.Шишко. – М.: Изд-во Эксмо, 2004. – 960 с.: ил.

2. Райгородский Д.Я. Психология семьи. (Серия «Психология семейных отношений»). Учебное пособие для факультетов психологии, социологии, экономики и журналистики. – Самара: Издательский Дом «БАХРАХ - М».2002. – 752 с.

3.Роджерс К.Р. Становление личности. Взгляд на психотерапию / Пер. с англ. М.Золотник. – М.: Изд-во ЭКСМО-Пресс,2001. – 416 с. (Серия «Психологическая коллекция».

4. Роджерс К. Психология супружеских отношений. Возможные альтернативы/ Пер. с англ. В. Гаврилова. – М.: Изд-во Эксмо, 2002. – 288с. (Серия «Психология для всех»).

5. Семейная психотерапия – СПб: Питер, 2000. – 512 с.: ил. – (Серия «Хрестоматия по психологии»).

МЕЖДУНАРОДНЫЕ КОНТАКТЫ КАК ФАКТОР НАУЧНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ (на примере социальной биографии В. М. Бехтерева)

О. А. Артемьева (Иркутск)

Современная наука развивается в условиях активной информатизации и глобализации общества. Позитивный аспект данных процессов заключается в возможности своевременного приобщения ученых разных стран к результатам научной деятельности зарубежных коллег. Негативными последствиями могут стать нивелирование различий в научных подходах ученых отдельных стран, истощение возможностей самобытного культурно обусловленного вклада в общий фонд научных идей. Наиболее продуктивными видятся международные контакты ученых как представителей отдельных научных коллективов из различных стран и регионов.

Определить значение международных контактов ученого позволяет обращение к его социальной биографии, т.е. биографии социальных контактов. Рассмотрим представляющийся блестящим

образец совмещения преимуществ российского образования и опыта работы в ведущих лабораториях мира в научном подходе В. М. Бехтерева. Речь идет о его заграничной командировке в 1884-1885 гг. В то время выпускники профессорского института, иначе говоря, аспирантуры, имели возможность претендовать на научную командировку с целью «дальнейшего совершенствования знаний» за рубежом. В течение года В. М. Бехтереву посчастливилось работать в ряде научных лабораторий Европы, по его словам, «у лучших профессоров того времени» [1] – Вестфаля, Менделя, Флексига, самих Вундта и Шарко и др.

Приобретенные знания и опыт во многом определили научную деятельность В. М. Бехтерева в последующие годы. В частности, очевидно, что открытие первой в России и второй в мире психофизиологической лаборатории в 1885 г. в Казани стало возможным благодаря опыту работы ее основателя в ряде физиологических лабораторий и, прежде всего, в первой лаборатории экспериментальной психологии, недавно созданной В. Вундтом. Активный интерес к гипнозу и внушению как методам лечения, в том числе алкоголизма, характерный для работ В. М. Бехтерева – «К вопросу о врачебном значении гипноза» (1893), «Роль внушения в общественной жизни» (1898) и др. – безусловно, сформировался под влиянием встречи с Шарко в Париже. Здесь необходимо сделать замечание о том, что овладение навыками клинического метода гипноза требует практической работы под руководством специалиста. Другими словами одного чтения работ, посвященных данному методу, было бы недостаточно для его внедрения в практику.

Личный контакт с корифеями европейской науки позволил В. М. Бехтереву познакомиться с новейшими достижениями анатомии и физиологии мозга, психологии и психиатрии. Сам ученый в автобиографии отмечал ту роль, которую сыграла его работа в лаборатории профессора Флексига, где он смог познакомиться с инновационной методикой исследования проводников мозга на срезах из мозгов человеческих зародышей и младенцев. «Это дало мне мысль, – писал в В. М. Бехтерев, – широко использовать новый для того времени эмбриологический метод в целях изучения проводящих путей мозга…продолжение этих исследований, по возвращении моем в Россию, дало мне возможность разработать в возможной для того времени полноте строение мозга» [1]. Итогом стала знаменитая

фундаментальная работа ученого «Проводящие пути мозга» (1893), которую он позже неоднократно дополнял. Опыт участия в научной жизни Европы по возвращении в Казань обернулся также образованием научной школы, учреждением Общества невропатологов и психиатров, журнала «Неврологический вестник». На графике, отражающем количество работ В. М. Бехтерева с 1877 по 1925 гг., опубликованном в сборнике, посвященном 40-летию профессорской деятельности [2], можно заметить, что стремительный рост числа публикаций приходится на годы заграничной командировки.

Заграничная командировка ученого как фактор социально-психологической детерминации научной деятельности отражает изменения характеристик общения, общности и общества. Во время командировки изменилось окружение ученого, характер его общения, отошли на задний план часть проблем, связанных с личной жизнью и общественным устройством на родине. Посещение научных лабораторий с целью обучения стимулировала исследовательскую активность ученого. В течение года пребывания в Европе В. М. Бехтерев погрузился в атмосферу традиционной научной работы, с характерной свободой передвижения, идейного взаимообмена, диалога, традиций научных кружков, обществ. Эта новая социальная ситуация раскрыла возможности научного роста и самореализации пытливого молодого ума. Накопленные за время обучения в Петербургской Медико-хирургической (с 1881 г. Военно-медицинской) академии знания и опыт решения врачебных задач определяли нужду в инструментах медицинской помощи и научного познания, удовлетворенную в ходе командировки.

Небезынтересно, что в биографическом очерке В. Н. Мясищева об учителе, опубликованном в предисловии к его избранным произведениям в 1954 г. данная командировка вовсе не указывается [3]. В советских изданиях В. М. Бехтерев представлялся как самобытный отечественный ученый, противник царского режима и капиталистического строя, ученый мирового значения, но как бы не имеющий никаких связей с мировой наукой. Иначе говоря, под давлением советской цензуры открытия В. М. Бехтерева рассматривались вне связи с научным сообществом, контакты внутри которого обусловили проникновение в основные проблемы науки того

времени, освоение передовых методов исследования, форм организации научной и практической деятельности.

Заграничная командировка в дореволюционной России была распространенной формой повышения квалификации молодых специалистов. Она сыграла значительную роль в профессиональном становлении известных русских ученых – Н. Н. Ланге, А. Ф. Лазурского, Г. Н. Челпанова, а также И. М. Сеченова, четвертью века раньше В. М. Бехтерева посетившего лабораторию Дюбуа-Раймонда. Такая форма научного обогащения плодами европейской науки была традиционной со времен Петра I. Поэтому попытка советской официальной науки обесценить значение международного научного обмена, сделать из советско-российской науки исключительно самобытную видится не вполне обоснованной.

Разумеется, обращение к фактору командировки не заслоняет значение личностного аспекта детерминации научной деятельности. Ученый должен быть восприимчив к новому предмету, программе и методам исследования, уметь не только аккумулировать новое в науке, но и реализовать и передать полученное знание на родине. К примеру, такой судьбоносный шаг в развитии отечественной психологии, как открытие психофизиологической лаборатории В. М. Бехтерева был обусловлен фактом знакомства с особенностями деятельности лаборатории экспериментальной психологии В. Вундта. Однако такой результат посещения лаборатории стал возможным во многом благодаря личностным особенностям самого Бехтерева, его знаниям, комплексному подходу к работе с психопатологией, организаторским способностям. Целостный подход к изучению психической сферы, субстратом которой является мозг, нервная система, проявился в выборе В. М. Бехтеревым нескольких направлений повышения квалификации во время командировки – анатомии и физиологии мозга, психиатрии и психологии.

В. М. Бехтерев был сильной личностью, способной заниматься научно-исследовательской, практической, педагогической, организационной и общественной работой одновременно. Его перу принадлежат 650 публикаций. Только в Военно-медицинской академии под его руководством защищено более 90 диссертаций. На огромное значение личной встречи с В. М. Бехтеревым в свои юношеские годы неоднократно указывали классики советской психологии, в частности К. К. Платонов [4] и Б. Г. Ананьев [5].

Популярность В. М Бехтерева как врача была настолько велика, что в основном за счет больных были выстроены и прекрасно оснащены корпуса созданного им Психоневрологического института с психиатрической и нервной клиниками, а также особым нервно-хирургическим отделением. В 1918 г. по его инициативе открыт Институт по изучению мозга и психической деятельности. В. М. Бехтеревым основан ряд научных журналов, среди которых «Обозрение психиатрии, неврологии и экспериментальной психологии» (1896), «Вестник психологии, криминальной антропологии и гипнотизма» (1904), «Вопросы изучения и воспитания личности» (1919). Он неоднократно избирался в Ленинградский совет рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов, где работал в секции образования.

Вместе с тем при определении вклада в мировую наук, нельзя пренебрегать значением научных контактов В. М. Бехтерева с российскими учеными, его учителями, российской естественнонаучной и философской школами. Естественнонаучные, материалистические основы научного подхода В. М. Бехтерева были обусловлены спецификой образования в Медико-хирургической академии и передовыми тенденциями отечественной науки конца XIX в. Его диссертационная работа «Опыт клинического исследования температуры тела при некоторых формах душевных болезней» была выполнена под руководством и явилась продолжением научной работы основателя Петербургской школы психиатров-невропатологов, профессора И. П. Мержеевского «Клинические исследования неистовых больных». В казанский период научной работы В. М. Бехтерев активно сотрудничал с крупным физиологом Н. А. Мислявским. При изучении научной деятельности Бехтерева Е. И. Степанова [6] специально отмечает, что еще до его заграничной командировки в России появились в печати «Антропологический принцип в философии» Н. Г. Чернышевского, «Человек как предмет воспитания. Опыт педагогической антропологии» К. Д. Ушинского, «Рефлексы головного мозга» И. М. Сеченова. Влияние последнего явствует, в частности из того факта, что в личной библиотеке И. М. Бехтерева хранились изданные в разное время книги Сеченова, содержащие на полях заметки, сделанные Бехтеревым.

Таким образом, научный вклад В. М. Бехтерева в значительной степени обусловлен его личностными характеристиками,

особенностями российского образования в области человекознания, содержанием научных контактов ученого. Однако ограничиваться изучением только данных детерминант научной деятельности В. М. Бехтерева значит вырывать из культурно-исторического контекста, заведомо обеднять логический и социальный факторы его творчества, сужать возможности научного анализа психологического наследия российских ученых.

Действительно, еще до командировки В. М. Бехтерев подготовил и защитил докторскую диссертацию о температуре тела душевно больных, приобрел звание приват-доцента по душевным и нервным болезням. Однако к тому времени он все еще был пытливым молодым врачом 27–ми лет. После учебной поездки за границу В. М. Бехтерев стал основателем научной школы и виднейшим в стране психологом и физиологом мозга.

Контакты В. М. Бехтерева с европейскими учеными во время командировки стали условием научного прогресса не только русской, но и мировой психологической мысли. Учение В. М. Бехтерева в свою очередь оказало влияние на западную психологию бихевиоризма [7]. Нельзя также обойти вниманием тот факт, что приобретенные знания и опыт не просто репродуктивно использовались ученым, но адаптировались в соответствии с задачами российской практики. Так Б. Г. Ананьев в «Очерках по истории русской психологии» замечал, что экспериментально-психологические подходы и методы В. Вундта, примененные впервые в России В. М. Бехтеревым и А. А. Токарским, были критически осмыслены и значительно модифицированы под влиянием программы развития психологии И. М. Сеченова [там же].

Вместе с тем о влиянии работ В. М. Бехтерева на мировую научную мысль приходится говорить с некоторой оговоркой. Его учеником В. Н. Мясищевым называется ряд открытий, первенство которых незаслуженно приписывается другим авторам [3]. Среди них агнозия пальцев, которая считается установленной Герстманом, хотя описана еще в 1906 г. в работе Бехтерева «Основы учения о функциях мозга», синдром психического автоматизма Клерамбо, который правильнее называть синдромом Кандинского-Бехтерева (1896), сгибательный рефлекс ноги, описанный Бехтеревым в 1900 г., считающийся «открытым» Мари и Фуа в 1910 г. Это позволяет предположить, что, не смотря на активную исследовательскую и публицистическую, в т.ч. на иностранных языках, деятельность В. М.

Бехтерева, его результатам не уделялось достаточного внимания зарубежными коллегами. Причиной этого, очевидно, была ограниченность зарубежных контактов ученого, вследствие активной работы и участия в общественной жизни на родине. Ведь для распространения научных идей ученого их необходимо не только создать, опубликовать, но и представить в личных контактах, передать их в виде практических рекомендаций «из рук в руки», как в свое время усвоил навыки гипноза от Шарко сам Бехтерев. Таким образом, формирование и поддержание международных контактов способствует идейному и методическому обогащению ученого. С другой стороны, ограничение контактов с зарубежными коллегами, даже при наличии публикаций, служит преградой для научного обмена, может приводить к инкапсуляции научного знания.

Социально-психологический механизм влияния зарубежной командировки на научное творчество ученого связан с изменениями общества, общности и общения. Во время заграничной командировки поменялась общность, в качестве члена которой ученый занимался научной деятельностью. Были усвоены свойственные данной общности – европейских исследователей психики и ее физиологического субстрата – ценности и нормы организации деятельности. Благодаря этому научные достижения данной общности были освоены более продуктивно. Сменилось общество, в условиях которого В. М. Бехтерев работал в течение года. Изменились характеристики общения ученого. В условиях научной командировки большая часть контактов опосредуется целью обучения. Общение выполняет инструментальную функцию по отношению к познавательной деятельности. Единицей анализа социально-психологической детерминации научной деятельности условиями зарубежной командировки являются социальные контакты ученого.

Таким образом, анализ данных о социальной биографии В. М. Бехтерева позволяет говорить о значении международных контактов ученого для становления российского и европейского человекознания. за время командировки самостоятельно мыслящий молодой доктор сумел освоить новейшие методы научной и практической работы в основных направления человекознания, осмыслить приобретенный опыт через призму имеющихся знаний и продуктивно использовать приобретенные навыки при организации научно-исследовательской деятельности по возвращении на родину.

Список литературы

1. Бехтерев В. М. Автобиография. – М.: Б-ка «Огонек», № 316. – 1928.

2. Сборник посвященный Владимиру Михайловичу Бехтереву. К 40–летию профессорской деятельности (1885–1925). – Л. , 1926.

3. Мясищев В. Н. В. М. Бехтерев (1857-1927) // В. М. Бехтерев. Избранные произведения. – М., 1954. С. 3-20.

4. Глоточкин А. Д., Журавлев А. Л., Кольцова В. А. Жизнь и научное творчество К. К. Платонова (к 100-летию со дня рождения) // Психологический журнал. – 2006. – Т. 27. № 3. – С. 117-126.

5. Ананьев Б.Г., Дубровский А.В. Памяти большого человека // Вестник знания. – 1928. – N. 23-24.

6. Степанова Е. И. Владимир Михайлович Бехтерев и человекознание // Объективное изучение личности. Избранные труды по психологии личности/ Отв. ред. Г. С. Никифоров, Л. А. Коростылева.– СПб., 1999. – Т. 2. – С. 261-273.

7. Ананьев Б.Г. Очерки истории русской психологии XVIII и XIX веков. – М., 1947.

К ПРОБЛЕМЕ ВОЗНИКНОВЕНИЯ ГЕНДЕРНЫХ ПРЕДУБЕЖДЕНИЙ (НА МАТЕРИАЛЕ РАБОТ РУССКИХ ПСИХОЛОГОВ НАЧАЛА 20 ВЕКА)

Балгимбаева З.М. (г. Алматы, Казахстан)

Исследованию гендерных предубеждений в психологии посвящено лишь небольшое количество работ. Да и сам термин «гендерные предубеждения» выделился как самостоятельный лишь недавно. Достаточно вспомнить работу Т. Нельсона, которая так и называется «Психология предубеждений: секреты шаблонов мышления, восприятия и поведения» /8/. Однако в данной работе автор не всегда четко разводит понятия «стереотипов», «предрассудков» и «предубеждений».

По нашему мнению, гендерные предубеждения и гендерные предрассудки лежат в основе возникновения гендерных стереотипов. При этом *гендерные предубеждения являются аффективно-поведенческим компонентом гендерного стереотипа и возникают в результате субъективных оценок и отношений к представителям*

того или иного пола на основе межгрупповых и межличностных взаимодействий и собственного жизненного опыта. Кроме того, в отличие от стереотипов, являющихся довольно устойчивыми социально-психологическими образованиями, гендерные предубеждения более изменчивы.

Немаловажное значение имеет проблема возникновения гендерных предубеждений, поскольку знание природы возникновения того или иного процесса или явления дает некоторое представление о первопричине данного процесса или явления и может позволить использовать их в психологической практике, например, в коррекционной деятельности.

Таким образом, обозначив предмет исследования, перейдем к анализу подходов, наработанных в истории русской психологии к проблеме возникновения гендерных предубеждений.

В целом конец 19 – начало 20 века характеризуется революционными событиями в науках о жизни, которые берут свое начало где-то с середины 19 века. Наиболее крупными из них являются эволюционная теория развития, успех естественных дисциплин, таких как химия и физика.

Научный прогресс не обошел стороной и психологию. Интерес к психологии и ее возможностям шел по нарастающей, как в мировой, так и в русской науке. В полной мере это относилось и к исследуемой нами проблеме. В рамках русской психологии по проблеме возникновения гендерных предубеждений можно выделить два крупных направления: рефлексологическое и педологическое.

Работы И.М. Сеченова, И.П. Павлова, В.М. Бехтерева и А.А. Ухтомского привели к созданию новой науки, которая существенно отличалась от физиологии, изучающей лишь отдельные органы и функции живого тела и их взаимосвязи, и от психологии, которая изучала психику – сознательную и бессознательную. Именно эти ученые создали большое течение в психологии, получившее в дальнейшем название рефлексологического направления**.**

Основоположником рефлексологии является И.М. Сеченов. Рассматривая процесс развития личности с детства, он связывает его с ассоциациями, которые позволяют ребенку осознать свойства любимого объекта. В основе такого осознания лежат рефлексы, благодаря которым происходит согласование движений с сигнальными чувствами. Посредством рефлексов человек получает

информацию о свойствах среды. Данная информация служит для формирования отдельных элементарных форм мышления, из которых вырастают высшие формы познавательной активности. В дальнейшем процесс слияния ребенка с любимым образом, т.е. матерью, заканчивается анализом, когда ребенок постепенно интериоризирует образы родителей, регулирующих его действия. В соответствии с этими образами у ребенка формируется свой собственный образ /12, 13/.

Таким образом, возникновение гендерных предубеждений, по Сеченову, можно связать с рефлекторной деятельностью организма и опытом раннего детского общения с родителями.

Развивая и углубляя идеи Сеченова, В.М. Бехтерев пытается создать рефлексологию - науку о человеке и обществе, которая, по его мнению, должна основываться на изучении отношений человека с окружающим его физическим, биологическим и особенно социальным миром. «В сложной деятельности человека, - писал Бехтерев, - не всегда легко разграничить … две стороны его организации – прирожденную, или наследственную, и приобретенную благодаря естественному или искусственному воспитанию…

Первая сторона … наследственная состоит из такого порядка явлений, который направлен … к обеспечению личного существования при посредстве …обыкновенных рефлексов наступательного или оборонительного характера, тогда как вторая приобретенная сторона … состоит из более сложных проявлений нервно-психической деятельности как личного, так и общественного характера» /3/.

В соответствии с идеями Бехтерева, в основу возникновения гендерных предубеждений кладется сложная деятельность личности в социуме.

В русле исследований по рассматриваемой нами проблеме представляют интерес и идеи А.А. Ухтомского, который связывал процесс полового развития с возникновением доминанты. Под доминантой в физиологическом смысле А.А. Ухтомский понимал господствующий очаг возбуждения, который привлекает к себе более слабые возбуждения из различных центров. Данные очаги возбуждения возникают в разных участках нервной системы под воздействием тех или иных условий среды. Характеристиками доминанты являются: «оперативный покой», когда организм

находится в состоянии покоя с целью детального распознавания среды и адекватной реакцией на нее, и инертность, когда раздражитель из внешней среды больше не действует.

В психологическом плане доминанта является мотивационным потенциалом поведения. Говоря о человеческой мотивации, А.А. Ухтомский считает, что последняя имеет социальную природу и выражается в доминанте на «лицо другого»; через «преодоление самого себя», «своего индивидуализма» человеку открывается «лицо другого» /14/.

В соответствии с теорией Ухтомского, гендерные предубеждения возникают в результате адекватных реакций на средовые воздействия и связаны с осознанием другого человека. Ведущее значение в этом регулируемом процессе А.А. Ухтомский отводит ближайшим референтам ребенка – его родителям.

Если рассматривать процесс возникновения гендерных предубеждений с точки зрения рефлексологического направления, то можно сделать следующие выводы:

1. Возникновение гендерных предубеждений связано с физиологией высшей нервной деятельности.
2. Гендерные предубеждения возникают на основе ассоциативных представлений в результате рефлекторной деятельности организма, как адекватные реакции на средовые воздействия.
3. Дальнейшее развитие гендерных предубеждений связано со сложной деятельностью личности в социуме, с расширением ее социальных связей.
4. Первостепенное значение в возникновении гендерных предубеждений имеет опыт детского общения и ближайшие референты ребенка – родители.

Перейдем к рассмотрению проблемы возникновения гендерных предубеждений в педологии. Возникнув на Западе в конце 19 века, педология (наука о ребенке) распространяется в России в начале 20 века как широкое педологическое движение. Перед педологией были поставлены две задачи: 1) познание закономерностей поведения и деятельности детей в различных условиях их жизни (игре, учении, коллективной работе); 2) ознакомление практических работников, а также родителей с возрастными особенностями детей. Учеными этого направления было создано немало работ, дающих живую, наглядную

характеристику развития детей, начиная с раннего детства и до юности.

Педологическое направление русской психологии можно разделить на два течения – «социологизаторское» и «биологизаторское». Представителями педологии «социологизаторского» толка были А.П. Нечаев, Н.П. Румянцев, М.М. Рубинштейн, С.П.Кожин и др. К биологизаторам можно отнести П.П. Блонского, Е.А. Аркина, Е.А. Арямова.

Основное различие в позициях педологов заключалось в том, что социологизаторы признавали ведущее значение социального воздействия: семьи, воспитания и обучения, тогда как биологизаторы были ориентированы на наследственные факторы.

Так или иначе, с точки зрения исследуемой проблемы, нас интересует тот факт, что именно педологи впервые в России организовали и провели лабораторные эксперименты, которые позволили выявить не только положительное влияние полов друг на друга, но и значение этого влияния на формирование представлений мальчиков и девочек о поле /9/.

В рамках социологизаторского направления в педологии осуществлялась попытка анализа гендерных свойств личности. Так, ученик А.П. Нечаева – Н.Е. Румянцев анализировал процесс возникновения определенных поло специфических личностных характеристик у детей, связанных не только с физиологией, но и с психологией. Эти процессы, по мнению Румянцева, «так тесно переплетены с… другими душевными переживаниями,… что их необходимо рассматривать с психологической точки зрения». Так, специфическими качествами женственности он считал чуткость, душевность, отзывчивость, мягкость, нежность, сострадательность. Приобретение и формирование этих качеств у девочек, полагает Румянцев, происходит в семье через игры в куклы /11/.

Как видим, перечисленные Румянцевым качества в полной мере соотносятся с так называемыми «стереотипными представлениями о женственности» или «традиционными феминными качествами».

Анализ взаимосвязи сексуального поведения с культурно-социальными факторами в исследовании М.М. Рубинштейна позволяет сделать вывод о том, что основным механизмом возникновения гендерных предубеждений можно считать процесс бессознательной имитации или подражания ребенком поведению и

поступкам своих родителей. При этом в отличие от фрейдовского бессознательного полового инстинкта, который определяет развитие личности ребенка уже с самых ранних лет, М.М. Рубинштейн считал, что половой инстинкт молчит в ребенке вплоть до периода полового созревания, т.е. до 13 –14 лет.

Анализируя различия в психологии полов, М.М. Рубинштейн считал, что в психике мальчиков и девочек нет особой разницы. Они легко вступают в контакт друг с другом, хорошо общаются между собой. Но у взрослых мужчин и женщин при общей человеческой психике имеют место различия в интересах и представлениях. Это объясняется разницей в источнике их идеалов, которые берут свое начало еще в детском возрасте. Идеал для девочек находится в кругу их родных и близких, в их семье. Идеалы же мальчиков находятся не внутри семейных отношений, а в общественной жизни. Эта тенденция проявляется у мальчиков через игры. Они любят играть в охотников, солдат, машинистов. Поэтому взрослый мужчина ориентирован на общественную жизнь, а взрослая женщина - на личные отношения. Кроме того, у мальчиков и девочек есть разница в характере: девочки более эмоциональны и более внушаемы, чем мальчики /10/.

Наблюдения за детскими играм показали, что самыми любимыми из них являются игры «в семью», где дети распределяли роли, подражая отцу и матери. Причем вначале мальчики и девочки исполняют роли папы и мамы по очереди. Позже мальчики выбирают для себя только мужскую роль, а девочки только женскую. Такую дифференциацию интересов С.П. Кожин объясняет возникновением полового самосознания. Основой для детской игры С.П. Кожин считает возникновение внутреннего импульса, процесс подражания и внушение. Если для девочек характерной игрой является игра в куклы, то для мальчиков приемлемы игры маскулинной направленности /7/.

Исследуя причины возникновения полотипичного поведения, а, следовательно, и гендерных предубеждений, педологи говорили о роли и влиянии семьи и необходимости совместного обучения и воспитания детей обоего пола. Основные принципы такого обучения и воспитания предложил А.Б. Залкинд. К ним относятся следующие принципы:

- половое воспитание должно находиться в тесной связи с общим учебно - воспитательным процессом;

- процесс полового воспитания детей необходимо осуществлять на любых возрастных периодах. Один из путей такого воспитания – половое просвещение, которое может быть организовано как в форме бесед с детьми, чтения специальной литературы, так и в форме общих мероприятий учебно-воспитательного характера /6/.

Таким образом, для педологов - социологизаторов в анализе возникновения гендерных предубеждений характерными являлись следующие моменты:

1) признание приоритета социальных факторов, так как, на их взгляд, постепенно освобождаясь от влияния естественной среды, человек продолжает зависеть от производственных и общественных реалий жизни;

2) среди социальных факторов, способствующих возникновению гендерных предубеждений, ведущее значение имеют семья, воспитание и обучение;

3) основными механизмами возникновения гендерных предубеждений у детей являются внушение, подражание взрослым, имитация их поведения и поступков, а также детская игра как специфическая форма взаимодействия с социумом.

Одним из наиболее известных сторонников биогенетического направления в рамках педологии по проблеме возникновения гендерных предубеждений является П.П. Блонский. В основе его теоретической концепции лежит понимание психического развития как процесса, зависящего от биогенетических законов. Безусловно, любое развитие и сексуальное развитие, в частности, считает Блонский, связано с биологическими инстинктами, физиологией, наследственностью. Среда (в том числе и семья) в этом процессе развития лишь необходимое условие, а не его источник /4/.

Вступая в полемику с З.Фрейдом об основных механизмах полового развития, Блонский считает, что сексуальность в детском возрасте нельзя считать нормальным проявлением. Обострение сексуальных чувств в детском возрасте возникает лишь при условии ненормального сексуального окружения вокруг ребенка. Открытие детьми разницы в физиологическом строении между мальчиками и девочками никак не может считаться основным запускающим механизмом полового развития.

Говоря об использовании психологических методов в сложном процессе полового развития, П.П. Блонский считает, что одного наблюдения за поведением детей недостаточно, так как мы видим лишь внешнее проявление сексуальности. Что же касается чувств и переживаний ребенка, то они скрыты от наблюдения /5/.

Попытку пересмотра позиций психоанализа в свое время осуществил и профессор И.А. Арямов. Объединив теорию рекапитуляции и психоанализ, Арямов делает вывод о том, что основой процесса полового развития служит половое влечение, возникающее благодаря действию половых желез, которые выделяют гормоны. Таким образом, биологический гормональный процесс возникает намного раньше периода половой зрелости /2/.

Е.А. Аркин также считал, что сексуальность заложена в самой природе ребенка. Поэтому это явление нужно разносторонне исследовать и изучать, начиная с самых ранних лет жизни.

В процессе полового воспитания необходимо учитывать семейные взаимоотношения, семейный уклад, т.е. те условия, в которых воспитывается ребенок.

Считая, что процессами полового развития ребенка можно управлять, Е.А. Аркин предложил ряд специальных приемов для осуществления такого управляемого процесса. Это беседы и эстетические занятия по методике Монтессори. Важное значение при этом придавалось личности воспитателя или родителя, который должен выступать в роли помощника для ребенка. Кроме того, Е.А. Аркин пытался отслеживать и анализировать появление и развитие дифференцировки, имеющей место в интересах мальчиков и девочек /1/.

Таким образом, для педологов – биологизаторов гендерные предубеждения возникают в результате наследственности и генетически заложенных механизмов, которые проявляются при соответствующих условиях воспитания и обучения.

В целом русские педологи внесли значительный вклад в развитие идей о возникновении и дальнейшем развитии гендерных предубеждений. Объединяя свои экспериментальные данные с теорией, педологи пытались создать единую концепцию психического развития, одним из результатов которого являются гендерные предубеждения. Можно предположить, что они могли бы достичь большего, если бы не печально известное постановление ЦК ВКП(б)

«О педологических извращениях в системе Наркомпросов» от 4 июля 1936 года. Выход этого постановления определил негативное отношение общества и психологии как науки к педологическому течению в целом. Вот, что пишет об этом М.Г. Ярошевский: «Вместе с действительными ошибками было выброшено и все позитивное, что было сделано этой наукой, было прервано развитие психологических школ и традиций, что является необходимым условием формирования науки» /15/.

Педологи, пожалуй, впервые в истории русской психологии пытались объяснять процессы развития с психологической точки зрения, определить и наметить программы семейного и общественного воспитания, направленные на полноценное сексуальное развитие ребенка. Для осуществления общественного воспитания детей педологи считали необходимым подготовку грамотных специалистов, владеющих как теоретическими знаниями, так и практическими приемами и методами воспитательного воздействия.

Сопоставив все рассмотренные нами концепции, мы можем получить более полную картину психического и сексуального развития в целом и возникновения гендерных предубеждений, в частности. Представители рефлексологического направления объясняют процессы половой социализации ребенка в семье с физиологической точки зрения. С позиции рефлексологии ученые пытались объяснять и некоторые социальные явления.

Разница же между представителями биологизаторского и социологизаторского направлений в педологии, по мнению М.Г. Ярошевского, была «не только во взглядах на роль наследственности и среды, а и в вопросе о том, насколько биологические механизмы, лежащие в основе психического развития, пластичны и гибки, т.е. насколько среда может на них воздействовать» /15/.

Литература:

1. Аркин Е.А. Родителям о воспитании. Воспитание ребенка в семье от года до зрелости. – М.: Учпедгиз, 1957. – 347 с.
2. Арямов И.А. Особенности детского возраста: очерки. – М., 1958. – 115 с.

3. Бехтерев В.М. Вопросы общественного воспитания // Антология педагогической мысли России второй половины 19 – начала 20 в.- М.: Педагогика, 1990. - С. 501 – 508.

4. Блонский П.П. Психологические очерки. – М.: Новая Москва, 1927. – 171 с.

5. Блонский П.П. Избр. психолог. произведения. – М.: Просвещение, 1964.- С. 27.

6. Залкинд А.Б. Половое воспитание. – М.: Работник просвещения, 1930. – 71 с.

7. Кожин С.П. Нормальные проявления полового характера в раннем детстве // Половое развитие ребенка и его изучение. – М.-Л.: Госиздат, 1927. - С. 23 - 41.

8. Нельсон Т. Психология предубеждений: секреты шаблонов мышления, восприятии и поведения. - СПб.: Прайм - Еврознак, М.: Олма – Пресс, 2003. - 384 с.

9. Нечаев А.П. Вопрос о совместном обучении в свете экспериментальной психологии. – Пг., 1915. – 52 с.

10. Рубинштейн М.М. Половое воспитание с точки зрения интересов культуры. – М.- Л., 1926. – 102 с.

11. Румянцев Н.Е. Краткий обзор иностранной литературы по вопросу о совместном обучении и сравнительной психологии полов // Совместное образование. – Спб.: Изд – во Суворина А.С. «Новое время», 1914. - С. 220 - 231.

12. Сеченов И.М. Избр. произвед., т.1 / Под ред. Коштоянц Х.С. – М.: Изд-во Академии наук СССР, 1952. – 772 с.

13. Сеченов И.М. Избр. произведен. / Под ред. Каганова В.М. – М.: Учпедгиз, 1958. – 413 с.

14. Ухтомский А.А. Собр. соч., т. 1 /Под ред. Орбели Л.А., Виноградова М.И. – Л.: Изд – во ЛГУ, 1950. – 330 с.

15. Ярошевский М.Г. История психологии от античности до середины 20 века. – М.: Академия, 1996. – С.373 – 374.

ДИАГНОСТИКА В ПРОГРАММЕ «Планета – наш Дом»

Белавина И.Г., Бутенко Г.П. (Москва)

Диагностика особенностей поведения и деятельности ребенка на занятиях помогает обеспечить благоприятные условия для его психического и физического развития. Применение психологических

методик диагностики эффективности занятий не создает для педагога дополнительных трудностей, а наоборот помогает быстро оценить эффективность собственной работы и своевременно изменить стиль и метод работы с ребенком.

Психологические методики диагностики, которые включены *в состав документации программы*, специально предназначены для выявления наиболее значимых психологических характеристик, влияющих на качество усвоения знаний, например, таких как богатство образных представлений, познавательная мотивация, богатство эмоциональных переживаний, образная память – мышление и др.

Во время тематической работы педагога на занятии наблюдение за поведением ребенка обычно осуществляет психолог, фиксируя некоторые исходные параметры непосредственно во время занятий, а затем после занятий оформляет и систематизирует свои наблюдения. Использование диагностических методик позволяет получить первичный ***«психологический портрет» деятельности ребенка.***

Для работы по программе предлагаются два вида авторской психологической диагностики: мнемоническая и рисуночная. Методики могут применяться в комплексе или раздельно, но комплексное применение предпочтительно, так как каждая методика дополняет и обогащает другую за счет фиксации разных формируемых качеств.

Предлагаемые для работы методики диагностики требуют соблюдения ряда правил, нарушение которых недопустимо.

Правило 1. Методики диагностики могут быть использованы педагогом или другим лицом, не являющимся профессиональным психологом, *только для сбора первичных данных и их внешней (педагогической) интерпретации.* Более углубленный анализ качества формирования интеллектуальной и эмоционально-личностной сферы деятельности ребенка может проводить только профессиональный психолог, обученный конкретным приемам и способам интерпретации. Несанкционированное применение методик нарушает международные профессиональные этические нормы.

Правило 2. Достоверность и качество интерпретации гарантируются только в рамках тех параметров, которые составляют *описание «психологического портрета» поведения и деятельности ребенка* во время занятий по программе «Планета – наш Дом». Любые

модификации методик (их параметров и способов интерпретации) нарушают авторское право и не могут осуществляться без ведома авторов.

Правило 3. Применение методик неспециалистом возможно с целью повышения общей культуры и *качества работы педагога* с детьми, для развития индивидуальных приемов и способов коррекции навыков, знаний и умений ребенка.

Правило 4. Использование методик необходимо для оценки *эффекта обучения по программе*, однако эту оценку имеет право давать только профессиональный психолог.

Правило 5. Педагог, использующий методики, берет на себя обязательства по строгому соблюдению всех требований к работе с психологическими методиками, в том числе и тех, которые содержатся в данном описании.

Правило 6. Педагог, использующий методики, должен соблюдать этические нормы по отношению к диагностируемому ребенку и к любым третьим лицам (родителям и ближайшим родственникам ребенка). Он должен принимать меры для предотвращения некорректного использования методик и не имеет права злоупотреблять информацией, полученной в результате диагностики, нанося вред ребенку или его правам.

В данной статье мы частично сможем рассмотреть только мнемоническую методику.

Мнемоническая методика

Методика основана на наблюдении и выделении 11 параметров поведения и деятельности, а также их мнемонической записи в специальной диагностической карте для каждого ребенка отдельно. Методика может применяться для динамической диагностики детей, начиная с пяти лет. Для удобства работы и быстроты записей в карте используются особые мнемонические обозначения, по ним составляется ***«психологический портрет характера деятельности»*** ребенка (подчеркнем: именно характера деятельности, а не ребенка).

Педагогу одному довольно трудно вести занятие и одновременно наблюдать за поведением каждого ребенка, хотя при достаточно высоком уровне психологических навыков и профессионализма это становится возможным. Все же наилучшей формой организации наблюдения является совместная работа педагога и психолога,

который берет на себя функции наблюдателя и сборщика первичной информации на конкретном занятии. Такая совместная работа позволяет реализовать все возможные варианты диагностики. После занятий сразу же следует дополнить мнемонические карты собственными наблюдениями. Недопустимо заполнять мнемоническую карту спустя несколько дней или часов «по памяти». Достоверное наблюдение – это основа качественного анализа.

Для наиболее достоверной и качественной оценки вести диагностику рекомендуется на всем протяжении обучения, т. е. в течение всего учебного года. Такое постоянное непрерывное наблюдение позволяет получить достоверный ***психологический портрет характера деятельности*** ребенка, а также оценить развитие его эмоционально-личностной сферы, поскольку динамика психических изменений в интеллектуальной, личностной и тем более нравственно-ценностной сфере прослеживается наилучшим образом *только при длительном наблюдении.*

При совместной с психологом работе можно делать *диагностические срезы*, например, три раза в течение учебного года, при этом целиком захватывая одну из тем программы в начале, в середине и в конце года.

Если диагностическое наблюдение за детьми *не ведется постоянно*, рекомендуется проводить его по следующей схеме: 1) занятия по первой теме программы должны быть охвачены наблюдением целиком для установки точки отсчета; 2) в последующем наблюдение должно проходить в начале, в середине и в конце каждой темы.

Мнемоническая методика предполагает *умение педагога вести наблюдение за общими особенностями поведения ребенка и правильное понимание смыслового значения параметров диагностики.*

Мнемоническая карта включает в себя *11 параметров,* описывающих поведение ребенка во время выполнения конкретной деятельности. Виды деятельности, которые наблюдаются у ребенка, в процессе работы подчеркиваются на специальном бланке. Карта заполняется по вертикали и имеет количество столбцов, равное количеству занятий. Один столбец соответствует одному занятию. Поэтому анализ динамики изменений будет проводиться по горизонтали.

Некоторые параметры, такие, как **«Объем работы», «Самостоятельность», «Эмоции», «Речь»**, достаточно просто выделяются и не требуют особых пояснений. Их мнемонические обозначения общеупотребительны и потому однозначны в интерпретации.

«Темп работы» оценивается как быстрый, средний или медленный по отношению к другим детям группы.

«Работоспособность» имеет три разновидности: «активная интеллектуальная деятельность», «активная двигательная активность» и «усталость». Первые два параметра не требуют пояснения. Под «усталостью» в данной методике понимаются такие проявления, как зевота, или когда ребенок ложится на стол.

«Включенность в деятельность» – в основном описывается сосредоточенностью внимания ребенка. При этом выделяются три уровня сосредоточенности внимания.

Высший уровень – полная сосредоточенность, средний уровень сосредоточенности – когда ребенок на короткое время отвлекается, но вновь возвращается к деятельности, и низкий уровень сосредоточенности, когда ребенок без внешнего воздействия со стороны педагога не возвращается к деятельности.

Фиксируя средний и низкий уровень сосредоточенности, следует понимать, что существуют еще и психофизиологические особенности темпа деятельности, одни дети медлительные, другие быстрые, поэтому важно, чтобы воздействие педагога на ребенка соответствовало по частоте его внутреннему ритму.

«Инициативность» – имеет три уровня. Высший уровень инициативности ребенка – в процессе общения с педагогом ребенок высказывает что-то оригинальное. В данной методике фиксируются только те проявления инициативности высшего уровня, которые отражаются в речи ребенка. Средний уровень инициативности действий и поведения ребенка – это уровень, на котором ребенок строго следует за конкретной темой, предложенной педагогом. Низкий уровень инициативности проявляется в поведении ребенка, когда он ищет поддержки у педагога или у другого ребенка, начинает копировать действия других детей.

«Увлеченность деятельностью» – три уровня проявления интереса ребенка к той деятельности, которая фиксируется и наблюдается. Высший уровень характеризуется стойким, устойчивым

интересом ребенка, не угасающим в течение всего периода этой деятельности. Средний уровень характеризуется заинтересованностью, которая не столь глубока и стойка как интерес, что проявляется в частых отвлечениях ребенка, который, однако, возвращается к деятельности и доводит ее до конца без волевого воздействия педагога. Слабая же заинтересованность – третий, низший уровень характеризуется частыми отвлечениями ребенка, нежеланием включаться в деятельность, постоянными переходами к другим видам деятельности, связанными с отвлечением, например: какие-то двигательные действия, игра в посторонние предметы, утрата внимания к происходящему на занятии.

«Цели в деятельности» характеризуются двумя уровнями, которые могут присутствовать в деятельности одновременно. Их приоритетность относительная и целиком зависит от содержания собственных целей ребенка. Если эти собственные цели идут вразрез с содержанием занятий, противоречат им, то уровень собственных целей будет более низким, чем цели, реализуемые по теме занятия. И наоборот, если ребенок дополняет цели темы занятия еще чем-то другим, обогащая и расширяя их, то уровень таких собственных целей будет выше, чем цели, ограниченные только темой занятия.

В момент фиксации собственных целей ребенка, которые выражены в его речи, лучше всего отразить их содержание в каком-то кратком комментарии или записать дословно высказывание ребенка, выражающее его цель. Это важно для дальнейшего анализа.

«Самооценка». Это наиболее трудный для непсихолога параметр: распознать проявления завышенной, адекватной и заниженной самооценки ребенка. Эти проявления не всегда видны на всех занятиях, особенно у детей с неадекватной самооценкой. Неадекватность самооценки проявляется в психологически трудных ситуациях деятельности.

У ребенка с завышенной самооценкой психологически трудная ситуация может вызывать эмоционально бурную реакцию, отказ от действий, с ней связанных, нежелание продолжать работу и т. п. Ребенок с неустойчивой или заниженной самооценкой ведет себя неуверенно, ищет поддержки со стороны педагога или других детей, копирует их действия. Такой ребенок тоже может эмоционально реагировать на психологически сложную для него ситуацию, однако у многих детей внешние проявления неуверенности не всегда

проявляются в ярких формах. Следует выделять тонкие нюансы поведения детей, чтобы по возможности правильно оценить уровень их самооценки.

Педагогу рекомендуется параметр самооценки отмечать только в том случае, если на занятии самооценка ребенка проявилась каким-то определенным образом. В дальнейшем этот параметр обязательно должен быть проверен профессиональным психологом.

НЕКОТОРЫЕ РЕКОМЕНДАЦИИ ПО АНАЛИЗУ МНЕМОКАРТЫ

В данном подразделе мы частично обсудим внешнюю сторону интерпретации той «психологической картины», которую содержит мнемокарта.

1. Необходим тщательный анализ *динамики совокупных особенностей* деятельности ребенка во всех промежуточных срезах.

2. В параметрах следует выделять проявления, характеризующие *интеллектуальную активность* ребенка. При интерпретации этой характеристики деятельности следует анализировать несколько параметров и прежде всего – сам параметр интеллектуальной активности, характеристику заинтересованности (увлеченности) и включенность в деятельность.

3. Следует выделять особенности формирования «*интеллектуальных» эмоций*. Анализировать динамику перехода от проявления двигательной активности, бурных эмоциональных проявлений к спокойным или радостно-удовлетворенным эмоциям.

4. Следует выделять *самостоятельность ребенка* в деятельности и анализировать этот параметр совместно с проявлениями *инициативности и целями*, которые ребенок ставит в самостоятельной деятельности.

5. Особо следует выделять *развитие речи* ребенка, включается ли он в диалог, каков характер его речи, способен ли ребенок не только описывать сюжет сказки, но и отвечать на проблемные вопросы, насколько развернуто его объяснение.

6. Следует обращать внимание на «технологические» особенности деятельности (*темп и полноту* выполнения задания). В динамике можно обнаружить непостоянство темпа, что может быть вызвано недостатком уровня сформированности различных навыков или же ситуация для ребенка может быть психологически сложной. Эти параметры необходимо анализировать в совокупности с другими.

7. Особого внимания требует диагностика *самооценки* ребенка. Не следует поспешно делать какие-либо выводы, лучше особо внимательно наблюдать за ребенком в непривычных для него ситуациях. Именно в новых для ребенка условиях и проявляются особенности самооценки. Важно суметь увидеть некоторые особенности самооценки, которые не всегда привлекают внимание педагога. Дошкольный возраст является периодом становления этого психологического механизма, самооценка ребенка в этот период может быть неустойчивой, несформированной, либо уже приобрести неадекватную форму. От найденных способов коррекции и формирования адекватной самооценки в большой степени зависит успешность развития практически всех других параметров деятельности.

При правильной организации педагогической работы по программе постепенно проявляется позитивная тенденция, то есть обнаруживается *переход параметров с низшего на более высокий уровень,* что отвечает критериям все возрастающей социализации.

ПРОБЛЕМА ЭФФЕКТИВНОСТИ СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ.

Березовская Татьяна (г. Минск)

Необходимость исследования проблемы социально-психологического обеспечения политической деятельности обусловлена, прежде всего, недостаточностью теоретического анализа социально - психологических факторов в контексте произошедших изменений в странах СНГ, а также исследований их влияния на политическую деятельность. Сегодня по прошествии более десяти лет с начала так называемого процесса демократизации, коснувшегося, в том числе и политической сферы жизнедеятельности общества, стало очевидно, что политика существует как бы отдельно от общества и во многом обслуживает самое себя. По существу в политике теряется ее главный смысл, и вновь возникает сакраментальный вопрос: во имя чего и во имя кого осуществляется та или иная политика, как она воспринимается обществом, к какому социально-психологическому

состоянию приводит, и должны ли влиять социально-психологические факторы на политическую деятельность.

Политическую деятельность в том или ином обществе только тогда можно считать эффективной, когда она приводит к позитивным изменениям и как производному от этого - к соответствующему социально-психологическому состоянию, выражающемуся в таких социально-психологических показателях, как социальное настроение и самочувствие, общественное мнение.

Эффективно решать стоящие перед обществом задачи посредством политической деятельности возможно, лишь сверяя эту деятельность с состоянием общества. Можно сказать, что социально-психологические факторы должны выступать барометром политической деятельности. Именно они не в последнюю очередь должны учитываться в выработке стратегии и тактики развития общества.

Если бы политики, профессионально занимающиеся политической деятельностью, сверяли свои действия с этими факторами, они вынуждены были бы просчитывать психологические последствия принятия тех или иных политических решений. Неадекватность модели развития общества его глубинной психологии, как это случилось во многих странах СНГ в начале девяностых годов, привела к пагубным последствиям не только в экономике, выразившимся в резком расслоении общества и обнищании огромных масс людей, но и в социально-психологическом состоянии, деформации общественной психики, фрустрациях, демографическом кризисе, чувстве неуверенности в завтрашнем дне, психическом напряжении и т.д.

Таким образом, очевиден тот факт, что эффективность политической деятельности должна измеряться не только совокупностью экономических или социальных, но и психологических показателей и учет социально-психологических факторов в политической деятельности должен стать ее обязательной составляющей.

Исследование и разработку обозначенной проблемы условно можно представить в нескольких направлениях. В историческом плане начало исследований социально-психологической стороны политической деятельности было положено в конце девятнадцатого столетия трудами западных ученых - Г.Тарда, Г. Лебона, Г.Зиммеля,

в России - Н.К. Михайловского и других, которые были связаны с анализом в основном психологии масс, массовых социально-психологических процессов и политического лидерства.

Психоаналитическое направление изучения социально-психологических особенностей политической деятельности связано с именами З.Фрейда, К.Юнга, Г.Лассуэлла, А.Адлера, Т.Адорно, Э.Фромма. Политические процессы и отношения рассматривались в их концепциях не только как результат действия сознательных, но и бессознательных механизмов поведения субъектов политической деятельности.

Отечественные исследования социально-психологических
факторов - общественного мнения, социального настроения, социального самочувствия и т.д., непосредственно относящиеся к политической деятельности, наиболее интенсивно начали проводиться в шестидесятых годах прошлого столетия (Б.А.Грушин, К.В.Долгов, В.С. Коробейников, Б.Д.Парыгин, Б.Ф.Поршнев, Ж.Т. Тощенко, А.К. Уледов, С.В.Харченко и другие). Постсоветские исследования этих же феноменов конца восьмидесятых, девяностых годов были продолжены Н.И. Бетанели, В.М Герасимовым, М.К.Горшковым, Д.В. Ольшанским, В.К.Падериным и т.д.

Исследования социально-психологического аспекта политической деятельности последнего десятилетия проводились в разных ракурсах и были связаны с анализом психологического воздействия на уровне больших социальных групп, особенностей социально-психологических информационных процессов, социально-психологического обеспечения избирательных кампаний (В.Г Зазыкин, А.В.Рябчук, А.С. Попов), а также с раскрытием психологических характеристик групп профессиональной политической деятельности с точки зрения психологических особенностей, мотивации поведения, личностных характеристик составляющих эти группы индивидов.

Не умаляя значения этих исследований, тем не менее можно согласиться с мнением ученых, анализирующих эти проблемы, что большинство работ последнего времени отличаются явно выраженной прагматической направленностью и недостаточны с точки зрения уровня теоретического анализа и

обобщений. Кроме того, авторы многих работ находятся под значительным влиянием зарубежных исследований и не соотносят свои выводы с национально-культурной средой. Анализируя политическую деятельность, многие них не учитывают социально-психологическое состояние общества в данный конкретно-исторический период времени.

Очевидно, что на постсоветском пространстве абсолютное большинство политических решений принимается в основном с учетом лишь экономических последствий. Не учитываются глубинно-психологические и социально-психологические факторы развития общества как предпосылки позитивного или негативного восприятия осуществляемых реформ. Эффективная политическая деятельность должна строиться на интегративной модели, учитывающей совокупность экономических, политических, психологических показателей.

Под социально-психологическим обеспечением политической деятельности нами понимается разработка алгоритма эффективности политической деятельности. Под алгоритмом эффективности подразумевается выявление и последовательное решение тех задач, которые соответствуют месту и времени принимаемых политических решений. Алгоритм эффективности политической деятельности является производным от понимания сущности политики и политической деятельности в данный конкретно-исторический период времени. Из существующих в современной социально-психологической науке представлений наиболее приемлемым является понимание политики как поиска социального консенсуса, сотрудничества, а не противостояния, конфликта или борьбы различных социальных групп. Это предполагает необходимость учета восприятия политики со стороны различных социальных субъектов и учета в ней социально-психологических факторов.

Социально-психологические факторы развития общества, выраженные в социальном настроении и самочувствии различных социальных групп, обусловлены процессом переживания экономических и социальных показателей. Эти факторы отражаются в общественном мнении и выражают отношения граждан к существующему социальному порядку и проводимой политике. Социально-психологические факторы являются значимыми, так как

отражают устойчивое, относительно длительное психическое состояние различных социальных групп и создают общий эмоциональный фон протекания всех процессов в обществе. Именно поэтому их социально-психологическое состояние можно рассматривать как один из важнейших показателей эффективности политической деятельности.

Наряду с экономическими (материальными) и социальными показателями развития общества к ним относятся характеристики социально-психологического состояния различных социальных групп, фиксирующие степень позитивной или негативной оценки политической деятельности в социальном настроении, общественном мнении и других социально-психологических показателях развития общества. Аккумулирующим все социально-психологические показатели критерием эффективности политической деятельности является соответствие той деятельности жизненно важным потребностям и интересам, ментальным ценностям и современным ценностным ориентациям большинства представителей гражданского общества.

Эффективность политической деятельности обеспечивается учетом интегративного единства экономических, социальных, социально-психологических показателей, включая социально-психологические характеристики субъектов политической власти; состояние социально-психологических отношений между властью, осуществляющей политическую деятельность, и субъектами гражданского общества. Структура этих показателей в каждом конкретном случае отражает, в своих качественных и количественных характеристиках уровень актуальности сложившихся в стране или в данном регионе проблем, социальных ожиданий и установок.

На практике степень эффективности любого политического решения или политической деятельности в целом можно определить по показателям социально-психологического самочувствия социальных групп, и, следовательно, по этому критерию можно с достаточной степенью вероятности выверить эффективность деятельности субъектов политической власти любого уровня и ранга. По этим же показателям можно определить расстановку политических сил в каждом отдельном политическом пространстве, так как негативные или позитивные показатели социального

самочувствия определяют политические приоритеты и ориентации социальных групп.

Экспериментальные и эмпирические модели исследования эффективности политической деятельности должны содержать совокупность показателей экономического, социального, психологического планов. Эффективность политической деятельности не может определяться лишь по показателям одного из них. Как недооценка экономических, так и отсутствие психологических параметров ведет к выработке политического курса, не соответствующего потребностям и интересам большинства населения. Одним из главных критериев эффективности политической деятельности выступает степень соответствия политических отношений субъект-субъектной парадигме социального управления. Экспериментальные исследования реально складывающихся отношений субъектов политической деятельности доказали, что значительная часть гражданского общества готова к диалоговым (субъект-субъектным) отношениям с властью. Представители же власти - политики различного ранга и уровня - в таких отношениях испытывают затруднения. Разрешение этого противоречия может быть достигнуто только при условии позитивной установки политиков на учет социально-психологических факторов, характеризующих уровень позитивного или негативного восприятия проводимой политики, выражающейся в определенных мнениях, настроениях, самочувствии граждан.

Результаты проведенного исследования позволяют выработать оптимальные варианты решения стратегических и тактических политических задач с учетом их психологических последствий. Они могут качественно оптимизировать практическую работу представителей различных ветвей власти на законодательном и исполнительном уровне.

Таким образом, политическую деятельность нужно понимать как совместную деятельность по преобразованию, укреплению и развитию государства и общества, что предполагает единое понимание «правил игры» субъектами политической деятельности. Предпосылкой эффективной политической деятельности является самоотношение и самооценка (рефлексия) субъектов

политической деятельности (на индивидуальном и групповом уровне).

Со стороны субъектов политической деятельности необходима психологическая готовность к контактам и трудностям и отношение к другим субъектам политического взаимодействия как к равным партнерам, что предполагает равноправие всех субъектов политического взаимодействия, независимо от их масштаба и места в общественной структуре, преобладание горизонтальных связей, имеющих добровольный характер и исключающий какие-либо формы принуждения. С психологической точки зрения это означает «подстройку» субъектами политической деятельности личных, индивидуальных целей деятельности к общей цели и к целям других субъектов, а также наличие обратной связи, ее оценку субъектами политической деятельности и при необходимости корректировку своих действий, то есть активность субъектов политической деятельности, с учетом того, что отношения постоянно формируются и меняются.

Литература:

1. Абрамова Г.С. Введение в практическую психологию. - Екатеринбург: Деловая книга, 1995. - 225с.

2. Адлер А. Психология власти \\ Наука жить. - М., 1997. - С. 123-146.

3. Вебер М. Политика как призвание и профессия \\ Избранные произведения. - М.: Просвещение, 1990. - 644.С.

4. Герасимов В.М., Деркач А.А., Косопкин АС, Нефедова Т.И. Психология парламентаризма. - М.: МААН, 1999. - 284с.

5. Гозман Л.Я., Шестопал Е.Б. Политическая психология. - Ростов-на-Дону, 1996. -381с.

6. Грачев Г.В., Мельник И.К. Манипулирование личностью: организация, способы и технологии информационно-психологического воздействия. - М.: ИФ РАН, 1999. - 296с.

7. Зазыкин В.Г. Психология проницательности. - М.: РАГС, 1997. - 129с.

8. Политическая психология (под ред. Деркача А.А., ЖуковаВ.И., Лаптева Л.Г.). - М.: РАГС и МГСУ, 2000. - 352с.

ТРЕВОГА И СТРАХ: РАЗЛИЧИЕ, ВЗАИМОСВЯЗЬ И СПОСОБЫ ПРЕОДОЛЕНИЯ

Березовская Ядвига (Минск)

Эмоциональная сфера человека представляет собой сложную регуляторную систему. Нарушения в этой сфере препятствуют свободному взаимодействию личности с окружающим миром, приводят к отклонениям в личностном развитии, вызывают появление соматических расстройств. Корни большинства эмоциональных проблем взрослых кроются в детском возрасте. В этот период психика человека наиболее сенситивна как к травмирующим воздействиям, так и к усвоению тех или иных способов эмоционального реагирования и поведения.

Личностная тревожность является наиболее общим показателем эмоционального неблагополучия. Так, “Обзор Национального института психического здоровья США “(1984) называет эмоциональные нарушения этого вида наиболее частыми среди всех возрастных групп. При высокой тревожности характерны неуверенность в себе, постоянные опасения и страхи.

Используя термин «тревога», многие люди не в состоянии ответить, что он в действительности обозначает. Если их попросить вспомнить, что именно они чувствовали в состоянии тревоги, респонденты ответят, что были мучимы недобрыми предчувствиями, испытывали волнение, беспокойство, а возможно, даже дрожали. Все эти описания свидетельствуют о том, что в основе феноменологии тревоги лежит переживание страха. Страх, как любая базовая эмоция, может варьировать в своей интенсивности, соответственно и в тревоге он может быть выражен слабо, умеренно или сильно.

Важно понимать, что в состоянии тревоги мы, как правило, переживаем не одну эмоцию, а некую комбинацию или паттерн различных эмоций, каждая из которых оказывает влияние на наши социальные взаимоотношения, на наше соматическое состояние, на наше восприятие, мысли и поведение.

Страх нельзя отождествлять с тревогой. Страх – это совершенно определенная эмоция, заслуживающая выделение в отдельную

категорию. Страх складывается из определенных физиологических изменений, экспрессивного поведения и специфического переживания, проистекающего из ожидания угрозы или опасности. У маленьких детей, так же как и у животных, ощущение угрозы или опасности сопряжено с физическим дискомфортом, с неблагополучием физического «Я»; страх, которым они реагируют на угрозу - это боязнь физического повреждения.

По мере взросления человека меняется характер объектов, вызывающих страх. Потенциальная возможность физического повреждения для большинства из нас не представляет угрозы, хотя бы в силу ее редкости. Гораздо чаще нас страшит то, что может уязвить нашу гордость и снизить самооценку. Мы боимся неудач и потерь, которые могут произвести в душе каждого из нас настоящий переворот.

Многие наши страхи являются результатом особой формы научения, которую можно было бы назвать «социальным заимствованием». В определенных условиях эта форма научения может быть чрезвычайно эффективной. Так, когда маленький ребенок наблюдает реакцию страха у отца, то вероятность того, что он начнет бояться того же объекта, который испугал отца, очень велика. По мнению Боулби, в раннем детстве, когда закладываются основы личности, самыми значимыми, с точки зрения привязанности и доверия, являются для человека фигуры матери и отца (или заменяющих их людей). Если в этот важный период родители находятся рядом с ребенком и внимательны к его нуждам, то у ребенка формируется прочная привязанность к ним. Она создает базу для развития чувства безопасности и доверия к жизни, помогающих ребенку исследовать окружающий мир и расширять его горизонты.

Дети со сформированным чувством безопасности менее восприимчивы к страху, пока у них сохраняется доверие к объекту привязанности. Это чувство доверия, зачатки которого сформированы в младенчестве, продолжает развиваться в детстве и в подростковом возрасте и сохраняется до конца жизни.

По наблюдению Томкинса (Tomkins, 1963), родители используют различные формы социализации страха. Более приемлемыми методами социализации страха нам представляются

следующие: родитель не должен намеренно подвергать ребенка страху; родитель должен воспитывать у ребенка некоторую долю терпимости к переживаниям страха; родитель должен учить ребенка тому, как противостоять источникам страха, должен помогать ему вырабатывать разнообразные стратегии контроля над страхом. Наконец, родитель должен обеспечить ребенку комфорт и безопасность, должен быть эмоционально доступен для ребенка, должен сочувствовать его переживаниям и всячески поощрять его попытки преодоления страха.

Эмоцию страха не следует рассматривать как нечто ужасное, пока она не выходит за пределы разумного и соответствует требованиям ситуации. Страх, как и другие базовые эмоции, выполняет важные адаптивные функции. Более того, страх заставляет человека действовать, он высвобождает резервные силы организма.

В английском языке существует термин ”anxiety”, что переводится на русский язык как **тревога**. Данное эмоциональное состояние включает в себя переживание ожидания и неопределенности, чувство беспомощности.

Чаще всего термин «тревога» используется для описания неприятного по своей окраске психического состояния, которое характеризуется субъективными ощущениями напряжения, беспокойства, мрачных предчувствий, а с физиологической стороны сопровождается активацией автономной нервной системы. Являясь природосообразным состоянием, тревога играет положительную роль не только как индикатор нарушения, но и как мобилизатор резерва психики. Побуждая активность, направленную на приобретение информации, относящейся к предстоящей деятельности, эмоциональные состояния тревоги способны повысить уровень эффективности саморегуляции, гарантирующий более успешное выполнение деятельности. Состояние тревоги может варьировать по интенсивности и изменяться во времени как функция уровня стресса, которому подвергается индивид, но переживание тревоги свойственно любому человеку в адекватных ситуациях

В отличие от страха у тревоги нет объекта. Он представляет собой отрицание любого объекта. Именно поэтому борьба, соучастие (любовь) по отношению к этому объекту невозможна. Человек, охваченный тревогой, лишен всякой опоры. Беспомощность как результат тревоги выражается в дезориентации, неадекватных

реакциях, отсутствии интенциональности, то есть связи знания и воли с осмысленным содержанием. Такое необычное поведение вызвано отсутствием объекта, на котором мог бы сосредоточиться субъект, находящийся в состоянии тревоги. Единственный объект - это сама угроза, а не источник угрозы, потому что источник угрозы - «ничто».

Исследования, посвященные изучению феноменологии тревоги у детей были проведены Бламбергом и Изардом (Blumberg, Izard, 1985). Для измерения уровня тревоги авторы воспользовались детским вариантом шкалы тревоги и тревожности. (STAIC). Кроме того при помощи опросника детской депрессии (CDI) (Kovacs, Beck, 1977) авторы измеряли у своих испытуемых уровень депрессии. Эмоциональные переживания измерялись при помощи шкалы дифференциальных эмоций. Исследователи обнаружили значительную связь между тревогой с одной стороны, и страхом, виной, печалью и стыдом – с другой. В результате было выявлено что страх – самая значимая эмоция в паттерне тревоги. Эмоции печали, вины и стыда в данном исследовании разделили второе, третье и четвертое места.

Результаты этого исследования еще раз показывают, что нельзя рассматривать тревогу как некий отдельный самостоятельный феномен. Для того, чтобы понять и успешно лечить состояния тревоги у взрослых и детей, необходимо понимать какие дискретные эмоции участвуют в нем. Состояние тревоги у разных людей может быть вызвано разными эмоциями, поэтому представляется полезным построение эмоционального профиля в каждом конкретном случае тревоги.

Главная психологическая проблема в исследовании тревоги – установление различия между нормальной, рациональной тревогой и патологической, невротической тревогой.

В целом философы и психологи – экзистенциалисты рассматривают тревогу как неотъемлимую часть человеческой жизни, а невротическую тревогу - как явление, возникающее вследствие фрустрации в самоутверждении.

Для экзистенциалистов практически любая человеческая активность связана с тревогой и, потенциально, с невротической тревогой: индивидуализация и конфликт между симбиотической привязанностью и отделением, принятие ответственности,

осуществление выбора, поиск смысла и т.д. Одним словом, просто существовать – уже достаточная причина для беспокойства.

R. May (1950) так же утверждает, что нормальная тревога свободна от вытеснения и не задействует механизмы психологической защиты, тогда как невротическая требует вытеснения и действия различных механизмов ограничения активности и сознания. Подавление угрозы имеет своим результатом то, что индивид не знает источника своего опасения. Блокирование сознания, которое происходит при невротической тревоге, делает индивида более уязвимым по отношению к угрозе и таким образом усиливает невротическую тревогу. О.Ранк (1924) подчеркивает, что нормальная тревога присуща всем переживаниям на всех возрастных периодах жизни индивида. Если эти потенциально формирующие тревогу переживания преодолены успешно, то они ведут не только к относительно большей независимости личности, но и к восстановлению отношений с родителями и с другими людьми на всех уровнях. Тревогу в этих случаях следует рассматривать скорее как нормальную, чем как невротическую.

Тревога и тревожность обнаруживают связь с историческим периодом жизни общества, что отражается в содержании страхов, характере «возрастных пиков» тревоги, частоте, распространенности и интенсивности переживаний тревоги. При неблагоприятном стечении обстоятельств (тревога и страхи у взрослых, окружающих ребенка, травмирующий жизненный опыт) тревога перерастает в тревожность. К 7-8 годам можно говорить о тревожности как о черте личности. Ребенок, не испытывающий тревоги и беспокойства, будет гораздо меньше зависеть от других людей, их поддержки, расположения и заботы. И наоборот, чем больше он подвержен тревоге, тем сильнее будет зависеть от эмоционального состояния окружающих его лиц. В дошкольном возрасте происходит зарождение начал самооценки. Тревожные дети нередко характеризуются низкой самооценкой, в связи с чем у них возникает ожидание неблагополучия со стороны окружающих. Они очень чувствительны к своим неудачам, остро реагируют на них, склонны отказываться от той деятельности, в которой испытывают затруднения.

Большое значение в развитии тревожности имеет адекватность развития личности ребенка. Известно, что при этом среда играет предопределяющую роль, способствуя образованию системы

отношений, центром которых является самооценка, ценностные ориентации и направленность интересов и предпочтений. Главной причиной возникновения тревожности у детей считаются неправильное воспитание и неблагоприятные отношения ребенка с родителями, особенно с матерью. Отвержение, неприятие матерью ребенка вызывает у него тревогу из-за невозможности удовлетворения в любви, ласке и защите. В этом случае ребенок ощущает условность материнской любви. Неудовлетворение потребности в любви будет побуждать его добиваться ее удовлетворения любыми способами. Личностная тревожность матери, имеющей симбиотические отношения с ребенком, так же способствует развитию тревожности у ребенка. При этом мать, ощущая себя единым целым с ребенком, пытается оградить его от трудностей и жизненных неприятностей, тем самым «привязывая» к себе ребенка, предохраняя от несущесвующих, но воображаемых соответственно ее тревожности, опасностей. В результате ребенок испытывает беспокойство, когда остается без матери, легко теряется, волнуется и боится. Вместо активности и самостоятельности развивается пассивность и зависимость. Кроме того, тревожный характер привязанности часто провоцируется как самой матерью, так и другими взрослыми, заменяющими ему сверстников и ограничивающими в чем-то его активность и самостоятельность. Если отец не принимает участия в воспитании ребенка, то ребенок в большей части привязывается к матери, и в том случае, если мать личностно тревожна, он легче перенимает ее беспокойство. Высокую вероятность возникновения тревожности у ребенка видят в воспитании по типу гиперпротекции (чрезмерная забота, мелочный контроль, большое количество ограничений и запретов, постоянное одергивание), либо напротив неудовлетворение ведущих возрастных потребностей ребенка, которые приобретают гипертрофированный характер. Жестокое обращение с детьми родителями либо другими взрослыми, физическое либо моральное унижение личности ребенка ведет к возникновению тревожности в сочетании с обидой и агрессивностью.

Воспитание, основанное на завышенных требованиях, с которыми ребенок не в силах справиться или справляется с трудом, напрямую ведет к возникновению тревожности. В данном случае тревожность ребенка может порождаться страхом отступиться от норм и правил, установленных взрослыми. Требования,

предьявляемые к ребенку должны основываться на его «зоне ближайшего развития», т.е. хорошо если ребенок достигнет чуть больше обычного, но только то, на что реально способен на данном этапе своего развития. Это поможет ему максимально полно реализовывать заложенный в нем потенциал и при этом с большей уверенностью преодолевать трудности.

Описывая состояние тревоги, некоторые люди упоминают о переживании стыда или вины. В нашем обществе взрослые приучают детей, особенно мальчиков, не высказывать страха. Таким образом, переживание стаха и боязнь обнаружить свой страх могут вызвать у человека чувство вины и стыда. Комбинация страха со стыдом в эмоциональном паттерне тревоги особенно вредна для психического здоровья человека, так как ни одну из этих эмоций нельзя считать хоть сколько-нибудь благоприятным фоном для социального взаимодействия.

Способ помочь детям справиться с тревогой – снизить излишнее напряжение, с которым они должны справляться. Но многих стрессовых ситуаций просто невозможно избежать. Время от времени дети должны справляться с грузом рядовых событий, таких как рождение брата или сестры, переезд в новый дом или необходимость посещать детский сад, равно как и с сильным, хотя и более редкими стрессами, вызванными, например, смертью близких, разводом родителей или стихийными бедствиями. В этих условиях родители и педагоги должны пытаться достичь следующих целей:

1.Научиться распознавать и интерпретировать стрессовые реакции у детей.

2.Обеспечить детям теплое, надежное пристанище, чтобы вернуть им уверенность.

3.Дать детям возможность рассказать, что они чувствуют.

4.Не препятствовать регрессивному или не соответствующему возрасту поведению, такому как желание пососать палец, закутаться в одеяло или посидеть на коленях.

5.Помочь детям понять смысл событий или обстоятельств, давая им все необходимые объяснения.

Что касается отношений между страхом и тревогой, то наиболее распространенное мнение таково, что базисная тревога необходима для дальнейшего развития страха. Первые реакции ребенка на тревогу не дифференцированы, а страхи – это более

позднее образование, возникающее в результате того, что ребенок научается объективировать и особым образом относится к тем элементам окружающей среды, которые могут ввергнуть его в тревожное состояние. R.May (1939) утверждает, что способность организма реагировать на угрозы его существованию и его потребностям есть тревога в общем и изначальном виде. Позднее, когда организм становится достаточно зрелым, что бы различать специфические объекты опасности, защитные реакции так же приобретают более специфический характер. Эти дифференцированные реакции на специфические объекты угрозы и являются страхами.

Таким образом, тревога – это общее понятие, а страх – это выражение того же самого качества, но в специфической объективированной форме.

Страх и тревога различны, но неразделимы. Жало страха - тревога, а тревога стремиться стать страхом. Страх - это боязнь чего-либо, или кого-то, например страдания, отвержения личностью или группой, утраты чего-то или кого-то, момента смерти. Но перед лицом угрозы, которой полны эти явления, человек боится не самого отрицания, которое несет в себе эти явления, его тревожит то, что, возможно, скрывается за этим отрицанием. Например, «страх смерти». Объектом страха смерти может быть предчувствие смертельного заболевания или несчастного случая, предсмертных страданий и утраты всего, но в той мере, в какой эта тревога, ее объект - абсолютная неизвестность состояния «после смерти», небытие, которое остается небытием, даже если его наполнить образами из нашего недавнего опыта.

Тревогу можно представить в виде болезненно переживаемой неспособности справиться с угрозой, таящейся в определенной ситуации. Существуют события, носящие кризисный характер, потенциально несущие в себе угрозу человеческой жизни. Однако если более пристально проанализировать данный тезис, то оказывается, что тревога по поводу любой определенной ситуации есть не тревога, а страх, за которым стоит экзистенциональная тревога человеческой ситуации как таковой. Именно тревога, порождаемая неспособностью сохранить собственное бытие, лежит в основе всякого страха и создает страшное в страхе. Таким образом, объекты страха несут в себе не только стимул для собственно страха, но в них

имплицитно содержатся симптомы базисной тревоги человека. В этом смысле они неуязвимы, даже если против них вести самую жестокую борьбу.

Первым, кто четко разграничил страх и тревогу (ужас), был Кьеркегор; он противопоставил **предметному страху**, страху чего-либо, страх **ничто:** как он сам путано выразился, «ничто, с которым у индивида нет ничего общего». Мы испытываем ужас (или тревогу) в связи с перспективой потерять себя и стать ничем. Эта тревога не может быть локализована. Говоря словами Ролло Мэя, «она атакует нас со всех сторон одновременно». Страху, который нельзя ни понять, ни локализовать, противостоять невозможно, и от этого он еще страшнее: он порождает чувство беспомощности, неизменно вызывающее дальнейшую тревогу.

Философ Х1Х столетия Серен Кьеркегор отмечал, что эмоции интереса и страха соперничают друг с другом за наше внимание и поведение. Исследователи, первопроходцы, скалолазы, парашютисты и любители спуска по горным рекам, пожалуй, лучше всех умеют контролировать конфликт между интересом и страхом. Поскольку эмоция интереса – возбуждения имеет позитивное значение, побуждая индивида к приближению к объекту и облегчая конструктивное взаимодействие с ним, она играет наиважнейшую роль в регуляции страха.

Как мы можем бороться с тревогой? Смещая ее от «ничто» к «нечто». Именно это Кьеркегор имел в виду, когда писал, что «ничто, являющееся объектом ужаса, так или иначе, становиться все более чем-то». И это же имел в виду Ролло Мэй, утверждая, что «тревога стремиться стать страхом». После того как нам удалось трансформировать страх ничто в страх чего-либо, мы можем начать защищаться – избегать объектов страха, искать союзников против него, создавать магические ритуалы для его умиротворения или планировать систематическую кампанию для обезвреживания. Анализируя собственные страхи, которые являются продуктом нашего ума, мы можем анализировать и изменять свой способ реагирования на жизненные ситуации, несущие нам угрозу.

Делая вывод можно сказать, что переживание страха ощущается и воспринимается людьми как угроза личной безопасности. Страх побуждает людей предпринимать усилия, направленные на избежание угрозы, на устранение опасности. Страх

может быть вызван как физической, так и психологической угрозой. Процесс социализации страха у ребенка в значительной мере обусловлен родителями. Позитивный пример родителей - это самый эффективный способ обучения ребенка конструктивным взаимоотношениям с эмоцией страха.

В событиях жизненного пути нередко возникают ситуации, когда тревога стремиться стать страхом. Почему это неотвратимое стремление преследует человека на протяжении всей его жизни? Человек- существо конечное и не в состоянии терпеть безобъективную тревогу более мгновения. Поэтому тревога стремиться превратиться в страх, где мужество способно его встретить. Человеческая душа – фабрика страха, существующая для того, что бы скрыться от тревоги. Мы сами производим страхи, что бы уйти от ужаса страшного, тем самым объективируем экзистенциональную тревогу. Таким образом, человеку требуется изрядное мужество, чтобы прожить жизнь. Но может быть лишь проявив это мужество человек начинает по-настоящему проживать свою жизнь. Может быть, только по-настоящему испугавшись того, что «завтра» может не наступить, мы начинаем жить осознанно, и каждый прожитый нами день наполняется смыслом.

Литература

1. Астапов В. М. Тревожность у детей.– СПБ.,2004.
2. Захаров А. И. Как предупредить отклонения в поведении ребенка – М., 1993.
3. Изард К. Э. Психология эмоций.- СПБ.,2002.
4. Крайг Г. Психология развития.- СПБ.,2002.
5. Пергаменщик Л.А. Введение в кризисную психологию. Минск, 2005.
6. Прихожан А.М. Причины прфилактика и преодоление тревожности. - Научные основы прикладной психологии.- 1998. //2.
7. Психолог в детском дошкольном учреждении. Методические рекомендации к практической деятельности./ Под ред. Т.В. Лаврентьевой - М., 1996.
8. Хорни К. Собрание сочинений: в 3 т. - М., 1997.
9. Ялом Ирвин.Д. Экзистенциальная психотерапия.-М.,2004.

ПРОБЛЕМА МАСКУЛИННОСТИ И ФЕМИНИННОСТИ У ЖЕНЩИН В ПСИХОЛОГИИ

Бызова Л.В. (Иркутск)

В современном обществе перед множеством женщин встаёт вопрос, каким образом они могут в обществе отстаивать собственные интересы и наиболее конструктивно использовать свои возможности для личностного развития. Использование старых традиционных форм социального женского поведения не всегда приносит им эмоциональное удовлетворение. Поэтому большое количество женщин делают попытки воспользоваться новыми возможностями для самореализации. При этом неудачные попытки часто вызывают у женщин сложные негативные чувства. Известный психолог И.Кон отмечает, что отношения женщины с обществом не лишены проблем.

В процессе своего воспитания женщины формируют определённые представления о себе и о дозволенном. От этого зависит, смогут ли они воспользоваться предоставленными им в настоящее время новыми возможностями, не испытывая при этом чувства вины и тревоги. В нашем обществе мы наблюдаем множество негативных факторов, влияющих на гендерную идентификацию.

Концепции социальной психологии указывают на то, что основные гендерные различия в поведении и социальных ролях вызваны не столько биологическими различиями между мужчинами и женщинами, сколько благодаря культуре и социализации. В массовом сознании гендерные стереотипы являются социальными нормами.

Во всех древних текстах сознание человека обозначается как недифференцированное, т.е. не имеющее пола, не зависящее от пола. Позднее начинается постепенное расчленение мира на полярности (мужское и женское, инь и ян, хаос и космос, свет и тень). Сначала расщепление происходит на телесном уровне, а затем на уровне эго. Ребенок впервые получает дифференциацию на уровне телесной идентификации. А затем уже определенные качества тела заставляют смотреть наше сознание на мир из определённых качеств энергии и из определённых качеств материи, что и является основой формирования полового самосознания.

Стереотипы гендерного поведения входят в самосознание ребенка через подражание представителям своего пола, а затем развиваются и

наращиваются на протяжении всей жизни человека. Идентификация со своим полом получает настолько глубокое проникновение в самосознание личности, что является интегрирующим началом всех звеньев самосознания.

Дальнейшее развитие личности идет по пути формирования полового женского эго личности и полового мужского эго личности, т.е. идет дальнейшая гендерная специализация: статусная, материальная, социальная и духовная.

В основании традиционной системы воспитания, социализации пола лежит так называемое первичное разделение труда между мужчиной и женщиной. Общество с патриархальной системой ценностей определило совершенно разные условия существования для мужчин и женщин. Оно закрепило за мужчинами право на "внешнюю" деятельность, на освоение мира и господство над ним. А за женщинами - право на рождение и воспитание детей, на обустройство дома, быта. Женщины оказывались подчиненными мужскому авторитету, были объектом мужской власти.

Содержание категорий маскулинности и феминности считались строго дихотомическими, взаимоисключающими. Дифференциации половых ролей и связанных с ними стереотипов маскулинности—феминности в традиционной системе воспитания исторически отличалась следующими характерными чертами:

- мужские и женские виды деятельности и личные качества различались очень резко и казались полярными;
- эти различия освящались религией или ссылками на природу и представлялись ненарушимыми;
- мужские и женские функции были не просто взаимодополняющими, но и иерархическими — женщине отводилась зависимая, подчиненная роль, так что даже идеальный образ женщины конструировался с точки зрения мужских интересов.

До Х1Х века обществом поощрялось наличие и демонстрация у мужчин маскулинного поведения и феминного поведения у женщин, которое соответствовало зависимому положению от мужчин (отца, мужа). Феминные проявления мужчины и маскулинные проявления женщины считались патологией и мощно репрессировались системой социализации. Кроме этого, существовала

раздельная система инициации, являющаяся важным фактором гендерной идентичности.

Традиционный порядок изменился в связи с буржуазными революциями. Новые революционные законы отменили всевластия мужчины над женщиной, и заявили о свободе и равенстве всех перед законом. Положение женщин в обществе изменилось, произошли перемены в оценке их роли в обществе, в их статусе. Исчезновение абсолютного социального доминирования мужчин, изменило и основной фактор полового неравенства - разделение труда. Взаимоотношения мужчин и женщин в семье и на производстве стали в принципе равноправными, многие социальные роли и занятия вообще перестали разделяться на «мужские» и «женские». В России участие женщин в промышленном труде, в образовании и управлении возрастало еще и благодаря необходимости и принудительности в общественнополезном труде после Великой Отечественной войны. Все это привело к тому, что женщины начали на себя принимать исторически не свойственные им эволюционные роли, т.е. стало происходить смещение поведения женщин в сторону маскулинности. Кроме того, ставшие общими системы образования и инициации, усиливали индифферентность в половом отношении, что нивелирует также традиционные различия в их нормах поведения и психологии. В связи с этим социализация начала принимать бесполый характер, появилась размытость в возникновении полового самосознания. Подобное переструктурирование ролевых функций и ролевой активности, способствовало возникновению феномена маскулинного поведения женщин в социуме.

Совместное обучение показывает, что девочки в детском возрасте намного лучше социализированы, они более успешны в обучении, чем мальчики, чаще занимают ведущие места в руководстве школы, в студенческие годы также многие женщины более успешны, чем их сверстники мужчины. На уровне образовательных систем, пока нужно усваивать готовые знания, девочки намного более универсальны и долго доминируют, пока учатся в образовательных средах. Это происходит потому, что первичная активация у женщин происходит в левом полушарии, которое связано со словесно-логическим мышлением. У мужчин первичная активация происходит в правом полушарии, поэтому их инфантильность достаточно высока. К 14-16 годам девочка имеет хорошее половое самосознание и хорошо развитую личность. К

началу юношеского возраста уровни сформированности личности мужчины и женщины выравниваются.

Но затем женщины попадают в социум, в котором патриархальная структура хоть и изменена, но все же сохраняется. В этом обществе ожидания от женщин другие, и накопленные знания всей системы социализации могут быть не востребованы в мужском обществе. Женщины в мужском сообществе начинают терять свои приоритеты. Для того чтобы этого не произошло женщине необходимо в мужском сообществе менять традиционные фемининные формы поведения.

Таким образом, одной из базовых проблем современной женщины становится то, что она стремится реализоваться по «мужскому типу», т.е. стремится быть активной, подчинять себе ситуации, события и людей. Кроме того, огромный расход энергии возникает при воспитании детей, ведении домашнего хозяйства, распределении времени на хобби и поддержании физической формы. В этих условиях основной проблемой, мешающей социальной самореализации женщин является незнание или неосознавание своей гендерной роли и паттернов женского поведения.

В настоящее время существует несколько стратегий социально-психологической адаптации женщин. К одной из форм социально-психологической адаптации относится адаптация по мужскому типу. Это высокомаскулинные женщины, которые склонны проявлять агрессивность, настойчивость, конкурентность, жесткость, авторитарность и независимость, то есть качества, связанные с мужским типом интеллекта и реагирования. Эмоциональная жесткость и прагматизм позволяют им быть принятыми в мужское сообщество. Такие женщины очень многого добиваются в социальном плане, но сильно теряют в женском плане, потому что с такими женщинами трудно жить мужчинам, чаще они растят ребенка одни.

Другая форма адаптации - чисто женская адаптация. Женщины выходят замуж, рожают детей, живут в семье, обслуживают мужа и детей, одновременно зарабатывают деньги и т.д. Этот способ адаптации редко предполагает достижения высот социальной пирамиды. Чаще они выполняют свойственные эвлюционно и исторически женские функции в системе социализации, образования, воспитания.

Третий способ женской социализации – способ серединный, соединяющий женские ролевые функции и мужские, которые женщины могут использовать в зависимости от ситуации.

Многие исследователи [1,2,5] приводят данные о том, что низкомаскулинные женщины отличаются беспомощностью, пассивностью, тревожностью, склонностью к депрессии. Тогда как высокомаскулинные женщины характеризуются трудностями в установлении и поддержании межличностных контактов. Женщины с андрогинным типом личности отличает более богатый набор полоролевого поведения.

Таким образом, следует сказать, что, начиная с Х1Х века, произошла очень мощная поведенческая трансформация, как у женщин, так и у мужчин. С изменением традиционной формы воспитания появилась размытость в формировании полового самосознания, а вместе с этим наряду с традиционным фемининным поведением женщин и маскулинным стало возможным появление феноменов маскулинного поведения женщин и фемининного поведением мужчин в социуме.

Исследования показывают, что следование традиционным стереотипам, которые разграничивают маскулинность и фемининность как две противоположные модели поведения снижают адаптационные возможности мужчин и женщин, препятствует достижению межличностной гармонии и самооценку их во всех сферах жизни. Поэтому в обществе стали появляться новые способы адаптации, которые не существовали ранее.

Литература:

1. Ворник Б.М., Говорун Т.В. Роль стереотипов в возникновении сексуально-психологических дисгармоний // Материалы научно-практич. конф. сексопатологов «Проблемы современной сексологии и сексопатологии» М., 1996. С. 26-27.

2. Ениколопов С.Н., Дворянчиков Н.В. Концепции и перспективы исследования пола в клинической психологии. // Психологический журнал Т. 22. 2001. №3 с. 100 – 115.

3. Зинкевич-Евстигнеева Т.Д., Тихонова Е.А. Проективная диагностика в сказкотерапии. – СПб.: «Речь», 2003.

4. Козлов В.В., Павленкова Н.А. Кризис маскулинности – комплекс Адониса // Социальный психолог. Журнал для психологов. 2002. №1. С. 43 – 49.

5. Кон И.С. Этнические стереотипы мужского и женского поведения. М.: Наука, 1991.

6. Петрушин С.В. Любовь и другие человеческие отношения. – СПб.: «Речь», 2005. – 96с.

СТРУКТУРА ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ КАЧЕСТВ ТОП-МЕНЕДЖЕРА, ОПРЕДЕЛЯЮЩИХ ЭФФЕКТИВНОСТЬ УПРАВЛЕНЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ.

Вайнштейн Л.А. (г. Минск)

В настоящее время наблюдается все возрастающий спрос на высококвалифицированных работников – руководителей, так называемых топ-менеджеров. Сегодня при подборе кандидатов на должность топ-менеджеров преимущественно обращается внимание на его профессиональные и личные качества. В разных организациях предпочтение может отдаваться как первым, так и вторым. В то же время известно, что если высокие профессиональные качества предопределяют успех в специальности, то психологические – эффективность топ-менеджера в управлении, его способность взаимодействовать с подчиненными, вести деловые переговоры, совершать сделки и т.д. [2,3]. Профессиональная успешность и эффективность руководителя определяется тремя составляющими: уровнем управленческой компетенции, уровнем лидерской компетенции и его индивидуальными (личностно-психологическими) особенностями [1]. Сегодня эффективный топ-менеджер - это основное конкурентное преимущество.

Целью нашего исследования являлось выявление психологических качеств топ-менеджера, которые обеспечивают эффективность его управленческой деятельности. Были выдвинуты две гипотезы:

1. Уровень эффективности зависит от требуемых психологических качеств.
2. Эффективность топ – менеджеров зависит от некоторых социально-психологических характеристик его должности.

Использовались следующие методики: 1) оценка эффективности деятельности руководителя, 2) «характеристика», 3)

профессиографическое изучение социально-психологических характеристик деятельности топ-менеджера. В исследовании приняли участие 30 топ-менеджеров, являющихся руководителями эффективно работающих фирм со сроком деятельности более 10 лет. Для статистической обработки данных были использованы U – критерий Манна-Уитни, H – критерий Крускала-Уоллиса и коэффициент ранговой корреляции r_s Спирмена.

В результате проведенного исследования было выявлено, что эффективность топ-менеджеров определяется в большей степени определенным набором психологических качеств. Рассмотрим более подробно качества, которые оказались статистически достоверно связаны с эффективностью топ-менеджеров.

Способность заранее обнаруживать трудности и находить пути их преодоления, несомненно, способствует эффективности управления. На достаточно высоком уровне (оценки от 7 до 10) данное качество было выявлено у 47 % респондентов. Умение учитывать обстоятельства, влияющие на результат и позволяющие оценить обстановку здесь и сейчас, продемонстрировали на достаточно высоком уровне лишь 37 % руководителей.

Эффективное управление организацией сочетает в себе помимо достаточного владения управленческими навыками еще и знание в той области, где осуществляется деятельность. Наличие данного качества продемонстрировали 53 % опрошенных. Далее следует качество объективности в восприятии информации, а именно умение отличать субъективное мнение от фактов. Указанная способность наличествует у 67% опрошенных топ-менеджеров.

Одним из главных психических черт руководителя является способность к разумному риску. В сочетании с предыдущими качествами оно дает положительный результат в плане эффективности управленческой деятельности. Установлена корреляция таких качеств как дальновидность, объективность в принятии решений и способность к разумному риску, что дает возможность максимизировать управленческий эффект. Однако на высоком уровне данная склонность выявлена только у 13% руководителей. Возможно, это связано с видением многочисленных препятствий на пути достижения целей, что может снижать вероятность рискованного поведения. Следующее качество – терпеливость, которое удалось выявить на высоком уровне лишь у 23 % респондентов.

Целенаправленность - одно из основополагающих качеств успеха, так как с его помощью возможно достижение основных целей организации. Данное качество наиболее высоко выражено у 63 % руководителей, что примерно совпадает с процентом эффективных руководителей и имеющих возможность повысить свою эффективность (66 %).

Надежность – также один из залогов успеха эффективного топ-менеджера, поскольку помогает избежать недоразумений в общении с деловыми партнерами и заслужить авторитет, что несомненно способствует развитию деловых отношений и сотрудничества организации. Надежность характерна для 90% респондентов. Низкие показатели надежности характерны только для самых неэффективных руководителей.

Принципиальность в конфликтных ситуациях. На наш взгляд, она может оказывать как положительное, так и отрицательное воздействие. На высоком уровне данное качество выражено у 50 % руководителей высшего звена, что говорит о его неоднозначности и отсутствии четких граней успеха-неуспеха при использовании данного стремления.

Умение вовремя отказываться от неверных решений – напрямую связано с самокритичностью и тенденцией брать ответственность за выполнение поставленных задач на себя. Данное качество дает возможность смотреть на задачу с различных позиций, исключая, так называемое «тоннельное» мышление. Это свойство имеет высокую выраженность у 40 % респондентов. Объективность в оценке подчиненных – еще одна важная составляющая результативности управленческого процесса. Данное качество присутствует в наибольшей степени у 63 % руководящих работников. Лояльность по отношению к подчиненным позволяет руководителю более демократично относиться к ошибкам сотрудников, что сохраняет благоприятный социально-психологический климат в коллективе и мотивирует персонал на эффективное выполнение своих обязанностей. Лояльность к подчиненным характерно для 63 % опрошенных.

Готовность работать сверхурочно подчеркивает работоспособность, преданность интересам дела и мотивацию к достижению организационных целей. Ярко выраженная тенденция к

сверхурочной работе была выявлена у 90 % респондентов, что, в общем-то, и соответствует специфике управленческой работы.

Такое свойство как принятие ответственности на себя в высокой степени было выявлено лишь у 37 % топ-менеджеров. Наконец, одним из ключевых факторов успешности управления является умение принимать решение. На высоком уровне данную способность продемонстрировали 80 % респондентов.

Все вышеперечисленные качества, в различной степени встречаются у всех принимавших участие в исследовании топ-менеджеров, что объясняется эффективным характером их управленческой деятельности, способствующей успешной экономике, руководимых ими фирм. В докладе будут приведены конкретные результаты, иллюстрирующие проведенное исследование.

Кроме того, выявлена взаимосвязь эффективности топ-менеджмента и некоторых социально-психологических характеристик его должности, которые позволяют делать прогноз об эффективности того или иного специалиста. Немалую роль здесь играет уровень подготовки топ-менеджеров в области профессионально-управленческой и предметно-профессиональной деятельности.

Таким образом, установлено, что, во-первых, уровень эффективности топ-менеджеров зависит от ряда качеств с выделением требуемых психологических качеств, этических характеристик, направленности по отношению к работе, умению принимать управленческие решения и, во-вторых, эффективность топ-менеджеров зависит от некоторых социально-психологических характеристик занимаемой должности. Используя вышеописанные качества можно составить своеобразный психологический портрет эффективного руководителя.

Литература

1. Вайнштейн, Л.А. Психология управления: Курс лекций. / Л.А. Вайнштейн. – Минск, БГУ, 2007. – 190 с.
2. Карпов, А.В. Психология менеджмента: Учебное пособие / А.В. Карпов. – М.: Гардарики, 1999. – 584 с.
3. Кремень, М.А. Пути эффективного руководства / М.А. Кремень. – Минск: Белорусская навука, 2000.– 382 с.

ПОНИМАНИЕ ГЕНДЕРА И ГЕНДЕРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В ПСИХОЛОГИИ

Вержибок Галина (г. Минск)

Понятие «гендер» является хотя и достаточно новым для нашей социокультурной среды, но уже достаточно часто используется практически во многих областях и сферах научной и общественной жизни. Оно находится на стадии своего становления и определения места в категориально-понятийной системе многих общественно-гуманитарных наук. Это обусловливает неоднозначность как его трактовок, так и необычность употребления и восприятия. Однако термин «гендер» не является нейтральным ни в научно-познавательном, ни в мировоззренчески-идеологическом плане.

Первоначально термин «гендер» был позаимствован из лингвистики и для обозначения различий между биологическим и социальным в развитии, ориентированном с самого начала на пол индивида. Истоки, как указывают некоторые авторы, – англоязычная феминистская литература и оппозиция (дихотомия) биологического/социального, мужского/женского. Этот термин дает понимание того, что в дополнение к биологической основе («sex» – пол) существуют социально детерминированные представления о мужчине и женщине («gender» – род), которые оказывают огромное влияние на культурный контекст развития мальчика и девочки, мужчины и женщины (J.Acker, J.Lorber, A.Rich, G.Ruhin, R.Unger). Дифференциация понятий пол и гендер означала выход на новый теоретический уровень осмысления социальных процессов.

Будучи базовым понятием психологии, пол рассматривается как кумулятивная и связующая конструкция между обществом (коллективом) и личностью (индивидом), как своеобразный «стержень» самосознания личности и ее поведения. Необходимо поэтому различать *биологический* пол как совокупность анатомо-биологических особенностей и *социальный* пол как социо-культурный конструкт, который общество «надстраивает» над физиологической реальностью [2]. В этом контексте понимается, что пол индивида влияет на: ее (его) общественное положение и статус; то, какое поведение считается нормальным, сомнительным, или явно отклоняющимся от нормы для мужчин и женщин; какие психологические качества присущи тому или иному полу.

Психологи предпочитают употреблять термин «гендер», подчеркивая тем самым, что многие различия между мужчинами и женщинами создаются культурой, тогда как слово «пол» подразумевает, что все различия являются прямым следствием биологического пола. Р.Унгер отмечает, что определение пола обычно включает в себя черты, непосредственно обусловленные биологическим полом, тогда как гендер подразумевает те аспекты мужского и женского, причины возникновения которых еще неизвестны. Проблема в том, что причинно-следственная связь не всегда очевидна и может быть вызвана как биологическими, так и социальными факторами [1; 4; 9].

Е. Здравомыслова [5] считает, что гендер, который часто называют социальным полом в отличие от биологического пола, рассматривается как одно из базовых измерений социальной структуры общества наряду с классовой принадлежностью, возрастом и другими характеристиками, организующими социальную систему. Именно эти социо-культурные нормы определяют в конечном счете психологические качества, модели поведения, виды деятельности, профессии мужчин и женщин. Быть мужчиной или женщиной в обществе (в соответствии с половой ролью) - означает не просто обладать теми или иными анатомическими особенностями, это означает выполнять те или иные социо-половые (гендерные) роли.

Принимается и тот факт, что эта категория исторически и культурно изменяется. При этом психологи часто ссылаются на биологически обусловленные гендерные различия как на «половые различия». «Гендер» – это социальный статус, который определяет индивидуальные возможности образования, профессиональной деятельности, семейной роли, сексуальности и пр. Социальные статусы действуют в рамках культурного пространства данного сообщества. Это означает, что гендеру как статусу соответствует гендерная культура.

Достаточно часто во многих интерпретациях «гендер» рассматривается под знаком «социального» и «феминного». По мнению представителей феминизма, смешение биологического и социального приводит к закреплению и оправданию неравенства женщин и мужчин во властных отношениях, что повсеместно используется наукой и идеологией патриархально-маскулинной ориентации, доминирует во всей традиционной культуре.

Основой методологии гендерных исследований является не просто описание в статусах, ролях и иных аспектах мужчины и женщины, но анализ власти и доминирования, утверждаемых в обществе через гендерные роли и отношения. Гендерные роли определяют отношения мужчины и женщины через категории доминирования и власти. *Гендерные исследования* рассматривают, какие роли, нормы, ценности общества через системы социализации, разделения труда, культурные символы предписывают исполнять женщинам и мужчинам, чтобы выстроить традиционную иерархию власти [1; 9].

В рамках самого феминизма «гендерные исследования» («gender studies») представляют лишь одно из его поздних (80-90-е годы) направлений, получивших название «социальный конструктивизм». Был выделен третий компонент социальной категории «пола» или его третья трактовка — культурно-символическая, посредством которой многие не связанные напрямую с полом феномены и понятия отождествляются с «мужским» и «женским», образуя культурно-символический дискурс «мужского»/«женского» в науке, идеологии, художественной культуре, обыденном сознании.

Трактовка «гендера» с точки зрения социального конструктивизма обосновывается как социально сконструированные отношения неравенства по признаку пола. Обосновываются принципы различия, множественности «мужественности» и «женственности» и их отношений, а также заостряется внимание на субъектном факторе гендерного знания. Именно феминистские исследования пробудили интерес к исследованиям маскулинности, которые показали, что обособленное рассмотрение мужского и женского, вне их взаимосвязи, сравнения и сопоставления создаёт неверный образ, приписывая специфичность, различие тому, что является общезначимым, характерным и для мужчин и для женщин. Нарушается принцип системности, согласно которому социальный факт зависит от целостной системы, в которую он включён.

В конце 80-х годов феминистские исследовательницы постепенно переходят от изучения специфики женского опыта к анализу гендерной системы. Женские исследования постепенно перерастают в гендерные исследования, где на первый план выдвигаются подходы, согласно которым все аспекты человеческого общества, культуры и взаимоотношений являются гендерными. В 90-е

годы понятие «гендер» выходит за рамки феминизма и наполняется, при этом, специфическим звучанием в предметном поле различных наук, где проявляется тенденция использования его как эквивалента общей категории пола [4; 7; 10].

Сторонники замены дискурса «пол» на дискурс «гендер», «гендерные исследования», «гендерная психология», а вместо «исследования пола», «психология пола» аргументируют предпочтительность употребления гендерного дискурса тем, что он:

- нейтрализует предубеждения – стереотипы традиционного понятийного дискурса;
- подчеркивает то, что и объектом, и субъектом гендерных исследований являются не только женщины, но и мужчины;
- концентрирует внимание на социальных детерминантах конструирования мужского/женского, не связанных непосредственно с анатомией и физиологией полов;
- при этом не исключает из исследовательского поля всего многообразия теоретико-методологических парадигм трактовки пола.

В любом из существовавших до сих пор человеческих обществ обнаруживается какое-то разделение между полами, специфические для мужчин и женщин виды деятельности и социальные функции. Социальные нормы, определяющие, чем должны или не должны заниматься мужчины и женщины, по мнению И.С. Кона [2; 9], называются *социально-половыми ролями*, а реальное поведение, реализующее эти нормативные ожидания или ориентированные на них, – *полоролевым поведением*. Автономным аспектом дифференцировки половых ролей являются представления о том, чем отличаются или должны отличаться мужчины и женщины по физическим, социальным и психическим качествам – социально-психологические *стереотипы маскулинности и фемининности*. Такие стереотипы существуют как на высших уровнях культуры, в рамках религиозных и философских систем, осмысливающих природу половых различий (половой и сексуальный символизм), так и в повседневном обыденном сознании (стереотипы обыденного сознания).

Ломка традиционной системы половой стратификации вызывает перемены в культурных стереотипах маскулинности-фемининности.

Прежде всего, они становятся менее жесткими и полярными. Как и социальные роли, далеко не все человеческие качества дифференцируются по полу. Кроме того, идеалы маскулинности и феминности как никогда противоречивы. Во-1-ых, традиционные черты в них переплетаются с современными. Во-2-ых, они значительно полнее, чем раньше, учитывают многообразие индивидуальных вариаций.

Современные социально-экономические условия нашего общества характеризуются ускоряющимися изменениями в системах социальных ролей, часто не совпадающими с традиционными представлениями к установкам мужчин и женщин. Это несоответствие в современном обществе системы разделения половых ролей культурно-историческим традициям ведет к неоднозначности в становлении и проявлении психологического пола личности. В таких условиях становление психологического пола с одной стороны, может идти в направлении большей адаптивности – формирование андрогинности самой личности, то есть проявление как женственных, так и мужественных качеств адекватно возникающим ситуациям. С другой стороны, указанное выше несоответствие может привести к рассогласованию психологического и биологического пола либо к недифференцированному проявлению субъектом качеств, соответствующих стереотипам, как мужественности, так и женственности, что и определяет актуальность изучения выбранной темы.

Важно помнить, что психология пола личности определяется как *системное качество*, обусловленное биологически заданной половой принадлежностью индивида, этнокультурными традициями воспитания, структурой социально-значимой деятельности и половыми нормами общества, В дальнейшем определяет индивидуальные характеристики и особенности поведения личности (В.С. Агеев, А.С. Волович, И.С. Кон, И.С. Клецина, Л.В. Попова, Ш. Берн, К. Хорни) [2; 8; 9; 10].Классификация мира по признаку мужское/женское и половой символизм культуры отражают и поддерживают существующую гендерную иерархию общества в широком смысле слова.

В исследованиях Л.В. Поповой [8] отмечается, что *гендер* имеет скорее описательный, чем объяснительный характер, тогда как понятие «гендерная система» больше подходит для объяснения

сложившегося положения вещей. *Гендерная система* предполагает гендерное измерение публичной и приватной сферы. Она является относительно устойчивой и воспроизводится социализационными механизмами. В постиндустриальном обществе изменяются ценности культуры, в том числе меняется гендерная система.

Гендерная система подразумевает методологическое понимание гендера, как одной из стратифицирующих функций общества. Идея стратификации предполагает, что гендер существует одновременно в структурном делении общества, в его символических значениях, в индивидуальных идентичностях. Другими словами, женщины и мужчины вместе и по отдельности производят и воспроизводят целостную человеческую жизнь, социальные и культурные структуры, также как самих себя и друг друга как существ определенного пола. В свою очередь система представляет собой функциональное целое, которое необязательно однородно и хорошо организованно, но содержит внутренние противоречия.

Австралийский исследователь Роберт Коннелл (R. Connell) выделяет три относительно независимые *«структурные модели» гендерных отношений*, описывающие гендерную систему:

- Первая модель концептуализирует социальное разделение труда между полами в сфере публичной экономики и домохозяйства;
- Вторая модель описывает отношения власти, это сфера политического;
- Третья модель относится к сфере эмоциональных и сексуальных отношений (обозначается психоаналитическим термином катексис – cathexis).

Каждая из структурных моделей описывает относительно автономные сферы социальной реальности, в каждой из этих сфер гендерные отношения воспроизводятся и изменяются в результате взаимодействия структурных условий и практик. В них формируются и поддерживаются представления о надлежащей и девиантной мужественности/женственности, гендерные идеологии и дискурсы, коллективные действия, проблематизирующие и изменяющие гендерный порядок. Позднее Р.Коннелл отказывается от использования термина гендерная система, предпочитая ему термин *гендерная композиция* [1].

Кроме термина «гендерная система» используется термин *«гендерный контракт»*. Гендерная система представляет собой

совокупность гендерных контрактов. «Гендерный контракт» применяется к анализу активности и проявлениям субъективности человека на ее (его) собственных условиях, с учетом индивидуальных особенностей. С точки зрения О.Ворониной, Е.Здравомысловой, И.С. Кона, Л.В. Поповой, А.Темкиной и др., гендерная система представляет собой совокупность контрактов [8; 9].

Образование гендера происходит посредством образования и развития нескольких процессов, причем формирование половых различий является только одним из них. Джоан Экер (1991) выделяет пять взаимодействующих *гендерных программ*:

1. построение разделения труда, места пребывания, физического пространства, дозволенного поведения, власти в зависимости от половой принадлежности;
2. создание символов и образов, которые объясняют, выражают, закрепляют или иногда противостоят этому разделению;
3. различия во взаимодействиях женщина-мужчина, женщина-женщина, мужчина-мужчина, проявляющиеся в речи, ее прерывании, в очередности ведения диалога, в предложении тем для обсуждения, в невербальных компонентах поведения;
4. формирование гендерных компонент индивидуальной идентичности или иначе гендерных личностных структур;
5. вовлечение гендера в фундаментальные продолжающиеся процессы создания и концептуализации социальных структур [1].

В социальной психологии *гендер* – социально-биологическая характеристика, с помощью которой люди дают определение понятиям «мужчина» и «женщина». Такая трактовка обусловлена тем, что объяснение причин возникновения половых различий психики приоритетным влиянием либо биологических, либо социально-психологических факторов не дает положительного результата. Необходима их взаимосвязь, отсюда взаимодействие, совмещение биологического детерминизма и социально-психологического детерминизма при ведущей роли последнего.

В свете вышеизложенного становится понятной трудность и неоднозначность трактовки понятия *«гендер»* в науке. Выделяются, однако, два доминирующих подхода, которые можно определить как культурный конструктивизм и структурно-стратификационное моделирование. В первом случае «гендер» выступает как культурная конструкция мужского и женского в его соотнесении с реалиями

мужского и женского мышления и поведения, типичного для конкретного социума. Во втором варианте «гендер» представляет модель социальных отношений между мужчинами и женщинами в семье и обществе. Сочетание этих подходов позволяет дать трактовку «гендера» как социального пола, представляющего его культурную конструкцию и структурно-стратификационную модель отношений между мужчинами и женщинами в семье и обществе.

В конце XX ст., будучи на посту президента Американской Психологической ассоциации, Флоренс Денмарк, много работавшая над проблемами гендерной психологии, обратилась с призывом к психологическому сообществу: психология должна повернуться лицом к проблемам пола. По ее мнению, необходимо стимулировать создание психологии нового типа – более чувствительной к гендерным проблемам, более ориентированной на реальное многообразие человеческой психики.

Литература

1. Антология гендерных исследований: Сб. пер. / Сост. и коммент. Е.И. Гаповой и А.Р. Усмановой. – Мн., 2000. – 384 с.

2. Алешина Ю.Е., Волович А.С. Проблемы усвоения ролей мужчиной и женщиной // Вопросы психологии. – 1991. - № 4. – С. 74-82.

3. Берн Ш. Гендерная психология. – СПб., 2001. – 320 с.

4. Воронина О.А. Социокультурные детерминанты развития гендерной теории в России и на Западе. – М., 2001. – 153 с.

5. Зравомыслова Е. Социальная конструкция гендера и гендерная система в России. – М., 2001. – 119 с.

6. Лопухова О.Г. Влияние этнокультурных традиций на становление психологического пола личности // Вопросы психологии. – 2001. - № 5. – С. 73-80.

7. Митина О.В., Петренко В.Ф. Кросскультурное исследование стереотипов женского поведения (в России и США) // Вопросы психологии. – 2000. - № 1. – С. 68-87.

8. Попова Л.В. Гендерные аспекты самореализации личности. – М., 1996. – 147 с.

9. Практикум по гендерной психологии / Под ред. И.С. Клециной. – СПб., 2003. – 380 с.

10. Хорни К. Самоанализ. Психология женщины. Новые пути в психоанализе. – СПб., 2002. – 480 с.

ТРАНСФОРМАЦИЯ ГЕНДЕРА И КУЛЬТУРА ЛИЧНОСТИ

Вержибок Галина (Беларусь, г. Минск)

Социально-экономические, политические и культурные изменения, происходящие в обществе, появление новых ценностей закономерно приводят к переосмыслению и актуализации сложных социальных проблем, и в частности, казавшихся прежде незыблемых, представлений о формах и нормах полоролевого поведения индивида. Традиционные ценностно-нравственные ориентиры сегодня вступают в определенное противостояние с новыми ценностями, что неизбежно затрагивает многие аспекты субъект-субъектных взаимодействий и, прежде всего, в такой сфере как личностные взаимоотношения между мужчиной и женщиной в повседневных контактах, профессионально-производственной сфере, в семье и пр. На характер этих отношений оказывает существенное влияние разные институты социализации, в частности, образовательная сфера, семья, средства массовой коммуникации и доминирование в них новых полоролевых образов, мотивов, установок, форм поведения [2; 6; 7].

Происходит некоторое «размывание» основных параметров традиционной системы социально-психологического функционирования гендерных отношений. Отступление от нормативов, закрепленных в культуре, приводит к противостоянию не только самих полов, но и социума, и индивидуума как внешне, так и на глубинном психологическом уровне сознания. Поэтому гуманизация общества непосредственно связана с изменениями гендерной идеологии и выстраиванием гендерной культуры личности [1; 4]. Осваивая новое пространство субъект-объектных и субъект-субъектных отношений, молодое поколение в условиях множественности и размытости способов и стилей полоролевого поведения, оказывается не готовой принять личностную и социальную идентичность, что неизбежно влечет за собой девиантность в поведенческих ситуациях. Дисгармоничные взаимоотношения полов приводят к формированию неадекватной полоролевой идентичности, которая, в свою очередь, сама начинает влиять на эти взаимоотношении.

Актуализируется необходимость выработки новой стратегии воспитания и нового понимания человеческих взаимоотношений, ибо на рубеже тысячелетий мир охвачен процессами фрагментации ценностно-поведенческих систем. С одной стороны, продолжается процесс гуманизации субъект-субъектных отношений, что обусловливает необходимость всестороннего и объективного анализа механизма включения в традиционную систему требований к полоролевому поведению новых аспектов социокультурных трансформаций. С другой, радикальные изменения в экономике и, особенно в образовании, изменяют и социальные институты и непосредственно сами практики общения. Общая суть происходящих изменений – смена приоритетов, выработка новой парадигмы полоролевого поведения [1; 6; 7; 8].

Гендер сегодня понимается как социально сконструированные роли и социально освоенные модели поведения и ожиданий, которые связываются с представлениями о женщинах и мужчинах, это не физические различия между мужчиной и женщиной, а социально организованные, социально формируемые, воспроизводящиеся и изменяющиеся особенности женщин и мужчин (Т.В. Бендас, И.В. Грошев, Е.П. Ильин, И.С. Клецина, И.С. Кон, Л.А. Коростылева, Л.В. Попова, S. Bem, R. Unger). Гендер – это измерение социальных отношений, укорененной в данной культуре, в нем есть элементы устойчивости и элементы изменчивости [4; 8]. В каждом обществе, особенно многокультурном и многонациональном, необходимо иметь в виду гендерное разнообразие, которое имеет как положительные, так и отрицательные аспекты. Это означает, что предписания и исполнения, соответствующие мужественности и женственности, могут быть различны для разных поколений, разных этнокультурных и религиозных групп, разных слоев общества. В терминологии гендерной системы описывается синхронический аспект гендерной культуры.

Кросс-культурное исследование гендера позволяет глубже изучить роль, которую играет культура в создании и поддержании гендера и гендерных различий. Некоторые исследователи считают кросс-культурное исследование важным, так как полагают, что на стыке межкультурных различий выяснится, какие черты гендера определяются биологическими характеристиками, а какие культуральными [3]. Сходство или различие культур определяется

степенью наличия одинаковых или отличающих элементов. Однако при оценке явлений необходимо включать выявленные различия на основу сходства и подобия (т.е. исключить другие гипотезы) при неизменном условии использования более одного метода и создании конкретных способов измерения [8].

Биология и культура не изолированы друг от друга, поскольку культура развивается на основе того, что дано биологически. Культурные нормы подспудно, но весьма существенно влияют на наши установки и поведение. Все социальное и психологическое есть в конечном счете биологическое. Поведение, инициируемое нашей биологической наследственностью, может акцентироваться культурой. Психологи выделяют следующие аспекты гендерной специфики культуры [5]:

- Культура влияет на то, в какой степени человек готов оставаться самим собой, не становясь конформистом.

Западные культуры характеризуются как индивидуалистические общества, где люди больше интересуются личными правами и независимостью. Коллективистские общества (подобно японскому) придают значение повышенной заботе о потребностях окружающих и взаимозависимости.

- Свойственные культуре представления о равенстве.

Во многих культурах социальное равенство не является доминирующей ценностью. Путь к гендерному равенству в разных странах может быть различным.

Дискуссия о гендере в различных культурах поднимает еще один вопрос – сохранение культурного разнообразия. Отмечается (О.В. Митина и В.Ф. Петренко, 2000), что гендерные роли, стереотипы и связанные с ними социальные установки регулируются на глубинном ментальном уровне общественного сознания и сами влияют на него (как наиболее стабильные, уходящие корнями в далекое прошлое, передающиеся из поколения в поколение, менее подверженные изменениям в ходе развития общества). Этот ментальный уровень формируется в ходе истории развития общества и имеет самые различные аспекты: социальные, экономические, культурные, религиозные, политические. Существует несколько универсальных ценностей, таких как гендерное и расовое равенство, которые должны заставлять нас придирчиво относиться к некоторым культурным обычаям и добиваться их изменения.

По мнению Шон Берн [3], существует четыре аспекта гендерной этики, в которых сходятся различные по другим показателям культуры:

- ✓ Разделение труда по половому признаку.

Несмотря на то, что существуют значительные кросс-культурные различия в отношении работ, выполняемых мужчинами и женщинами, в любом обществе женщина продолжает выполнять большинство работы по хозяйству и воспитывать детей. Во всем мире отцы, как правило, занимаются детьми одну треть того времени, которое тратят на это матери. Во всем мире работающие женщины также выполняют большую часть домашнего труда. Подобная ситуация наблюдается в Японии, странах бывшего СССР, Израиле, Греции и Швейцарии.

- ✓ Убеждения или стереотипы, связанные с различиями между женщинами и мужчинами.

Мужчины воспринимаются как властные, независимые, агрессивные, доминирующие, активные, смелые, неэмоциональные, грубые, прогрессивные, мудрые. О женщинах говорят как о зависимых, кротких, боязливых, слабых, эмоциональных, чувствительных, нежных, мечтательных, суеверных. Гендерные стереотипы возникли в древности и происходят от такого разделения труда, при котором женщины отвечают в основном за домашний труд, а мужчины работают за пределами дома. По мере того, как эти роли меняются, гендерные стереотипы также должны меняться.

- ✓ Дифференциальная социализация мальчиков и девочек.

Гендерные стереотипы возникают на основе гендерных ролей. Установившиеся стереотипы выступают как нормы для женщин и мужчин и являются моделями для гендерно-ролевой социализации. Существует панкультурная тенденция обучать и обучаться поведению, соответствующему гендеру, хотя в зависимости от культуры есть некоторые различия в том, чему именно учат. Любая культура поощряет разделение на основе гендера. Как только дети понимают важность гендера в их культуре, то соответственно моделируют свое поведение. Гендер имеет значение для общества независимо от того, что за общество и где оно находится. Цель полоролевой социализации – обучить детей тому, что является социально-приемлимым для их пола, и подготовить их к взрослым ролям.

- ✓ Меньшая власть и более низкий статус женщин.

Согласно отчету ООН: женщины выполняют основной объем домашней работы; выращивают половину пищевых запасов мира, но почти никогда не владеют землей; составляют 1/3 рабочей силы, но заняты в основном на низко оплачиваемых работах; получают меньше, чем получают мужчины за такую же работу; достаточно слабо представлены в органах власти [3].

Если исходить из положения: любые взаимоотношения и взаимодействия базируются на триаде «значение – ценность – норма», что составляет объективное содержание человеческой культуры (П. Сорокин), то в пространственно-временном континууме именно гендерная культура выступает наглядно-образной формой экспликации культуры общества (нравы, формы общения, стереотипы, нормы поведения и пр.). При этом сущностная характеристика индивидуальной, межличностной, групповой и межгрупповой культуры диспозиционно (В.А. Ядов) выступает как достаточно четко обозначенная социально-нормативная ценность. Благодаря этому гендерная культура и культурно-цивилизационное состояние общества связаны друг с другом как общее и специфическое [6].

Дело в том, что в период социальных изменений должна по-новому рассматриваться общая стратегия воспитания личности, выступающая неотъемлемой частью образовательной системы государства [1; 7]. Смысловые акценты и направления воспитательно-образовательной деятельности должны быть перенесены с развития внешнего (т.е. направленного на внешние формы полоролевого поведения и подразумевающего его подчинение традиционным стереотипам достаточно жестко, нормативно-регулирующим полоролевую ориентацию индивида) на развитие внутреннее (т.е. развитие самого человека, его духовно-психических качеств, совершенствование их в гуманистическом русле, задействование его собственных ресурсов и возможностей). Это означает не только изменение параметров адаптации индивида к быстро изменяющимся миром субъект-субъектных отношений.

Именно гендерная культура расширяет диапазон информационно-оценочной связи человека с другими людьми, понимание им своих прав и обязанностей, корректируя три главные модальности полоролевого поведения мужчин и женщин: психофизиологическую идентичность, личностную (эго-

идентичность) и социальную идентичность (И.С. Кон, С.И. Розум). Наряду с этим, гендерная культура выступает в системе субъект-субъектных отношений как определенное интегративное их начало, выполняя функцию инверсии. В культуре инверсия есть постоянное и одновременное (диалектическое) изменение направления влияния, воздействия на противоположное, т.е. субъект культуры одновременно и ее объект. В процессе культурной эволюции ее субъекты созидают, сохраняют и распространяют традиционные нормы поведения.

Современное пространственное расширение поля субъект-субъектных отношений, актуализируя интерсубъективность нормативности полоролевого поведенея, одновременно, в определенном отношении, включает новые аспекты в его мотивационно-оценочные характеристики. Поэтому адаптация к новым нормативным требованиям – это непрерывный процесс изменений всех аспектов психической деятельности индивида, психические образы, ценностные установки, схемы действий, мотивы становятся регуляторами тогда, когда акцентируется не только их личностный смысл и значение, но и гендерно-культурная форма сознательного усвоения человеком трансформаций в инструментально-нормативных стереотипах полоролевого поведения [2; 4; 6].

Изменение экономических и социальных отношений, образа жизни, преобразование мотивации поведения и ценностей жизни изменяет и сам процесс социализации личности. Человечество пришло к осознанию неразрывности человека и культуры, поэтому становится понятной неудовлетворенность той педагогической системой, которая была ранее и понимание необходимости привести ее в соответствие с интересами гуматарно ориентированной культуры. Речь идет о том, чтобы видеть в школе / ВУЗе не только учреждение системы «образования» и «обучения», а общественный институт культуры, для которого задачи образования и обучения являются лишь сторонами более сложной деятельности – приобщения к культуре молодого поколения и формирование у них потребности и способности развивать культуру собственной творческой активностью.

В настоящее время задача создания базиса культуры личности посредством образования и в системе образования приобретает всё

большее значение. Эта потребность, продиктованная педагогической практикой, нашла отражение и в современной Национальной доктрине образования в Республике Беларусь. Совершенствование содержания образования неизбежно затрагивает проблему определения и операционализации понятия «культура человека», которое становится центральным, определяющим целевые ориентиры современного образования. Это относится и к понятию «гендерная культура» как одному из аспектов «психологической культуры», общей культуры человека.

Проблема психологической культуры прямо или косвенно затрагивается в исследованиях психологов (А.А. Бодалёв, Л.Д. Дёмина, Е.А. Климов, Я.Л. Коломинский, О.И. Мотков, А.Б. Орлов, Н.Т. Селезнёва и др.), однако феномен понятия гендерная культура является практически не разработанным и требует дальнейшей работы в этом направлении [2; 4]. Необходимо дальнейшее выявление возрастных возможностей индивида в освоении гендерной культуры в условиях педагогического процесса. Комплексные исследования необходимы потому, что в целом не разработан методический инструментарий, параметры диагностики, критерии оценки, показатели, не изучена возрастная динамика, закономерности становления гендерной культуры учащихся и студенческой молодежи, позволяющие её охарактеризовать на различных ступенях обучения.

Разработка концептуальных положений и системы теоретико-методологических допущений позволят углубить научные и практические представления о стратегии и тактике, подходах и методах воспитания гендерной культуры как интегрального начала гендерной системы и гендерных отношений в современном обществе.

Литература

1. Айвазова, С. Гендерное равенство в контексте прав человека / С. Айвазова. – М., 2001.
2. Бендас, Т.В. Гендерная психология / Т.В. Бендас. – СПб., 2006.
3. Берн, Ш. Гендерная психология / Ш. Берн. – СПб., 2001.
4. Клецина, И.С. Психология гендерных отношений: автореф. дис. … д-ра психол. наук: 19.00.05 / И.С. Клецина. – СПб., 2004.
5. Психология и культура / Д. Мацумото; под ред. Д. Мацумото. – СПб., 2003.

6. Розум, С.И. Психология социализации и социальной адаптации человека / С.И. Розум. – СПб., 2006.
7. Силласте, Г.Г. Социогендерные отношения в период социальной трансформации России / Г.Г. Силласте // Социс. – 1994. – № 3. – С.15-22.
8. Триандис, Гарри К. Культура и социальное поведение: учеб. пособие / Г.К. Триандис; пер. В.А. Соснин. – М., 2007.

СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ, МЕДИЦИНСКАЯ И ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ЭФФЕКТИВНОСТЬ ТЕРЦИАРНОЙ СОЦИАЛИЗАЦИИ БОЛЬНЫХ АЛКОГОЛИЗМОМ И НАРКОМАНИИ

Грязнов А.Н. (Казань)

Характер национального бедствия принимает алкоголизация и наркотизация населения России. С геометрической прогрессией растет число больных наркоманией. По мнению экспертов, реальная численность наркозависимых в стране превышает зарегистрированное число в 8-10 раз. В то же время в обществе существует недооценка опасности, которую несет в себе зависимость от употребления психоактивных веществ. Демографическая ситуация в стране стала зависеть от количества молодежи, употребляющей психоактивные вещества. Комплексного и планомерного решения этой проблемы в обществе до сих пор нет. Превалируют в основном репрессивные подходы, работа носит симптоматический характер. Отсутствует система профилактики зависимостей, действия заинтересованных ведомств разобщены и не несут в себе окончательного результата. Становится очевидной неэффективность мер и затрат государства в условиях разрозненности усилий и несогласованности подходов в борьбе с нарко- и алкоэпидемией. В этой связи представляется целесообразным выделение профилактики наркомании и алкоголизма в отдельное научно-практическое направление интегрирующие в себе профилактическую и клиническую медицину, психологию, социологию и другие предметные области.

Вопросы оценки и измерения успехов человеческой деятельности всегда были в центре научных исследований. Определение эффективности любой деятельности – важнейшая составляющая анализа этой деятельности, незаменимый инструмент воздействия на ее

процесс, указывающий на необходимость внесения в нее соответствующих поправок.

Эффективность – комплексное понятие, не имеющее общепринятого, однозначного определения. В экономической науке под эффективностью понимаются относительный эффект, результативность процесса, операции, проекта, определяемые как отношение эффекта, результата к затратам, расходам, обусловившим, обеспечившим его получение, результативность использование средств для достижения целей, получение максимума возможных благ от имеющихся (ограниченных) ресурсов. Эффективность определяется рачительностью, экономичностью хозяйствования и измеряется результатом, полученным от каждой единицы использованного ресурса (фактора) производства за определенное время. «Эффективность – это обобщенный интегральный показатель качества системы. Он определяется как внутренними свойствами системы (значениями различных показателей, характеризующих потенциал и ресурсы), так и условиями, в которых система функционирует. Поэтому корректнее говорить не об эффективности вообще, а об эффективности функционирования системы при выполнении конкретных задач в определенных условиях». В экономической науке различают два вида эффективности – экономическую и социальную, в свою очередь социальная эффективность включает медицинскую эффективность. Экономическая эффективность – это результат экономической деятельности, экономических программ и мероприятий, характеризуемый отношением полученного экономического эффекта к затратам факторов, ресурсов, обусловившим получение этого результата, достижение наибольшего объема производства с применением ресурсов определенной стоимости. Под социальной эффективностью понимается результат в виде удовлетворения потребностей конкретных слоев, групп людей, организаций, а с другой стороны, безвредность процессов для исполнителей, изготовителей, потребителей. Социальная, медицинская и экономическая эффективность подразумевает интенсивность развития, деятельности системы, отражают процессы совершенствования ее деятельности, степень достижения желаемого результата. Эти категории объединяет единая направленность – рост и развитие, стремление к достижению наилучшего результата при наименьших затратах. Они представляют сравнительные оценки результата деятельности, отражают не только

возможность к обеспечению роста, но и способность стимулировать прогрессивные изменения. Разграничение социального и экономического аспектов эффективности социальной сферы довольно условно, их нельзя противопоставлять, они находятся в тесной взаимосвязи. Экономическая эффективность создает предпосылки для наиболее полного достижения социальной и медицинской эффективности. Виды эффективности формируют общую интегральную эффективность, т.е. с одной стороны, эффективность оценивает результаты по отношению с затратами, а с другой – по степени достижения целей, т.е. удовлетворенность достигнутыми результатами.

На этом фоне актуальным остается проблема разработки методологии донозологической диагностики возникновения склонности к употреблению психоактивных веществ.

Для определения эффективности терциарной социализации больных алкоголизмом и наркоманией исследовано 203 человека, в том числе мужчин 126 и женщин 64, из них: больных наркоманией 135 человек (мужчин 93, женщин 42), больных алкоголизмом 38 человек (мужчин 28, женщин 10), лиц, не подверженных не алкогольной и наркотической зависимости 30 человек (мужчин 18, женщин 12).

С целью разработки скрининговой формы донозологической диагностики зависимости наркомании и алкоголизации, нами проведено социально-психологическое исследование, в основе которого легла методика В.Д. Менделевича «Тест - склонности к зависимому поведению».

Всем респондентам была предложена анкета, содержащая 116 вопросов (факторов) и 580 их градаций.

В ходе полученных результатов респонденты были разделены на четыре группы: первая - нет признаков зависимости, вторая - признаки тенденции, третья - признаки повышенной склонности, четвертная - признаки высокой вероятности.

При проведении математической обработки не было выявлено достоверных различий полученных ответов между мужчинами и женщинами исходя из этого, в дальнейшем расчеты проводились без учета пола.

При корреляционной связи между склонностью к алкоголизму и наркомании выявлена сильная прямая корреляционная зависимость (r_{xy}=0,57), что дало нам право в дальнейших предварительных

характеристиках полученных результатов оперировать четырьмя группами, без учета специфики психозависимости. При расчете линейной классификационной функции все респонденты были разделены на две группы по принципу максимальной выраженности признаков зависимости, т.е. по уровню склонности к зависимости.

Используя принцип максимальной корреляционной связи, были отобраны наиболее значимые факторы характеризующие наибольшую склонность в возникновению зависимого состояния от психоактивных веществ.

Характеризуя факторы, следует отметить, что частота встречаемости градации каждого фактора весьма разнообразна и имеет достоверные разлития между алкоголиками и наркоманами, а также между группами по выраженности склонности к зависимости.

Фактор «Если я чем-то увлеченно занят, то часто даже не замечаю, что происходит вокруг» проявил прямую средней силы корреляционную связь с тенденцией склонности к зависимости от психоактивных веществ при тенденции к алкоголизму r_{xy}=0,32, к наркомании r_{xy}=0,38. При этом наблюдается достоверная закономерность, чем выше показатель склонности к зависимости от психоактивных веществ, тем респондент более согласен с суждением обозначенного фактора. Если среди респондентов, отнесенных к первой группе (показатель менее 90), чаще встречается градация «совершенно не согласен» или «скорее не согласен» 7,89±2,09% и 28,95±3,51% - соответственно ($p<0,05$), то среди четвертой группы (более 111-116 баллов) чаще встречается градация «скорее согласен» у больных алкоголизмом 64,71±3,70%, у больных наркоманией - 53,06±3,86% - ($p>0,05$).

Фактор «я живу и поступаю в соответствии с поговоркой «надейся на лучшее, но готовься к худшему» характерен для лиц склонных к депрессивным состоянием, что может спровоцировать «уход» от реальности и пристрастье к психоактивным веществам. При этом среди больных алкоголизмом сила корреляционной связи составляет r_{xy}=0,42, наркоманов r_{xy}=0,32. Связь в обоих случаях прямая, что свидетельствует о склонности согласия с суждением. Среди алкоголиков градации фактора «Скорее согласен» отметили - 39,22±3,78% респондентов, «совершенно согласен» - 43,14±3,83%; у наркоманов - 34,63±3,68% и 27,55±3,46% соответственно, при этом

градация «совершенно согласен» достоверно чаще встречается среди больных алкоголизмом ($p<0,05$).

«Меня считают наивным человеком, поскольку мне часто случается попадать впросак» достоверных различий между больными алкоголизмом ($r_{xy}=0,33$) и больными наркоманией ($r_{xy}=0,31$) не выявлено. Разброс ответов респондентов отмечается в пределах градаций «скорее не согласен» и «скорее согласен».

Фактор «Я иногда чувствовал, что кто-то посредством гипноза заставлял меня совершать какие-либо поступки» определил силу связи среди больные алкоголизмом $r_{xy}=0,37$, больными наркоманией - $r_{xy}=0,40$. Фактор оказался менее информативным, так как не было выявлено достоверных различий между группами по показателю тенденции. Среди всех респондентов превалировал ответ «совершенно не согласен» 58,08±3,82%, что можно трактовать так, респонденты считают себя вполне сильными и самодостаточными личностями, при этом склонными к рисковым поступкам.

«Я бы мог на спор ввести себя в вену наркотик (героин)», данный фактор достаточно наглядно показывает риск возникновения зависимости от психоактивных веществ. В то же время среди всех респондентов «скорее согласен» с данным суждением - 17,37±2,93%, «совершенно согласен» - 11,38±2,46%.

«Я доверяю предсказаниям гороскопа и следую содержащимся в них рекомендациям» при средней силе корреляционной связи у больных алкоголизмом ($r_{xy}=0,38$) и больных наркоманией ($r_{xy}=0,34$), в обеих психоактивных зависимостях превалирует ответ «не то, ни другое», при этом среди алкоголиков встречается достоверно чаще (47,06±3,86%), чем у наркоманов (34,69±3,68%) ($p<0,05$).

«Я - не суеверен», фактор вызвал сомнения в ответах респондентов, при отрицательной корреляционной связи как среди алкоголиков ($r_{xy}=-0,35$), так и наркоманов ($r_{xy}=0,33$). Среди градации превалирует два противоположных ответа «скорее не согласен» (больные алкоголизмом -39,22±3,78%, больные наркоманией - 33,67±3,66%, $p<0,05$) и «скорее согласен» (больные алкоголизмом - 31,37±3,59%, больные наркоманией - 35,71±3,71%, $p>0,05$).

«Меня всегда притягивала и притягивает таинственность, загадочность, мистика» коэффициент корреляции среди больных алкоголизмом $r_{xy}=0,48$, больных наркоманией $r_{xy}=0,40$. В ответах преобладает ответ «скорее согласен» (больные алкоголизмом -

52,94±3,86%, больные наркоманией - 48,98±3,87%), что доказывает тенденцию к зависимости от психоактивных веществ.

После отбора фактор по максимальному (каноническому) коэффициенту корреляции с результирующим признаком - «склонность с зависимости от психоактивных веществ», с целью разработки классификационной модели нами был проведен дискриминантный анализ.

Выбор дискриминантного анализа обусловлен, тем, что данный метод многомерной статистики позволяет отнести объект с определенным набором признаков к одному классу, в нашем случае, это склонность к возникновению зависимости от психоактивных веществ.

Расчет канонических линейной дискриминантной функции (ЛДФ) позволяет отнести тестируемого к определенной исследовательской группе, в нашем исследовании данных групп четыре: первая - нет признаков зависимости, вторая - признаки тенденции, третья - признаки повышенной склонности, четвертная - признаки высокой вероятности.

В ходе проведенных расчетов среди 30 отобранных факторов, достоверное влияние на склонность к алкоголизму, по t-критерию Стьюдента, было отобрано 16 суждений.

Точность диагностики по отобранным суждениям склонности к алкоголизму в среднем характеризуется достоверностью 74,85%, в том числе для первой классификационной группы (нет признаков зависимости) - 81,58%, второй (признаки тенденции) - 64,58%, третьей (признаки повышенной склонности) - 70,0%, четвертой (признаки высокой вероятности) - 82,35%.

Таким образом, после проведения математических расчетов прогностическая модель приобрела следующий вид:

$ЛДФ_1$=10,53-0,43X_{95}-0,28X_5-0,30X_{17}-0,36X_{14}-0,08X_{116}-0,18X_{48}-0,28X_{79}-0,15X_{22}-0,33X_{16}-0,37X_{86}-0,03X_{59}-0,14X_{30}-0,23X_{99}-0,17X_{112}+0,17X_{34}-0,19X_{46}

$ЛДФ_2$=-1,12+0,05X_{95}+0,54X_5-0,09X_{17}+0,18X_{14}-+0,51X_{116}-0,17X_{48}-0,52X_{79}-0,26X_{22}-0,23X_{16}-0,09X_{86}-0,32X_{59}+0,21X_{30}+0,25X_{99}+0,41X_{112}-0,36X_{34}-0,01X_{46}

По полученным уравнениям можно прогнозировать у респондентов склонность к возникновению зависимости от психоактивных веществ в частности от алкоголя. Решение

прогностической задачи выполняется по графику, на который нанесены центройды четырех прогностических групп. Респондента ответы на предложенные суждения которого подставляются в уравнения, и полученные значения $ЛДФ_1$ и $ЛДФ_2$ (соответствуют координатам x и y на представленном графике), следует отнести к прогностической группе по минимальному расстоянию до соответствующего центройда.

Пример применения уравнений для прогнозирования алкогольной зависимости: респондент А, *код 91*.

$ЛДФ_1$=10,53-0,43*5-0,28*2-0,30*1-0,36*2-0,08*2-0,18*2-0,28*2-0,15*2-0,33*2-0,37*3-0,03*3-0,14*3-0,23*2-0,17*2+0,17*2-0,19*2 = 2,3

$ЛДФ_2$=-1,12+0,05*5+0,54*2-0,09*1+0,18*2-+0,51*2-0,17*2-0,52*2-0,26*2-0,23*2-0,09*3-0,32*3+0,21*3+0,25*2+0,41*2-0,36*2-0,01*2= -0,86

Полученные значения первого и второго уравнения соответствуют значениям *x* и *y* на графике. По наименьшему удалению от центройдов, получается, что обследованного респондента следует отнести к 1 группе - нет признаков.

Из 30 отобранных факторов, достоверное влияние на склонность к наркотизму, по t-критерию Стьюдента, было отобрано 12 суждений.

Точность диагностики по отобранным суждениям склонности к алкоголизму в среднем характеризуется достоверностью 82,04%, в том числе для первой классификационной группы (нет признаков зависимости) - 100%, второй (признаки тенденции) - 80,64%, третьей (признаки повышенной склонности) - 48,57%, четвертой (признаки высокой вероятности) - 93,87%.

Таким образом, после проведения математических расчетов прогностическая модель приобрела следующий вид:

$ЛДФ_1$=5,12-0,17X_{38}-0,36X_{95}-0,14X_{59}-0,24X_1+0,26X_9-0,34X_{106}-0,24X_4-0,22X_{48}-0,21X_{16}+0,19X_{88}-0,05X_{79}-0,14X_{96}

$ЛДФ_2$=2,36+0,47X_{38}+0,08X_{95}-0,45X_{59}+0,11X_1+0,03X_9-0,15X_{106}-0,12X_4-0,38X_{48}-0,23X_{16}+0,41X_{88}-0,49X_{79}-0,07X_{96}

Пример применения уравнений для прогнозирования наркотической зависимости: респондент А, *код 91*

$ЛДФ_1$=5,12-0,17*3-0,36*2-0,14*3-0,24*3+0,26*2-0,34*4-0,24*4-0,22*2-0,21*2+0,19*3-0,05*2-0,14*4=*0,46*

$ЛДФ_2$=2,36+0,47*3+0,08*2-0,45*3+0,11*3+0,03*2-0,15*4-0,12*2-0,38*2-0,23*2+0,41*3-0,49*2-0,07*4=*0,1*

Полученные значения первого и второго уравнения соответствуют значениям ***x*** и ***y*** на графике. По наименьшему удалению от центройдов, получается, что обследованного респондента следует отнести к 3 группе - признаки повышенной склонности.

Предложенная выше методика позволяет проводить скрининговые исследования среди населения на предмет выявления склонности к алкоголизму. В частности нами данный подход был применен в случая терциарной социализации категории респондентов имеющих в прошлом зависимость к психоактивным веществам - алкоголь или наркотики.

В приведенных примерах участвовал один и тот же респондент, что наглядно показало необходимость разделения в обследовании на предмет зависимости от алкоголя или наркотика, несмотря на то, что коэффициент корреляции составляет $r_{xy}=0,57$.

В случае отнесения к второй-четвертой группам склонности, респонденты направлялись на социально-психологическое консультирование. Применение такого подхода в терциарной социализации показало снижение числа повторных госпитализаций в году, по данным психоневрологического диспансера г. Казани, на 52,3% из числа повторно госпитализируемых в году наркологических больных. С учетом того, что число повторно госпитализируемых в стационаре может достигать 30% от числа всех наркологических больных, то уменьшение этого потока в два раза может позволить сократить коечный фонд на 5-10% и получить за счет этого значительный экономический эффект. При средней расчетной стоимости одного койко-дня в психоневрологическом диспансере г. Казани (739 круглосуточных взрослых коек) в 341,33 рублей (цена 2006 года без стоимости медикаментов), были сделаны предварительные расчеты экономической эффективности терциарной социализации с учетом прогнозов склонностей к зависимости. С учетом того, что количество койко-дней в году в диспансере в среднем равно 50000, общая стоимость пребывания за год оказалась равной 18928500 рублей. Наркологические больные в 2006 году составили 54,53% от всех госпитализируемых пациентов, а стоимость их пребывания в стационаре оказалась равной 696190,23 рублей. Процент повторно госпитализируемых в году относительно стабилен и составил в 2006 году 35,34% от всех наркологических больных с затратами на их пребывание в стационаре по койко-дням в 246070,5 рублей.

Таким образом, снижение числа повторных госпитализаций при применении терциарной социализации в группе повторно госпитализируемых в году на 52,3% позволяет уменьшить затраты по стоимости койко-дней на 128695,0 рублей, что свидетельствует о высокой экономической эффективности предложенного подхода - терциарной социализации.

ПСИХОДИАГНОСТИЧЕСКОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОТБОРА УПРАВЛЕНЧЕСКИХ КАДРОВ

Дубинко Наталья (г. Минск)

Динамические изменения всей общественной жизни привели к существенному повышению роли и усложнения систем управления. При этом все более становится очевидным факт зависимости успешности процессов социально-экономических преобразований, обеспечение стабилизации развития функционирования всей общественной системы не только от оптимизации самого механизма управления, но и от повышения эффективности деятельности субъектов исполнения управленческих функций. Следует отметить, что осуществление нормирования и строгой регламентации деятельности руководителя часто оказывается достаточно проблематичным.

В самом общем виде, во-первых, это связывают с тем, что в условиях чрезвычайно быстрого технического и экономического развития не представляется возможным точно определить условия оптимального поведения руководителя. Во-вторых, отсутствует общепризнанное научное понимание сущности эффективного руководства. В психологии успешное управление коллективом, группой людей трактуют как функцию ситуации, как функцию группы и, наконец, объясняют особыми, врожденными чертами личности самого руководителя [2].

При ситуационном подходе приоритет в детерминации поведения руководителя отдают таким факторам, как вид работы, величина и структура группы, время для принятия руководящих решений, индивидуальные особенности других членов группы, возраст и стаж работы руководителя, специфика ситуации данного момента и т. п. Согласно концепции руководства как функции группы, существуют специальные врожденные особенности руководителя, но они не являются

абсолютно универсальными. Поэтому, в зависимости от специфики ситуации, определяющее воздействие на управление и принятие руководящих решений могут оказывать различные люди. При таких условиях противоречивости и неопределенности содержания профессионально важных качеств для многих видов руководящей деятельности профессиональный отбор становится целесообразным только в форме отстранения из числа кандидатов на должность лиц с психологическими особенностями, нежелательными для большинства профессий. Как частный случай такого подхода возможно исключение из числа потенциальных руководителей претендентов с низким значением, к примеру, таких показателей как интеллект, инициативность, уверенность в себе. Тогда ведущая роль в обеспечении эффективного руководства отдается обучению работе с людьми [4].

Другой подход к решению этой проблемы предполагает целенаправленный поиск и выбор руководителей среди лиц, в той или иной мере уже обладающих соответствующим практическим опытом. Такой подход правильнее называть не отбором, а подбором кадров. В качестве подтверждения правомерности данной дифференциации можно привести пример Японии и США [1]. В Японии подход, основанный на подборе кадров, является основным, а руководителей готовят «прежде всего посредством опыта, целенаправленно проводя их через цепочку смен должностей в разных подразделениях фирмы». В США в сотнях специальных учебных заведений целенаправленно готовят «менеджера как профессионала», обладающего «специальным образованием (зачастую в дополнение к инженерному, юридическому, экономическому и т. п.)»[3] . Подбор руководителей, исходя из их предшествующего практического опыта выдвигает на первый план задачу его адекватной оценки, квалификационной характеристики претендентов. В практике управления это реально существующая проблема аттестации руководителей, их постановки в кадровый резерв, отбор для переподготовки и обучения, планирование карьеры [5].

Управленческий вид профессиональной деятельности требует выяснения характера управленческого труда, построения общей профессиограммы, определения специфики труда для госслужащих различных уровней управленческой иерархии. Одна из прикладных задач специалиста по персоналу на предприятии – формирование

кадрового резерва [6]. Основная цель такой работы состоит в подборе наиболее перспективных кандидатов на продвижение среди сотрудников. Перспектива определяется прогнозом эффективности сотрудника после повышения. Для решения данной задачи был разработан автоматизированный диагностический инструментарий, включающий в себя ряд тестовых методик. Одним из важнейших компонентов по определению профессионального тип личности выступил модифицированный типологический опросник MBTI «Индикатор типа личности» Майерс-Бриггс.

Оценка проводится с использованием компьютерного моделирования, учитывающего корреляционное взаимодействие соответствующих типологий личности. В результате моделирования формируется индикатор профессиональных склонностей и личностных качеств, соответствующий одному из 16-ти профессиональных типов личности с указанием процентной выраженности данного типа личности. Опросник содержит 69 вопросов. Группы испытуемых различаются между собой направленностью на четыре смежных, но принципиально разных сферы общественной жизни, где природный потенциал представителей данной группы проявляется наиболее эффективно. В исследовании приняли участие 250 субъектов – кандидатов в резерв кадров управленческого звена. В результате эксперимента были выявлены следующие показатели.

1. **Управленческая направленность характерна 45% кандидатов**. Основная характеристика для данной группы заключается в направленности личности на управление организацией, производством, машинами, предметами, механизмами и людьми как участниками производственного процесса. Представители этой группы способны эффективно распределять обязанности, продумывать и внедрять оптимальную организационную структуру, предлагать различные варианты действий и выбирать из них наиболее экономичные и рациональные. Обладают волевыми и деловыми качествами, в сочетании с гибкой тактикой при реализации преимущественно задач административно-хозяйственного направления. Умеют навести порядок и добиться исполнительской дисциплины у подчиненных, расставить приоритеты при определении сроков выполнения заданий, их последовательности, качества

исполнения. ***Представителей данной группы рекомендуется использовать на руководящих должностях всех уровней.***

2. **Социальная направленность характерна для 32% респондентов**, что позволяет утверждать их направленность на социальную сферу деятельности, включающую здравоохранение, торговлю, снабжение, рекламу, социальное обеспечение, сервис, услуги и досуг. Представители данной группы преимущественно делают ставку на людей и отношения между ними и пользуются этим в своей работе. В этом может состоять главная их проблема — они легко поддаются влиянию чувств и эмоций. Однако они обладают такими качествами, как дипломатичность, умение вести переговоры, располагать людей к доверительности, внутренним личным обаянием, хорошим пониманием конъюнктуры рынка, способностью рекламировать свою продукцию. Они успешны в посреднической деятельности, в любых сферах, где требуется налаживание контактов с людьми, а умение управлять отношениями занимает ведущее место. ***Представителей этой группы рекомендуется использовать как связующее звено между менеджерами своей организации и представителями других фирм, во всех сферах деятельности, в которых необходимо налаживать социальные контакты с клиентами, конкурентами, вести переговоры, осуществлять дипломатическую миссию.***

3. **Гуманитарная направленность выявлена у 13 % кандидатов** - направленность личности на культуру и искусство, психологию, педагогику, журналистику, идеологию. Представители данной группы обладают творческими способностями, умением сохранять и поддерживать морально-этические ценности и культурное наследие своего народа, стимулировать и развивать гуманитарно-художественные наклонности сотрудников своей организации, однако их нельзя отнести к числу эффективных менеджеров. Их особенность - повышенная чувствительность, сложная душевная организация, ранимость, тонкая и мечтательная натура, которой нелегко привыкнуть к суровому прагматизму конкуренции и бизнеса. Им приходится подавлять внутренние переживания, на что они затрачивают много нервной энергии. Их лучше ориентировать на решение проблем социально-культурного и воспитательно-образовательного направления. *Представителей этой группы хорошие организаторы связей с общественностью и культурных*

мероприятий. Рекомендуется использовать на идеологической работе, в воспитательном процессе, в психологической службе.

4. Научно - исследовательская направленность у 10% субъектов: направленность личности на научно-исследовательскую деятельность и эксперименты, разработку концепций и прогнозов, познание законов природы и общества. Представители данной группы видят преимущества изменений в организации и берутся за их реализацию. Они обладают стратегическим мышлением, способностью осуществлять долгосрочное прогнозирование и умением моделировать любые ситуации и проблемы, возникающие в ходе деятельности организации. Мыслят независимо и любят экспериментировать, при этом хорошо просчитывают степень риска и умеют найти кратчайший и выгодный путь к цели. На любой работе они будут искать нестандартные подходы, и браться за решение задач, не предполагающих быструю отдачу. В деловой сфере особенно эффективны тогда, когда необходимо реорганизовать предприятие и предложить новые, оригинальные пути развития. *Представителей этой группы рекомендуется использовать в руководстве научно-творческими коллективами, в инновационном менеджменте, в антикризисном управлении, в сфере научных исследований, опытно-конструкторских разработок, составления программ развития, систем качества, проверки экспериментов.*

Как видим, одна из поставленных задач была решена – было выявлено 45 % кандидатов, которые могли по своим показателям претендовать на управленческую деятельность более высокого уровня. Однако, данные полученные с помощью опросника MBTI «Индикатор типа личности» Майерс-Бриггс позволяют выявить лишь общую направленность личности испытуемого, но не решают вопрос по определению профессионально важных качеств.

Для выявления профессионально важных качеств, под которыми мы будем понимать социально-психологические качества личности управленца, соответствующие требованиям управленческого труда и обуславливающие результативное выполнение деятельности в виде принятия управленческих решений на определенной руководящей должности, была разработана автоматизированная тестовая методика «Диагностика профессионального соответствия» (Н.А.Дубинко). Методика состоит из 90 утверждений. Испытуемому для самооценки предлагается

список умений, способностей, качеств личности, которыми люди обладают в разной степени. Кроме того, ряд утверждений описывает чувства и переживания, связанные с работой. В каждом случае выбирается тот вариант ответа, который соответствует в большей степени чувствам и представлениям испытуемого о самом себе.

Цель методики заключена в выявлении у 45 % респондентов с общей управленческой направленности уровня развития таких профессионально важных качеств как организованность, лидерские компоненты, гибкость в общении, умение четко формулировать цели и задачи, способность к выделению существенной информации, сохранение эффективности деятельности в стрессовых условиях, высокая работоспособность при длительной напряженной работе, эмоциональная уравновешенность, энергичность и социальная активность. Шкалы методики:

1. **Организаторские способности** – *индикаторы*: социальная ответственность за принятое управленческое решение, устойчивая мотивация достижения требуемого результата, гибкость стиля управления, критичность в оценке ситуации.

2. **Коммуникативная компетентность** – *индикаторы:* гибкость в общении, делегирование полномочий, готовность выслушать мнение подчиненных.

3. Информационно-аналитическая компетентность – *индикаторы:* умение четко формулировать цели и задачи, способность к выделению приоритетной информации, умение сделать акцент с уменьшением риска, способность принимать оптимальные решения в ситуации риска и неопределенности.

4. Эмоциональная устойчивость – *индикатор:* высокая степень самоконтроля, сохранение эффективности деятельности в стрессовых ситуациях, высокая работоспособность, эмоциональная уравновешенность, энергичность и социальная активность

Каждая шкала содержит поуровневые проявления выраженности индикатора. *Например, поуровневое описание шкалы «Организаторские способности»:*

3 уровень. Высокий уровень развития лидерских качеств, самостоятельность и ответственность в принятии управленческих решений, устойчивая мотивация достижения результата, гибкость стиля управления, критичность в оценке ситуации. Способен

вовлекать сотрудников в решение проблем, укреплять веру в будущее организации, обучать, вести за собой, контролировать работу и получать максимальную отдачу от людей. Инициативен, умело внедряет новаторские идеи в практику, настойчив, собран, энергичен. Способен оперативно справляться с поставленными задачами и эффективно влиять на других, добиваясь высоких результатов труда.

2 уровень. Организаторские способности соответствуют норме. Развиты управленческие навыки и способность влиять на людей на среднем уровне. Испытывает некоторые затруднения, когда необходимо принимать самостоятельные решения, проявлять настойчивость, контролировать подчиненных, выбирать наиболее простой и экономичный путь в решении задачи, распределять ресурсы и координировать деятельность. Нуждается в дальнейшей профессионально-личностном росте и планомерной самовоспитательной работе по формированию и развитию организаторских склонностей.

1 уровень: Свидетельствует о несформированности организаторских склонностей. Наблюдается недостаточная последовательность в действиях и принятии решений, неуверенность в будущем организации, «зацикленность» на рутинной работе, погружение в мелочи и повседневные делах. Во многих вопросах избегает проявления самостоятельных решений, ответственности и инициативы. Часто перекладывает решение проблем на других, не способен организовать людей на достижение цели, вовлечь их в деятельность, повести за собой.

Уровень социальной желательности: предлагается повторное тестирование с предупреждением о недостаточной искренности ответов либо отсутствии самокритичности.

По окончании тестирования у психолога - эксперта имеется качественный и количественный психологический массив в виде психологического профиля, который позволяет сделать адекватное заключение по каждому кандидату для постановки в резерв на управленческую деятельность

При интерпретации полученных данных используется дополнительная информация, которую эксперт получает во время проведения собеседования или интервью с кандидатом. Среди профессиографических методов чаще всего на практике используется

как анализ документов, опрос специалистов, так и наблюдение за человеком в реальной профессиональной деятельности.

Таким образом, характер руководящей деятельности зависит от профессиональной сферы, среды, где она реализуется, а также от уровня руководства. Исходя из этого устанавливаются требования к психологическим качествам руководителя, определяются средства их оценки. Такое положение накладывает свой отпечаток на психологическое обеспечение отбора руководителей и требует тщательной проработки как профессиограмм, так и психограмм.

Литература

1. Бакирова Г.Х. Управление человеческими ресурсами / Г.Х. Бакирова. – СПб.: Речь, 2003. -152 с.
2. Вязигин А.В. Оценка персонала высшего и среднего звена / А.В.Вязигин. – М.: Вершина, 2006. – 256 с.
3. Евенко Л. В центре книги – индивидуальный менеджер. Его деятельность, его личность, его судьба // Вудкок М., Френсис Д. Раскрепощенный менеджер. - М., 2001. С.9
4. Кляйнманн М. Ассесмент- Центр / М Кляйнманн. – Х.: Изд-во Гуманитарный Центр, 2004. – 128 с.
5. Машков В.Н. Практика психологического обеспечения руководства, управления, менеджмента / В.Н.Машков. – СПб.: Речь, 2005. – 304 с.
6. Синягин Ю.В. Психологические механизмы формирования руководителем управленческой команды / Ю.В.Синягин. - М., - 2000. - 272 с.

ЛИЧНОСТНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ПОСЛЕДОВАТЕЛЕЙ НОВЫХ РЕЛИГИОЗНЫХ КУЛЬТОВ

Зозуля А. (г.Челябинск)

Особенности личности последователя новых религиозных организаций деструктивного толка (НРО) стали предметом пристального внимания зарубежных исследователей. При этом признается, что изменения являются следствием специального управляемого воздействия культом на личность последователя – реформирования мышления. Проводимые исследования позволяют получать данные о тех трансформациях, которые переживают адепты НРО, в том числе на выходе из культа, а также бывшие

последователи, в настоящем не принадлежащие деятельности НРО. Основное внимание уделяется тем трудностям, которые экс-культистам приходится преодолевать в процессе повторной социализации. Такая расстановка акцентов обусловлена в первую очередь необходимостью психоконсультативной и психотерапевтической помощи культистам, а также лицам, вышедшим из НРО. В русской психологии вопрос изучения особенностей личности последователей НРО остается открытым. В целом при условии доступности данных исследований зарубежных авторов малоизученным является вопрос активности НРО и психологических особенностей их последователей в России, как на локальном, так и на кросскультурном уровнях. Ведущая роль в информировании о НРО в России по-прежнему принадлежит “Русской Православной Церкви”. Вполне очевидно, что располагая только или почти только такой информацией, при всей ее важности, сложно претендовать на составление более или менее полной картины событий. На современном этапе изучения последствий активности НРО, в том числе и такого аспекта, как личностные изменения последователей, актуальным становится вопрос, по определению М. Штерина [5], разграничения тех проблем, которые порождаются деятельностью НРО, от тех, которые порождаются сложившимися, нередко необоснованными, стереотипами о НРО. Таких стереотипов может существовать множество. Например, “все НРО деструктивны”, “все последователи НРО в равной степени подвергаются психологическому насилию, реформированию мышления” и т.д. Это не означает, что деструктивных НРО не существует вовсе. Однако, по мнению автора, в случае каждой конкретной организации необходимо учитывать как негативные, так и позитивные моменты ее деятельности, а также избегать излишних обобщений и установки на создания негативной картины НРО. Организация и проведение исследований в данном контексте теперь, по мнению М. Штерина, представляется перспективным.

В этой статье будет представлен обзор основных принятых исследователями-психологами моделей трансформации личности участников деструктивных культов.

Многочисленные наблюдения и исследования последних тридцати лет указывают на то, что и НРД, и негативные стереотипы о них "путешествуют" из страны в страну. И нам нужно делать

различие между проблемами, происходящими непосредственно от НРД, и проблемами, происходящими от неверными стереотипов, их окружающих.

По данным П. Ватсона, и Дж. Рональда существует корреляция иррациональных убеждений и верований с требованиями поддержки, высокими самоожиданиями, тревожностью, склонностью к уходу от решения проблем, зависимостью и беспомощностью в действиях, фрустрируемостью, тенденцией к принятию вины.

По мнению специалистов американской организации Сеть осведомления о культах в результате воздействия на сознание адептов у них отмечаются: ослабление воли и потеря контроля над своей жизнью; развитие зависимости и регресс поведения (инфантилизация); утрата непринуждённости и чувства юмора, потеря автономии, уменьшение способности принимать решения и реализовывать их.

Н. Кимиаки и К. Фудзуки, рассматривая психологические проблемы после выхода из культа, средствами факторного анализа (объем выборки 157 испытуемых) выделяют следующие: склонность к депрессии и беспокойству, потеря самоуважения, угрызения совести и сожаления, проблемы в построении дружеских отношений и социализации, проблемы семейных отношений, синдром ‘плавания’, боязнь сексуальных контактов, эмоциональная нестабильность, склонности к психосоматическим расстройствам, стремление скрыть прошлое, раздражение по отношению к группе.[6]

Данные изучения особенностей процесса ресоциализации экс-культистов позволили М. Сингер [7] выделить ряд психологических и эмоциональных проблем, зачастую свидетельствующих об изменениях личности последователей культов. По мнению автора, в посткультовый период эмоциональные переживания интенсивны и противоречивы. Так, бывший культист может испытывать облегчение в связи с выходом из группы и в то же время переживать утрату – дружеских отношений, чувства принадлежности, собственной значимости. В целом изменения личности после выхода из культа М. Сингер описывает в рамках посттравматического культового синдрома: спонтанный плач, чувство утраты, уныние и суицидальные мысли, боязнь божьей кары, невозможности спасения, злых сил, отчуждение от семьи, друзей, чувство одиночества среди людей, непонимающих переживаний экс-культиста, стремление

следовать мало значимым условностям, боязнь сумасшествия, смешение понимания ‘хорошо - плохо’, сексуальные проблемы, безосновательное переживание чувства вины. К послекультовым переживаниям и проблемам М. Сингер также относит: флешбэки, упрощенное - ‘черно-белое’ – мышление, внушаемость (как в отношении ставших программирующими вербальных формул культового периода, так и в отношении не связанных с культом внушений), диссоциации, (рефлекторная) нетерпимость в отношении критики культа, трудности сосредоточения, неспособность принимать решения, недостаточность самоуважения, страх проклятия и преследований со стороны культа, трудности организации личного времени, проблемы с трудоустройством, а также поведенческие ‘пережитки’ времен культа (например, напевание). Если процесс ресоциализации протекает успешно, то указанные проявления имеют тенденцию сглаживаться.

Согласно М. Сингер переживания послекультового периода могут быть объединены в контексте нескольких стадий принятия личностью собственных изменений. Прохождение всех стадий для каждого отдельного экс-культиста не является обязательным. Стадии могут перемешиваться, выпадать, затягиваться во времени, повторяться и т.д. Не каждый вышедший из культа достигает этапа принятия новой жизни (этот этап, по сути, означает начало ресоциализации). В этом случае человек, как правило, возвращается в культовую группу. Стадии принятия таковы:

- Неверия/отрицания: “Этого не могло быть”;
- Гнев/враждебность (чувство ненависти): “Почему они такие злые/я был/была таким (-ой) злым (-ой)”;
- Чувство жалости к себе/депрессия: “Почему я? Я не мог так поступать!”;
- Опасения/сделки с совестью: “Не знаю смогу ли я жить без них. Может быть, я все-таки смогу восстановиться в группе на определенных правах, если буду делать то, что они хотят”;
- Пересмотр культового опыта: “Может быть, я ошибался насчет группы”;
- Приспособление/принятие (“Я в состоянии выйти за пределы того опыта и выбрать новое направление развития”) или возвращение в культ (“Думаю, я вернусь в группу”);

И. Мишель, рассматривает Веллспрингскую трансактную модель культовой травмы. [1]

В соответствии с этой моделью существуют три взаимодействующих ‘аспекта индивидуальности’: родитель (заботящийся/критический), взрослый, ребенок (свободный/адаптивный). Согласно этой же модели, существует четыре основных жизненных позиции, базирующихся на механизмах принятия и уважения ‘Себя’ и ‘Другого’:

- ‘растущая (развивающаяся) личность’, позиция такой личности основывается на принятии и уважении себя и других людей; представляет собой диалог между ‘Заботящимся Родителем’ и ‘Свободным Ребенком’;
- ‘жертва’: позиция уважения к другим и низкого самоуважения, самобичующий и, одновременно, легко поддающийся влиянию тип личности;
- ‘преследователь’: высокое самоуважение и неуважение к другим;
- ‘спасатель’: механизмы принятия и уважения ‘Себя’ и ‘Другого’ нарушены.

И. Мишель указывает, что позиция преследователя типична для среднестатистического культиста, стремящегося к отождествлению с группой (вербальные формулы: “Тебе нужно то, что я (уже) имею”. “Если ты не примешь мой путь, то не имеет никакого значения, что с тобой будет”).

Позиция спасателя субъективируется, прежде всего, в образе лидера культа (нарциссическое расстройство личности) - вербальная формула: “Если я — не О'кей и ты — не О'кей, то не имеет никакого значения, что я с тобой делаю ”. Эта же позиция характерна для так называемых истинно верующих (вербальная формула: “Если я — не О'кей и ты — не О'кей, то не имеет никакого значения, что случится со мной”). Лидер ориентирован на привлечение к себе абсолютного внимания, способного компенсировать переживания чувства собственной неполноценности. Истинный сторонник ориентирован прежде всего на лидера культа, который для него представляется абсолютным авторитетом. В то же время истинно верующий не приемлет невнимания со стороны других участников культа.

В основе культовой травмы, согласно Веллспрингской трансактной модели, лежит нарушение трансакций (всего их два

типа: параллельные и пересекающиеся, последний тип подразделяется на открытые и скрытые трансакции), диалога между ‘аспектами индивидуальности’ и, соответственно, специфика жизненной позиции личности. Так, участник культа, для которого характерно доминирование взаимодействий аспекта ‘Контролирующий Родитель’ (КР) и аспекта ‘Адаптивный Ребенок’ (АР), а все другие аспекты подавлены, нуждается в постоянном эмоциональном стимулировании, ‘психологических поглаживаниях’ хотя бы в силу того, что взаимодействие КР/АР субъективно воспринимается как негативное, связанное с подчинением, ограничением воли, необходимостью приспособления (“Каждая пересекающаяся трансакция, открытая или скрытая, причиняет психологическую травму”, И. Мишель). В таком состоянии вместо того, чтобы отреагировать интенсивный (зачастую негативный) эмоциональный опыт, участник культа вытесняет травмирующий опыт в так называемый ‘резервуар’, предназначенный для хранения такого эмоционального материала, переработка которого одномоментно невозможна в силу его особой травматичности для психики (например, несчастный случай). Переполнение такого ‘эмоционального резервуара’ ведет к прорывам. В соответствии с Веллспрингской моделью существует две формы таких прорывов: ‘распыление’, т.е. поведенческие реакции, вязанные с выплеском накопленных эмоций (например, вспышки гнева); а также ‘просачивание’, как, например, в случае соматических жалоб, приступов раздражительности, депрессии. Просачивания, как правило, не представляют собой бурных эмоциональных всплесков. Однако как распыление, так и просачивание позволяют лишь на время освободить ‘эмоциональный резервуар’, поскольку нарушенным оказывается базисный механизм трансакций и интеракций так называемых аспектов индивидуальности. И. Мишель указывает еще на одну особенность: в силу налагаемого культом запрета испытывать собственные чувства культист диссоциирован от хранимого им в ‘эмоциональных резервуарах’ материала - это “может объяснять часто возникающие внешние проявления зомбиподобности”.

Таким образом, меняется характер взаимоотношений с окружающими. И. Мишель отмечает: “…близость, построенная на доверии, заменяется интенсивностью, которая может превращаться в

форму эмоциональной аддикции. Хотя такие отношения болезненны и патологичны, они могут обеспечивать интенсивное стимулирование, которое укрепляет зависимость".

Классической моделью формирования культовой трансформации личности является предложенная Р. Лифтоном модель удвоения личности, разработанная на основе изучения жертв нацистского концентрационного лагеря Аушвиц. Данная модель является психоаналитической. Р. Лифтон рассматривает удвоение как защитную реакцию личности, запускаемую экстремальными условиями давления окружающей среды. Р. Лифтон отмечает, что об удвоении можно говорить только тогда, когда основные компоненты личности уже сформированы. Удвоение становится возможным на определённом этапе индоктринации, когда адепт принимает систему предложенных ценностей, когда уже сформирована так называемая культовая личность. Это происходит в момент резкого обострения внутриличностного конфликта, когда участник культа осознаёт, что его поведение противоречит выработанным им принципам. Новое поведение, требуемое и поощряемое тоталитарным режимом, настолько радикально отличается от сформированной до вступления в культ модели, что обычные приёмы психологической защиты оказываются бездейственными. При этом «все мысли, убеждения, действия, чувства и роли, связанные с … обязанностями… концентрационного лагеря организуются в независимую систему, частичное «Я», которое сможет успешно исполнять все обязанности «целого» «Я» в пределах обстановки лагеря смерти. Р. Лифтон предполагает наличие интегративной связи между этими личностями, что обуславливает их осознаваемость друг для друга. Однако разделение достаточно чёткое: действие одной из них не подлежит оценке другой; в этом и заключается сущность защитного механизма. Деструктивно направленная личность формируется в специальных условиях в соответствии с совершенно конкретными целями, определяемыми извне. Это означает её тотальную зависимость от сил, задающих цели.

При изучении механизмов удвоения личности Р. Лифтон предположил, что удвоение представляет собой не патологическую реакцию, но потенциальный защитный механизм. Он сравнивал удвоение с защитной реакцией изолированного мышления. Различия

между ними обнаруживаются в том, что изолированное мышление включает в себя расщепление нежелательных аспектов личности, а удвоение предполагает развитие двух независимых систем. Расщепление при изолированном мышлении охватывает ограниченный аспект психологической структуры, участвующей в продолжении стресса. Например, честный в других отношениях рабочий может отделять в своём сознании факт мошеннической деятельности с налогами. Удвоение же включает массированную психическую перестройку, однако оно может быть временным и относительно легко обратимым. Например, удвоению подвергается личность солдата во время военных сражений. Оно может происходить в чрезвычайно опасной для жизни ситуации, когда человек как – будто отказывается от выработанной им системы принципов и убеждений. При этом речь не идёт о преодолении ригидности такой системы, а о нарушении её целостности. Жертвы тоталитарного влияния переживают то же удвоения, и это позволяет им выжить в экстремальных ситуациях. Однако, как отмечает Р. Лифтон, подавление прежней личности не является абсолютным. Говоря о факторе средового контроля, вызывающем реакцию удвоения, он пишет: «если контроль является крайне интенсивным, то он превращается во внутренний контроль – попытку управлять внутренними связями индивида. Этого никогда нельзя достичь полностью, но это может заходить достаточно далеко. Преодоление условий закрытого общества даже на непродолжительный отрезок времени, освобождение от давления экстремальной ситуации ослабляют влияние новой личности. Однако дальнейшее сосуществование двух систем личности возможно лишь в условиях конфликта. Преодоление тотальной зависимости представляется сложным процессом.

В русской психологии изучением особенностей личности последователей НРО занимаются А.А. Скородумов, Е.Н. Волков, И.А. Чеснокова и др.

По мнению А.А. Скородумова, НРО представляют собой нишу для социально дезадаптированных личностей и усиливают такую дезадаптацию. Исследователь выявляет такие особенности их личности, как высокая эмоциональность в межличностных отношениях в сочетании с эмоциональной холодностью, негибкость в ситуациях социального взаимодействия, высокая тревожность,

неверие в себя и неудовлетворенность собой, компенсаторное фантазирование, избегание ответственности и нарушение защитных механизмов личности [3].

И.А. Чеснокова говорит о конформизме, пассивности, добродушии, безвольности, склонности к депрессии бывших последователей НРО, переживании ими подавленности, отчаяния, апатии, тоски [4].

Р.А. Прокопишин, А.В. Герасимов, Н.Ю. Кудеярова, на основе изучения НРО "Аум Синрике" приходят к следующим выводам: "Итогом личностных изменений является сочетание сверхценного отношения, психологической зависимости, некритичности, субъективно-комфортного состояния при объективно наблюдаемом личностном неблагополучии, нарушение социальной и психологической адаптации вне пределов религиозной корпорации" [2].

Таким образом, данные изучения специалистами особенностей личности последователей НРО свидетельствуют в пользу приобретения такими последователями определенных изменений личности, которые приводят к выключению из процесса социального функционирования, а в дальнейшем, при попытке бывших культистов вернуться в общество, создают определенные трудности ресоциализации. Однако представляется правомерным предположить, что установленные закономерности не универсальны – по образному выражению К. Бренча "что для одного человека обращение в веру, для другого может стать промывкой мозгов".

Список литературы

1. Мишель И. Культовая травма и реабилитация / Перевод с англ. Е.Н. Волкова / http://evolkov.iatp.ru/descult/jpp_2000/Michehl_I_Cult_Trauma_and_recovery.html

2. Прокопишин Р.А., Герасимов А.В., Кудеярова Н.Ю. Особенности динамики изменений личности у последователей псевдорелигиозных корпораций / http://www.psychol.ras.ru/conf/prokop.htm

3. Скородумов А.А. Сектантство как фактор социальной дезадаптации и психологической регрессии личности. // Мат.межвуз.науч.-практич.конф. "Безопасность молодого сцециалиста

в условиях кризиса" - СПб.- СПЮИ МВД России, СПВУРЭ ПВО, ЦАНИЦ, 1995. с. 102-104.

4. Чеснокова И.А. Технология психодиагностической работы по выявлению индивидуально-типологических черт и особенностей, обуславливающих предрасположенность личности к вступлению в секты. Практикум по социальной психологии. – М.: Медиа Групп, 2005

5. Штерин М. Новые религии, культы и секты в Росиии: критика и краткий обзор проблематики / Перевод с англ. Т. Локшиной и А. Верховского / http://www.geocities.com/CapitolHill/Lobby/4441/sht-w.html

6. Langone M., McMillion A., Almendros C. Cultic Studies Bibliography: 2003 // AFF E-Newsletter, Vol. 3, No. 2 / http://www.csj.org/infoserv_ articles/langone_michael_culticstudiesbibliography2003.htm

7. Singer M. Post-Cult After Effects / http://www.csj.org/infoserv_articles/ singer_margaret_postcult.htm

ЧЕЛОВЕК – НЕ СОБСТВЕННОСТЬ?.. КАК?! ИЛИ ПРОБЛЕМА РЕВНОСТИ ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ СИСТЕМНО-ИНТЕГРАТИВНОГО ПОДХОДА

Качанова Наталья, Чупрыгин Всеволод (Минск)

«Я тебя люблю и поэтому отпускаю на свободу…»

Ритуальная прощальная фраза на тренинге «Странствия Души по пространствам любви, одиночества и свободы»

«Мы не знаем, создавал ли Творец Землю по законам Систем, но его творения, безусловно, ведут себя в соответствии с ними!»

Джордж О'Коннор

Парное взаимодействие – сфера бесконечных споров о морали, нравственности, личной ответственности, самосознании, любви и доверии. И невозможно обойти своим вниманием краеугольный камень собственности, принадлежности одного человека другому, само стремление к обладанию и ревность как ответную реакцию на посягательство, попытку нарушить границы частной территории. Однако, что бы мы ни затронули в процессе анализа – явление или объект, независимо от их природы и масштаба – человека, отношения в семье, конфликт между отделами одной фирмы, конкуренцию в отрасли, экономику страны, межгосударственную политику – видим систему. Причем систему целостную, существование которой напрямую зависит от гармоничного состояния ее отдельных компонентов. Именно поэтому мы осознаем важность целостного видения ситуации внутри системы для эффективного взаимодействия с системой и адекватного решения возникающих проблем в процессе ее функционирования. Современная наука выработала общие принципы, совокупность методов формирования такого подхода применительно к объектам и явлениям самой различной природы, которые мы объединяем под названием системно-интегративного подхода.

Двое людей, только что познакомившиеся, или пара с многолетним семейным стажем, образуют динамическую сложную систему. Определим понятие системы и принципы взаимодействия внутри нее.

Система есть сущность, которая в результате взаимодействия ее частей может поддерживать свое существование и функционировать как единое целое.

- Взаимосвязанные части системы функционируют как единое целое.
- Система изменяется, если что-либо убрать или добавить. Разделив систему надвое, получаем не две меньшие системы, а поврежденную и, вероятнее всего, нефункционирующую систему.
- Компоновка и взаимное расположение частей имеет решающее значение.
- Части взаимосвязаны и работают вместе.
- Поведение частей зависит от структуры. При изменении структуры меняется поведение.

Системы, состоящие из частей абсолютно разной природы, имеющие совершенно несхожие функции, подчиняются одним и тем же общим законам организации. Их поведение зависит не от природы и свойств, образующих их частей, а от того, как эти части соединены между собой. В силу этого можно предсказывать поведение систем, даже если у нас нет детальных знаний об их частях. Следуя одним и тем же принципам можно понимать и оказывать влияние на самые разные системы – свое тело, бизнес, финансы и отношения. Системно-интегративный подход освобождает семейного психолога от необходимости вникать в содержание многолетних семейных конфликтов или в мелкие недопонимания молодых влюбленных. Он дает возможность предсказывать поведение систем, будь то система ценностей и убеждений, управленческая команда, семья или пара любящих людей.

Системно-интегративный подход указывает на существование принципов-тенденций, в соответствии с которыми функционируют любые сложные системы, и нарушение динамики которых ведет к краху системный отношений: принцип полноты, принцип иерархии, принцип баланса, принцип развития, принцип автономности.

1.Принцип полноты

Система состоит из отдельных составляющих, которыми могут являться как отдельные неделимые части, так и менее сложные системы. При наличии полноты система является стабильной, защищенной внутренним порядком, и транслирует вовне качество *уверенности*.

Принцип полноты системы => стабильность и защищенность => уверенность

Пожалуй, каждый человек стремится оптимизировать свое существование в отведенном ему (завоеванном им) пространстве. Оптимизация включает в себя упорядочивание протекающих процессов, начиная с наличия жилья, организацией внутреннего распорядка жизни, обеспечения себя пищей и одеждой, заканчивая установлением системы привычек, правил, алгоритмов, иерархии ценностей. Общая цель такой оптимизации – устранить негативное влияние изменчивого характера жизни и свести к минимуму фактор случайности. Необходимость реагировать на перемены энергозатратна, да и само ожидание перемен уносит силы, случайность может быть опасна для жизни конкретного человека и

для системы отношений в целом. Все новое требует от человека дополнительных усилий для адаптации, привыкания, что так же сопряжено с напряжением и может нарушить уверенное стабильное существование.

Любящие партнерские отношения могут создать ощущения твердой почвы под ногами, трамплина, от которого можно оттолкнуться для взлета, опоры, фундамента, на котором можно расти двоим. Отсутствие уверенности или доверия (что еще хуже) – одна из базовых проблем, звучащая на приеме у психолога. В речи клиента нарушение этого принципа в системе проявляется во фразах: «Я в подвешенном состоянии насчет нашего будущего (настоящего)», «Мне не на что опереться», «Я как одинокая песчинка», «Нет твердой почвы под ногами», «Я вишу над пропастью», «Я как выброшенная рыба на берегу», «Я ему (ей) не доверяю» и т.п.

В принципе, стремление личности к стабильности и покою говорит о ее здоровом устойчивом состоянии. Но есть проблема – очень часто в своем стремлении к комфорту, безопасности и стабильности личность заходит слишком далеко. В частности это касается межличностных отношений.

Желание иметь стабильные, определенные отношения разумно и оправдано. В этом случае чувство ревности адекватно возникает как ответ на угрозу воздействия на партнера - элемент системы извне. Любое нарушение целостности системы ведет к ухудшению ее функционирования и, как следствие, нарушает стабильное существование ее отдельных членов, вносит хаос и сигнализирует об опасности. Цель системы - удерживать равновесие, захватить пространство и не допускать туда никаких вторжений. Сохранять устойчивость на уровне того ареала, который мы захватили. Если попытаться вникнуть в суть попытки оптимизации жизни, то становится понятно, что один из важнейших элементов этого процесса - есть некая дискретизация, четкое разграничение спектра возможных путей развития событий, возможных состояний, которые может принимать группа, общество или один человек, что в свою очередь, позволяет легко алгоритмизировать свое и чужое поведение. Иногда это уместно и адекватно как, например, в организации бизнеса, в армии. Иногда же именно из-за этой тенденции у нас возникают первые проблемы в любовных отношениях.

О патологической ревности мы можем говорить лишь в случае, когда реальной угрозы не существует, а присутствует проекция подавленных детских страхов и сомнений по поводу своей самооценки у одного или у обоих партнеров. Как взрослые люди мы разворачиваемся к «завоеванному» партнеру спиной, а к жизни – лицом в желании окунуться в эту жизнь, но как маленькие дети мы не хотим потерять опору на партнера. С другой стороны, когда человек жестко идентифицирован с партнером и отношениями, то он, в конце концов, «умирает». Он живет еще, дышит, как бы ходит и т.д., но на самом-то деле, на сущностном уровне он уже мертв. Он уже мертв потому, что идентификация жесткая и никакой динамики нет. [1] Если нет расширения пространства, изменения пространства и если не меняется степень идентифицированности с пространством, то на самом деле личность, а значит, и система, уже мертва. Отношения умирают, начинается период права и обязанностей – период оптимизации пространства любви. Мы желаем быть уверенными, что союз стабилен и вечен. Но любовь – спонтанна и свободна, потому что это чувство, существующее независимо от количества подписанных бумаг и печатей. Тем более, что обязательства в супружеской верности, как правило, не вдохновляют партнеров на продолжении любовной игры после свадьбы: кокетства, ухаживания, заигрывания, соблазнения, поддержания себя в желанной форме для партнера. Зачем? Роли и места распределены, слова расписаны, установлен регламент взаимоотношений. Да, существует риск, что партнер может иметь желание и даже принять решение быть с кем-то другим. И мы страхуем свое Эго от возможных моральных потерь сводом правил и обязательств, часто убивающих спонтанное проявление чувств.

Безусловно, уверенность является следствием каждодневных действий, которые совершают оба партнера для создания фундамента отношений, базирующихся на доверии. Уверенность – это итог доверительных взаимоотношений. В самом начале оба человека совершают отчаянный поступок – решаются на прыжок в пустоту в надежде, что кто-нибудь, возможно, их поймает у самой земли, т.е. доверяются неопределенности Начала.

Важно осознавать, любовь ничего не решит, любовь только покажет нам, кто мы и где мы: «если зеркала нет, это не значит, что у тебя нет лица». Любовь как прожектор показывает нам «дыры» в

собственной личности: неверие в себя, в свою самоценность без любящего человека, в то, что мы достойны любви. Мы стремимся к отношениям в надежде «залатать эти дыры», но встречаемся с необходимостью «достроить» собственную личность, прежде, чем возводить замок любви, иначе от точно окажется воздушным.

2.Принцип иерархии.

Любая система имеет свою внутреннюю, иерархически построенную структуру. Если иерархия признается всеми частями системы, то в системе устанавливается порядок, что вовне проявляется как способность к подчинению и управлению - *власть.*

Принцип иерархии => уважение, способность к подчинению и управлению => власть

Соблюдение иерархического порядка – это залог уважения, но не обязательно послушания. Незрелые личности часто в штыки воспринимают разумную необходимость «склоненной головы» как жеста уважения перед «местом» партнера, его социальной ролью, некими личными способностями. Или ударяются в демонстрацию власти, унижая достоинство любимого человека. Отсутствие уважения к партнеру, будь то мужчина или женщина – бич современных семей. Здесь мы сталкиваемся с проблемой субъектно-объектных отношений, когда один партнер поступает в полновластное владение и перестает быть самостоятельным субъектом. Тенденция к завоеванию новых территорий (квартира, машина, жена (муж)…) мало управляется человеком сознательно, т.к. опирается на бессознательную инстинктивную природу подавления и захватывания все больших ареалов выживания. Чем больше ареал у самца, тем больше у него самок, возможности к воспроизводству, возможности выжить за счет биоценоза (Козлов В.В, 1997).

На самом деле, ревность как попытка обозначить свою собственность - это нормальный эволюционный, биологически оправданный механизм. Когда человек останавливается в расширении ареала - это уже считается тормозом в обыденном сознании. Когда человек сужает свой ареал, это считается инволюцией, деградацией: человек теряет силу и вес в социальном плане. Когда личность становится функционально незначимой, 90% социальных контактов теряется [1].

Собственнические мотивы присутствуют у любой здоровой личности. Ведь именно ей приходится отвоевывать новые

территории, материальные блага, социальные статусы. Также не может состояться личность, не способная удерживать завоеванное, управлять собственностью. Безусловно, необходимо различать, в каких сферах подобный подход приемлем, а где – недопустим. Отношения (как и партнер по отношениям) не могут быть целью. Это красивейшая часть нашей жизни скорее является атмосферой, фоном, на котором происходит процесс жизнедеятельности со всеми играми: материальными, социальными, духовными. Любимый человек – не ценное приобретение, любовь – не трофей. Попытка низвести человека до уровня объекта по отношению к которому совершаются некие действия приводит к моральной деградации обоих участников отношений и потере интереса, чаще к тому из партнеров, кто принимает на себя роль жертвы-вещи. Примеры манипуляций: ритуал свадьбы, который сегодня фактически для большинства символизирует момент вступления во владение друг другом; супружеский долг, само наличие которого отвращает от постели; процесс смены фамилии, вокруг которого в ЗАГСах разыгрываются «мексиканские страсти».

Цель системы относительно соблюдения принципа иерархии - субъектно-субъектные отношения, где адекватно меняются роли ведущего-ведомого в зависимости от сложившейся ситуации.

3.Принцип баланса

Всякая живая система обладает свойством энергообмена: накапливает, трансформирует, потребляет, отдает энергию. Как только становится невозможным совершать какое-либо действие в отношении энергии – принятие, отдачу, накопление или трансформацию – в функционировании системы начинаются сбои. Согласно этому принципу в системе постоянно должна «течь» энергия: застой энергии в теле приводит к болезни, невозможность «подзарядить батареи» приводит к эмоциональным срывам, психологический «вампиризм» может сделать кошмаром совместное проживание.

Принцип баланса => свободное течение энергии, обмен энергией => любовь

Кроме постоянного «течения» энергии в системе должен соблюдаться баланс: «давать» – «получать». Перекос в направлении потоков грозит болезнью или разрушением системы: «я на него всю жизнь положила», «я ему всю молодость отдала», «я - все в дом, а она

– внимания какого-то просит», «я бросил себя к ее ногам в первые минуты знакомства, а она не оценила» - частые ошибки нарушения баланса во взаимоотношениях.

Тот поток энергии и внимания, который мы называем любовью, на кого-то направлен. Проблемы возникают, когда он становится этим кем-то ограничен. Когда наши пальцы сжаты в кулак, они – пусты. Когда наши руки открыты, нам доступна вся энергия существования. Заметьте, мы говорим о действиях, а не чувствах. Измерение потока чувств чревато субъективностью – есть люди, которым всегда мало. И сколько бы мы не бросили в бездонный колодец их недолюбленной недохваленной личности – будет недостаточно. Действия подчиняются нашей воле, чувства скорее случаются в ответ на действия. В каком аспекте здесь проявляется ревность? В претензии на время и силы партнера, направленные по каким-то причинам (вольным или невольным) по другому вектору. Под этой претензией завуалирована просьба: «Побудь со мной, я скучаю, мне тоскливо без тебя, я хочу быть рядом…» Проблема в том, что разумная и оправданная просьба любящего человека перерастает в истошный крик маленького ребенка: «Дай!» И порождает ответное нежелание давать, потакая капризам «истеричного дитяти».

4.Принцип развития

Система любого уровня структурной и функциональной сложности имеет множество потенциальных векторов развития. Однако в обычных условиях стабильность поддерживают связи между элементами. А где стабильность, там и сопротивление переменам. Сила сопротивления изменениям обусловлена проявлением других, связанных с этой привычкой, которую изменяют в системе, элементов функционирования. Недаром говорят, что любить больно, т.к. любовь трансформирует. К тому же идея трансформации содержит в себе и риск потери партнера, и затраты как физического, так и эмоционального характера. Тяготение к покою, расслабленности, лени – наше базовое состояние, являющееся причиной прогресса и содержащее в себе опасность деградации. Многим из нас изначально «осточертели» перемены.

Метафора нарушения в системе принципа развития – «теснота существующих рамок», «тигр в клетке», «засасывает болото обыденности», «в этой песочнице мне мало места для игры», «я достиг потолка в развитии отношений» и т.д.

Принцип развития => трансформация, расширение границ системы, изменение качества связей => обновление

В состояние временной нестабильности система попадает в двух случаях (на примере способов трансформации кристаллической решетки):

- При внедрении в систему нового реагента или удаление старого – «метод рычага»
- При изменении температуры: создании большей интенсивности или наоборот, понижении интенсивности до минимального уровня

Это состояние системы соответствует начальным этапам кризиса, когда на фоне нарастающей нестабильности происходит мобилизация психологических, материальных, социальных, духовных ресурсов и активный поиск новых путей развития для сохранения самой системы в условиях изменяющейся внешней ситуации. [1]

Если кто-либо из партнеров сопротивляется внесению изменений в качество взаимоотношений, пытаясь зафиксировать некое «благое» пережитое состояние или ожидает постоянного его повторения, он обречен на разочарование. Партнер, желающий развития, осознанно или бессознательно начнет провоцировать конфликты («подогревая» систему), перестанет стремиться домой («охлаждая» систему) или начнет стремиться к контактам «на стороне», не обязательно при этом, желая разрушить существующую систему (принцип рычага).

Ревновать к неизбежной эволюции, сопротивляться ей - изменению качества ареала - глупо, т.к. изменение структуры внутреннего пространства считается позитивным. Как только мы останавливаемся в этих эволюционных шагах, в расширении пространства или изменении качества, происходит «остановка» в восприятии со стороны социального окружения, в т.ч. и партнера. Это как старые обои в квартире – мы их не замечаем [1].

Система рождается, выживает, изменяется, стареет и умирает. Трансформация отдельных элементов и отношений между ними как переход на новый качественный уровень существования – единственный путь продления жизни системы и ее обновления: «То, что гусеница называет концом света, Создатель называет бабочкой».

5.Принцип автономности

Не смотря на многочисленные связи с другими системами и включенность в состав больших по масштабу систем, мы утверждаем необходимость принципа автономности. Соблюдение данного принципа помогает выработать в системе следующие необходимые качества и характеристики не только для выживания отдельных личностей внутри системы, но и для реализации предназначения системы:

- Самомотивация – ощущение ценности именно этих партнерских взаимоотношений и естественное личное желание поддерживать их высокий тонус.
- Самодисциплина – способность реализовывать необходимый набор действий вне зависимости от эмоционального состояния, которые являются вкладом в фундамент устойчивых отношений.
- Осознанность – внимательность и принятие без страха смены, как своих состояний, так и состояний партнера, разрешая эмоциональным волнам служить источником вдохновения, а не поводом для претензий.
- Личная воля к выбору – самостоятельное решение оставаться именно в этом союзе, обусловленное не страхами материальной неустроенности, социальных трудностей, психологическими проблемами, а четким ощущением «хочу!».
- Самоактуализация – возможность расти, развиваться, расширяться в союзе именно с этим партнером, поддерживая отношения, которые открывают и раскрашивают мир, а не сужают его.
- Экзистенциальная наглость – наглость «БЫТЬ» с тем, кого любим, в том качестве, в котором нас устраивает этот союз, разрешая ему складываться по внутренним парным, а не профаническим общепринятым законам.

Принцип автономности => наличие границ системы, способность защитить и удержать эти границы => свобода

Способность устанавливать личные границы, говорить «Нет», когда социум требует «Да», соблюдать дистанцию, уважать чужую свободу (как в пространстве, так и во времени) – редкое умение в наши дни. Любящие зрелые партнеры – это именно те, кто полностью реализовал принцип автономности в своей системе взаимоотношений. Метафора данного принципа отражена во фразе: «Я могу свободно

танцевать свой танец на любом ограниченном пространстве». Почему мы за что-то цепляемся? Потому что боимся это потерять! Партнер начинает использовать любые средства, которые снижают степень автономности другого человека, и утверждает его как свою собственность, вещь. Это удобно и безопасно: вещь не может воспользоваться свободой передвижения и убежать. Беда в том, что очень часто этот процесс начинает заходить слишком далеко и превращается в «замораживание» или «бетонирование» отношений. Они превращаются в систему, где все происходит под прямым углом и на маленькой огороженной территории, на которой нет возможности для свободной реализации всех участников отношений. И вот парадокс: все действия направлены на сохранение отношений, а приводят к усилению желания выйти из этих отношений. Прямо как у Льюиса Кэрролла в Зазеркалье: идешь вперед, а получается – назад.

Может быть, нужно сделать шаг назад, и получится вперед? Отпустить человека, конечно, страшно и рискованно. Потому что тогда в силу вступают социальные отношения с их естественной оценкой нашего качества как личности, к которой хочется или не хочется возвращаться. И это стимул для дальнейшего самостоятельного развития, возможно, в одиночку. Большинство людей не обладают достаточной честностью и храбростью, чтобы принять свое одиночество как данность существования. «Я» – это правда бытия, «Мы» - это то, что может иногда случаться. Возможность настоящей любви есть только тогда, когда партнер не нужен нам, чтобы спрятаться от собственного одиночества. «Человек, который изобрел двух спальную кровать, был злейшим врагом человечества. Даже в постели – никакой свободы!» Когда мы вместе – пусть будут промежутки. Любить могут только те, чья потребность быть любимыми стала менее значимой, чем потребность одаривать своей любовью из полноты.

В тот момент, когда наша любовь становится требовательной, она превращается в тюрьму. Она разрушает нашу свободу. Мы больше не можем лететь вместе, мы пытаемся догнать улетающего партнера. Мы привязываемся – и падаем вниз. И чем больше мы тратим сил на это, тем меньше их остается на реальный качественный контакт. У одних людей есть крыло любви, у других – крыло свободы. Но ни те, ни другие не могут летать. Нужны оба крыла.

С помощью системно-интегративного подхода в своей терапевтической практике мы:

- выясняем, какие принципы нарушены в системе, подлежащей коррекции
- находим места локализации первичных нарушений в конкретном пространстве существующих связей в системе
- налаживаем «течение» энергии в системе
- завершаем начатую под воздействием кризиса, но не законченную трансформацию
- повышаем автономность системы через отделение от «детско-родительской проекции»
- стабилизируем систему на новом качественном уровне структурной организации

Лирическое заключение: Кто решил, что мы имеем право требовать тотальное внимание любимого? И что мы на самом деле требуем? Человека! Его суть. Когда партнер смотрит только на нас, он даже не внимание нам отдает, а себя! Себя изымает из себя и в нас вкладывает. Откуда этот распространенный стон: «Ты меня не замечаешь, ты занят бизнесом, написанием статьи, карьерой, но не мной?». Стон – это зов. Мы зовем партнера, затерявшегося в пространстве бизнеса, творчества, в пространстве, где нас нет. Зовем и не задумываемся, что именно он вкладывает в бизнес, в творчество? Себя! Что он получает? Себя, преображенного этим делом, этим творчеством. Он трансформирован, расширен, улучшен, преобразован. Он новый и наполненный для самого себя.

Чтобы вкладываться во взаимоотношения, мало иметь энергию и способность к концентрации этой энергии. Нужно иметь мотив, интерес. И вот мы смотрим в партнера, как в пустой колодец, ищем свое отражение, а его там нет, потому что партнера давно нет, а есть его неуемная жажда заполнить нами свою пустоту. Возникает беззвучный вопрос: где то, зачем смотрюсь? Только полный колодец способен отразить! Только творческая суть партнера способна преобразить! Только чистая энергия способна насытить!

И сразу проявляются условия, создающие мотив для направления внимания на нашу (или его) замечательную персону:

- наполненность энергией
- уважение к партнеру и его пространству
- благодарность к самой возможности быть рядом

- творческий дух
- чистота, незамутненность внутреннего пространства личностным мусором

Много ли нас таких? Вряд ли. Гуляет творческий дух по пустому колодцу как ветер, а творить не из чего. Или норовит поглотить волна, утащив на дно и присвоив. Или просто грязно. «Верни мне свое внимание!» - доносится из колодца. А в переводе: «Верни мне себя! Побудь со мной!» А в ответ: «Не хочу быть! Скучно мне! Ничего со мной не происходит в тебе. Нет для меня в тебе ни свободной территории для развития, ни пути для движения. Так зачем мне в тебя путешествовать?..»

Что случится, если заставить партнера отказаться от дела, карьеры, друзей, хобби в надежде, что все его время, энергия, внимание направится на нас? И будет ли что направить? И будет ли кому направить? Если не станет пространств, где партнер вспоминает и осознает, кто он, то и его не станет, того, в кого мы влюбились когда-то. Не от нас он уходит, стремясь в офис или к друзьям, а к себе возвращается, чтобы, познав себя через людей и прожитые ситуации, вернуться к нам обновленным и одарить собой!

Литература

1. Козлов В.В. Семь принципов интегративной методологии. / Вестник интегративной психологии под ред. Козлова В.В., вып.4 - Ярославль, Москва, 2006

2. О'Коннор Дж. Искусство системного мышления: Необходимые знания о системах и творческом подходе к решению проблем. – М.: Альпина Бизнес Букс, 2006.- 256с.

СУБЪЕКТИВНОЕ ОТНОШЕНИЕ К ИНВАЛИДНОСТИ У КЛИЕНТОВ В ПРОЦЕССЕ ПРОХОЖДЕНИЯ МЕДИКО-СОЦИАЛЬНОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ

Козлов В.В. (Ярославль), Морозова Е.В., Шабалина Н.Б. (г. Москва)

Особенность процедуры медико-социальной экспертизы свидетельствуемого лица об установлении инвалидности в Федеральном Бюро медико-социальной экспертизы (ФБ МСЭ) имеет

некоторую специфику и заключается в том, что люди приезжающие на комиссию проходят ее уже в третий раз. Это связано с их несогласием с решением первичной комиссии по месту жительства (бюро МСЭ) и оспариванием данного решения с последующим переосвидетельствованием, сначала на городском уровне (Городское бюро МСЭ), а затем на федеральном (Федеральное Бюро МСЭ), в установленном законодательстве порядком.[2 с.103]

В процессе работы с такими пациентами, было замечено что, некоторые из них адекватно реагируют на отрицательное решение медико-экспертной комиссии, а некоторые пациенты, демонстрируют «рентную» мотивацию и соответствующее этому «рентное» поведение, а так же различные эмоциональные реакции, в том числе, выражая угрозы в адрес членов комиссии судебными разбирательствами о несправедливом лишении их инвалидности (либо изменении группы, либо изменении степени ограничения трудовой деятельности). Действительно, нередко, такие пациенты не останавливаются и обращаются в суд, любыми путями пытаясь доказать свое право на получение инвалидности.

Пациенты, которые соглашаются с вынесенным решением, объясняют свое многократное оспаривание предыдущих экспертных решений по-разному. Для некоторых подобное поведение обусловлено отчаяньем, продиктовано низким уровнем дохода, невозможностью трудоустройства, сложной ситуацией в семье (одиночество, вдовство, наличие иждивенцев и т.д.) и является последней попыткой добиться инвалидности. Человек, реализуя свою последнюю надежду, оспаривает предыдущее решение двух экспертных комиссий (на местном и городском уровне) и далее, обращается в высшую инстанцию - Федеральное бюро МСЭ. Такие люди, как правило, смирившись с решение ФБ МСЭ, говорят: «Раз здесь не дали группу, значит это действительно правда – я не инвалид…».

Инвалидность для этих людей означает возможность получать пусть небольшие, но регулярные льготы, лекарства, частичную оплату квартиры, бесплатный проезд и т.д. Основное значение инвалидности для человека в таком случае, как правило, в реальной социальной помощи государства. Но главное, что эти пациенты, в принципе понимая, что в третий раз могут получить отказ, способны к принятию данного факта. При этом не исключено, что человек испытывает

определенную гамму не очень приятных чувств и переживаний. Однако способность объяснить свое субъективное значение «статуса инвалид», для чего он нужен, что человек теряет и приобретает с присвоением либо утратой инвалидности, и как дальше он собирается жить и что делать, задействуя весь баланс имеющихся у него психологических, социальных и экономических ресурсов - характерно для этой категории пациентов. В этом случае ***рациональный компонент отношения*** к инвалидности является ведущим, а реакция личности на экспертную ситуацию конструктивной.

Другой тип пациентов проходящих медико-экспертную комиссию, настроен более решительно и реакции, проявляемые в процессе экспертизы не всегда однозначны. В отличие от предыдущих пациентов, способных аргументировано объяснить, зачем данный статус нужен человеку, что и как он будет делать в случае непризнания его инвалидом, эти пациенты не способны к адекватной оценке происходящего и крайне эмоционально начинают говорить о своих ощущениях и чувствах. Специалистам медико-социальной экспертизы, хорошо известны такие случаи, когда пациенты говорят: «…у меня нет почки (или какого-то другого органа) и она уже не вырастет, я неполноценный…», «…я чувствую себя ущербным, государство должно мне помогать…», либо «… я знаю что с таким заболеванием положена инвалидность, со мной лежал человек и ему дали группу, значит и мне положено…». Учет ситуации, адекватность восприятия прогноза заболевания и особенно того факта, что несмотря на одно и то же заболевание у разных людей прогноз бывает совершенно различным, как правило, не доступно пониманию человека. При этом, сформулировать значение инвалидности для таких пациентов достаточно сложно, т.е. при описаниях всего спектра негативных переживаний, фрустрирующей ситуации экспертизы, человек не вполне осознает само значение данного статуса, по сути являющегося в его сознании некой компенсацией, либо внешнего дефекта, полученного в результате заболевания, либо потери трудоспособности. На вопрос: «Что вам даст инвалидность?» Ответы могут быть такими: «восторжествует справедливость!», «это будет по-человечески…». «я получу самоуспокоение и удовлетворение…», «правда должна быть на моей стороне…». При данном типе реакций человека ведущим, на наш взгляд, является ***эмоциональный***

компонент отношения к инвалидности. Испытываемые чувства неполноценности, ущербности, страха перед будущим, потеря надежды порождают желание человека, все-таки доказать свою правоту в отношении права обладания инвалидностью, вопреки вынесенному решению медико-экспертной комиссии, и компенсировать моральный ущерб принесенный заболеванием.

Данное поведение, на наш взгляд, является дезадаптивным, не способствующим социально-психологической адаптации человека в условиях смены социального либо профессионального статуса, что заставляет задуматься о его возможных причинах, определив социально-психологические детерминанты подобного поведения, а также социальные и индивидуально-личностные ресурсы, способствующие адаптации.

С целью исследования субъективного отношения к инвалидности (его рационального и эмоционального компонентов), а также их влияния на уровень социально-психологической адаптации и особенностей поведения пациентов проходящих медико-социальную экспертизу в Федеральном бюро МСЭ, нами было обследовано 86 чел. (средний возраст – 43,5 года). Все пациенты проходили медико-экспертную комиссию в третий раз, ввиду их несогласия с решением предыдущих экспертных комиссий «о непризнании лица инвалидом», либо о «о снижении группы инвалидности» или «изменении степени ограничения трудовой деятельности» на трех предыдущих комиссиях сначала в бюро МСЭ по месту жительства, затем на городском уровне (ГБ МСЭ). Для сравнения с данной группой пациентов нами было обследовано 45 чел. (средний возраст – 43 года) с теми же нозологиями, проходивших в клинике ФБ МСЭ лечение по обязательному медицинскому страхованию. Общее количество обследованных пациентов, составило 131 чел. Из общего количества обследованных пациентов – 11 чел. – 8% (средний возраст 39 лет), не были инвалидами и никогда не оформляли инвалидность, в силу отрицательной установки к инвалидности (т.е. отрицания самого факта своей инвалидизации и социальной недостаточности). По длительности пребывания на инвалидности и по возрасту, группа распределилась так: 30 чел. - 23% (средний возраст 46 лет), претендовали на инвалидность первично. От одного года и до 9 лет находилось на инвалидности 60 чел. – 46% (средний возраст – 44 года). И от 10 лет и свыше на инвалидности

находилось – 30 чел. – 46% (средний возраст – 40 лет.). При этом образовательный и семейный статус пациентов в двух сравниваемых группах был однородным.

Для выявления ***уровня социально-психологической адаптации*** пациентов нами использовалась «Методика диагностики социально-психологической адаптации К.Роджерса и Р.Даймонда (СПА).

Данная методика позволяет оценить ответы испытуемых по следующим показателям, составляющим общий уровень социально-психологической адаптации: ***«самопринятие», «принятие других», «эмоциональная комфортность», «интернальность», «стремление к доминированию» и «уход от проблем».***

Исследование ***копинг-стратегий,*** в когнитивной, эмоциональной и поведенческой сферах, проводилось с помощью шкалы Э.Хайма (адаптированной в психоневрологичском институте им. В.М. Бехтерева).

Эмоциональный и рациональный компонент субъективного отношения к инвалидности выявлялся нами в клинической беседе, с помощью следующих вопросов. Считаете ли Вы себя инвалидом? Что для Вас означает статус «инвалид»? Каково его значение? Что Вам даст инвалидность, и что вы потеряете в случае не признания Вас инвалидом? Соответствует ли Ваше состояние здоровья диагнозу и установленной группе инвалидности или оно лучше/хуже? Доминирование рационального или эмоционального компонента в ответах испытуемых принималось нами за ведущий компонент в структуре субъективного отношения личности к инвалидности. Рациональный компонент оценивался в 2 балла, эмоциональный в 1 балл.

Для выявления ***особенностей темперамента экстраверсии/интроверсии и уровня нейротизма*** (эмоциональной нестабильности) использовался опросник Г.Айзенка (EPI) в адаптации А.Г. Шмелева.

Для выявления ***уровня социальной фрустрированности*** нами использовался «Медико-социологический опросник диагностики уровня социальной фрустрированности» (УСФ) Л.И. Вассермана в модификация В.В.Бойко. В анализе выявленных показателей мы использовали суммарный индекс социальной фрустрированности, свидетельствующий об общей удовлетворенности основными сферами отношений, как профессиональных так и личных,

материальным достатком, социальным обслуживанием, достигнутыми социальными статусами и своим уровнем жизни в целом.

Суммарные показатели в двух сравниваемых группах обнаруживают ***статистически достоверные различия по следующим показателям:*** «*Общий уровень адаптации»* в группе экспертных пациентов составил 43,96 ($p<0,01$), в группе пациентов находящихся на лечении 53,16 ($p<0,01$), уровень «*самопринятия»* в группе экспертных пациентов составил 54,75 ($p<0,05$), а в группе пациентов находящихся на лечении 65,13 ($p<0,05$), *«принятие других»* в группе экспертных пациентов 47,80 ($p<0,01$), в группе пациентов находящихся на лечении 57,67 ($p<0,01$), уровень *«интернальности»* в группе экспертных пациентов составил 52,15 ($p<0,05$), а в группе пациентов находящихся на лечении 59,16 ($p<0,05$), и *«тенденция к доминированию/ведомости»* в группе экспертных пациентов 42,65 ($p<0,05$), в группе пациентов находящихся на лечении 50,58 ($p<0,05$).

«Индекс враждебности» в группе экспертных пациентов составил 61,45 ($p<0,05$), а в группе пациентов находящихся на лечении 52,79 ($p<0,05$).

«Уровень алекситемии» у экспертных пациентов составил 83,73 ($p<0,01$), у пациентов находящихся на лечении 73,22 ($p<0,01$).

«Уровень нейротизма» у экспертных пациентов составил 17,67 ($p<0,05$), а в группе пациентов находящихся на лечении 16,16 ($p<0,05$).

«Уровень социальной фрустрированности» у экспертных пациентов составил 2,45 ($p<0,01$), в группе пациентов находящихся на лечении 1,84 ($p<0,01$).

Самооценка индивидуально-личностных состояний и качеств у экспертных пациентов составила по «*шкале счастья»* 45,29 ($p<0,01$), у пациентов на лечении 64,89 ($p<0,01$), «*по шкале удачливость»* 39,00 ($p<0,01$), у пациентов, находившихся на лечении 51,67 ($p<0,01$), удовлетворенность «*материальным положением»* у экспертных пациентов 33,24 ($p<0,01$), у пациентов, находящихся на лечении 53,33 ($p<0,01$), по шкале *«уверенность в себе»* у экспертных пациентов 56,29($p<0,05$), у пациентов, находящихся на лечении 64,67 ($p<0,05$), по шкале *«характер»* у экспертных пациентов 59,35 ($p<0,01$), у пациентов, находящихся на лечении 68,00 ($p<0,01$).

Самооценка уровня здоровья, инвалидности, а так же оценка социальной недостаточности в основных сферах своей

жизнедеятельности составила: по шкале *«здоровье»* у экспертных пациентов 46,41 ($p<0,01$), у пациентов находящихся на лечении 57,67 ($p<0,01$), по шкале *«уровень инвалидности»* у экспертных пациентов 68,54 ($p<0,01$), у пациентов находящихся на лечении 38,00 ($p<0,01$), по шкале *«общительность»* у экспертных пациентов 59,18 ($p<0,01$), у пациентов на лечении 73,18 ($p<0,01$), по шкале *«способность к обучению»* у экспертных пациентов 50,76 ($p<0,01$), у пациентов находящихся на лечении 64,11($p<0,01$), по шкале *«способность к самообслуживанию»* у экспертных пациентов 61,94 ($p<0,01$), у пациентов находящихся на лечении 77,56 ($p<0,01$), по шкале *«трудоспособность»* экспертные пациенты 39,82, ($p<0,01$), у пациентов находящихся на лечении 58,09, ($p<0,01$).

Эмоциональный и рациональный компонент в отношении к инвалидности в группе экспертных пациентов составил: 1,38 ($p<0,01$), и в группе пациентов находящихся на лечении 2,07 ($p<0,01$).

Суммарные показатели по копинг-стратегиям *в поведенческой сфере*: *«сотрудничество»* экспертные пациенты 0,71 ($p<0,01$), пациенты, находящиеся на лечении 1,51 ($p<0,01$), *«компенсация»* экспертные пациенты 2,21 ($p<0,01$), пациенты, находящиеся на лечении 1,27 ($p<0,01$); *в когнитивной сфере: «смирение»* экспертные пациенты 1,78 ($p<0,01$), пациенты, находящиеся на лечении 1,11 ($p<0,01$), *«растерянность»* экспертные пациенты 1,55 ($p<0,01$), и пациенты, находящиеся на лечении 0,71 ($p<0,01$), *в эмоциональной сфере: «оптимизм»* экспертные пациенты 1,06 ($p<0,01$), пациенты, находящиеся на лечении 2,11 ($p<0,01$), *«отчаянье»* экспертные пациенты 1,41 ($p<0,01$), пациенты, находящиеся на лечении 0,58 ($p<0,01$), *«агрессивность»* экспертные пациенты 1,40 ($p<0,01$), пациенты находящиеся на лечении 0,58 ($p<0,01$), *«безропотное смирение»* экспертные пациенты 1,24 ($p<0,05$), пациенты находящиеся на лечении 0,64 ($p<0,05$), «самообвинение» экспертные пациенты 1,01($p<0,05$), пациенты находящиеся на лечении 0,47 ($p<0,05$),

В целом, характеризуя ***группу экспертных пациентов***, можно сказать, что в отношении к инвалидности у них преобладает эмоциональный компонент и в ситуации экспертизы они нередко настроены враждебно, конфликтуют и проявляют вербальную, а иногда и физическую агрессию.

Люди, не способные к принятию факта изменения социального либо профессионального статуса в результате отрицательного

решения экспертной комиссии, в психологическом плане более эмоционально неустойчивы, взрывчаты, тревожны, обладают чертами зависимого поведения и обидчивости, имеют более конфликтные отношения в семье и более высокий уровень социальной фрустрированности по сравнению с пациентами находящимися на лечении.

Общий суммарный показатель адаптации пациентов находящихся на экспертизе, невысок - 43,96%, что свидетельствует о тенденции к социально-психологической дезадаптации данной группы. Это выражается в отсутствии самопринятия, низком уровне внутреннего контроля, чертах ведомости, тенденции к избеганию и уходу от проблем. Показатели самооценки по шкалам, характеризующим индивидуально-личностные качества и состояния так же нестабильны и имеют тенденцию к заниженным: характерным является сниженная самооценка по шкале счастья и удачливости. Самооценка своего характера и уверенности в себе так же снижена. Эмоциональное самочувствие этой группы пациентов, характеризуется повышенным уровнем нейротизма (эмоциональная нестабильность), подозрительностью и обидчивостью, что возможно, наряду с социальной фрустрированностью обусловливает проявления вербальной и физической агрессии.

Так же, социальная фрустрированность (неудовлетворенность системой взаимоотношений, достигнутых возможностей в профессиональной и образовательной сфере, неудовлетворенность материальным и медицинским обслуживанием и всем образом в жизни в целом) возможно, влияет на формирование субъективного, негативного самоотношения к себе и обуславливает «рентную» мотивацию данной группы пациентов. [1 с.41] Что проявляется характерным завышением показателей по шкале «инвалидность» и низкой самооценки своего здоровья.

Оценка социальной недостаточности в основных сферах своей жизнедеятельности характеризуется, как правило, заниженными показателями по шкале «самообслуживание» и «трудоспособность», при этом объяснить причину невозможности работать или обслуживать себя человек способен не всегда, а ведущим аргументом является «я болен – значит инвалид…».

Этими пациентами чаще используются такие относительно адаптивные поведенческие совладающие стратегии как

«компенсация», выражающаяся в принятии успокоительных средств, алкоголя, переедании, а также дезадаптивные стратеги - «растерянность», «проявление гневных реакций и агрессивности», и «самообвинение». Репертуар адаптивных стратегий практически не задействован, что объясняется смещением рисунка совладающего поведения в область дезадаптивных совладающих стратегий преимущественно эмоционального регистра. Поведенческие адаптивные стратегии: «сотрудничество», «обращение» не характерны для пациентов, находящихся в ситуации экспертизы, так же нехарактерно использование когнитивных адаптивных совладающих стратегий «проблемный анализ», «сохранение апломба», способствующих формированию более рационального и конструктивного отношения к сложным жизненным ситуациям.

У пациентов, находящихся в процессе экспертизы, значительно более выражен алекситемический радикал (невозможность к телесному осознаванию, отсутствие способности к ощущению чувств, фантазированию, способность к подлинному эмпатийному общению), что в экспертной ситуации характерно проявляется в неспособности идентифицироваться со своими истинными потребностями, понять для чего нужна инвалидность. В результате этого у человека возникает непонимание: что же действительно я хочу и зачем мне это? Далее, очередное отрицательное экспертное решение и обманутые в связи с этим ожидания, являются причиной раздражения и агрессии, при этом удовлетворение потребности так и не происходит. Данное противоречие, как раз и объясняет бурное проявление эмоциональных реакций этой категории пациентов во фрустрирующей ситуации экспертизы.

Сниженная самооценка, эмоциональная неустойчивость, тревожность, проявление аффективных реакций и физической агрессии, утрата критичности, невозможность примириться с возникающими трудностями в процессе изменений социального и профессионального статуса, все эти составляющие оказывают целый ряд негативных влияний на личность. Человек не уверенный в себе, как правило, социально не компетентен, не способен к полноценному общению и формированию социальных копинг-ресурсов личности, подразумевающих достижение определенных социальных статусов, социальной поддержки, освоение профессии, получение образования, и как следствие этого - экономической независимости. Внешний локус

контроля, выражающийся в экстернальном стиле мышления способствует перекладыванию ответственности на других людей, в данном случае на государство, что формирует зависимое поведение, а у человека актуализируется преимущественно деструктивный репертуар совладающих копинг стратегий и эмоциональное отношение к ситуации экспертизы и в целом к жизни.

Формирование устойчивых объектных взаимоотношений с ближайшим окружением и в своей собственной семье, так же не всегда возможно при вышеперечисленных эмоционально-личностных особенностях, что свидетельствует как о сниженном арсенале индивидуально-личностных, так и социальных ресурсов, отсутствие и неразвитость которых обуславливает общее негативное социально-психологическое самочувствие данной категории пациентов формируя тенденцию к конфликтному поведению, невозможности наладить конструктивное межличностное взаимодействие, на всех его уровнях и обуславливает деструктивные реакции, проявляющиеся в ситуации экспертизы.

Пациенты, находящиеся на лечении в основном отличались адекватным субъективным отношением к инвалидности, в котором преобладал рациональный компонент. Этих людей можно охарактеризовать как более адаптированных, понимающих особенность своего заболевания, необходимость регулярных госпитализаций, с целью поддержания своего здоровья. В эмоциональном отношении многие пациенты так же были нестабильны, о чем свидетельствуют показатели эмоциональной комфортности не имеющие достоверных статистических различий между двумя сравниваемыми группами. Это объяснялось прохождением пациентами определенных лечебных процедур, иногда довольно болезненных, отрывом от дома и близкого окружения. Однако принципиально, пациентов находящихся на лечении отличало от группы экспертных пациентов именно то, что в клинике они находились по своей воле, проявляя которую они заботились о себе и о своем здоровье. Каких-либо конфликтных ситуаций, во время нахождения этих пациентов в клинике не возникало. Напротив эти пациенты, в отличие от экспертных пациентов, объясняющих бесполезность данных мероприятий, с большой охотой посещали как групповые, так и индивидуальные занятия психологической коррекции, проводимые психологами отделения психологической

диагностики и реабилитации клиники, и принимали в них активное участие.

Пациентов находящихся на лечении отличала большая заинтересованность в выздоровлении в отличие от экспертных пациентов. Устойчивая самооценка своих индивидуально-личностных качеств, адекватная оценка своего здоровья, и инвалидности, мотивация выздоровления и дальнейшей деятельности, наличие перспектив будущего и дальнейшее их планирование, гармоничные межличностные отношения, как в своих семьях, так и в профессиональных коллективах обуславливали их желание скорее закончить лечение и вернуться домой и на работу. Достигнутые социальные статусы, удовлетворенность своим образованием, профессией, социальным и медицинским обслуживанием, способность к установлению устойчивых объектных отношений, безусловно, являются социальными копинг ресурсами данной группы пациентов. Высокий уровень интернальности, а значит и ответственности, самопринятие и принятие других, черты доминирования и больший спектр адаптивных совладающих стратегий, среди которых доминировали поведенческие стратегии «сотрудничество», и эмоциональные «оптимизм», а так же тенденция к более частому использованию когнитивных совладающих стратегий, видимо способствует более рациональному и конструктивному отношению к своей болезни и инвалидности, способности реально представлять свое будущее, уходу мыслей о своей болезни на второй план, принятию своих изменившихся возможностей и социального статуса. Вышеперечисленные социальные ресурсы и индивидуально-личностные ресурсы личности, являются тем базисом, на котором формируется адекватное субъективное отношение к инвалидности, способствующее социально-психологической адаптации человека в этой непростой ситуации болезни и инвалидности.

Подводя итоги, можно сказать, что сама экспертная ситуация является довольно кризисной, обостряющей все имеющиеся личностные противоречия людей находящихся в процессе экспертизы. Что связано с необходимостью человека пересмотреть свой социальный либо профессиональный статус, а иногда и то и другое, и требует от него активизации определенных усилий в адаптации к этим изменениям.

Однако, обладая определенными индивидуально-личностными и социальными ресурсами, у личности появляется возможность принять смену социального и профессионального статуса в случае его утраты и вместо того, что бы доказывать право на утерянный статус, выйти на новый этап личностного развития, адаптироваться к новым условиям, которые ставит сама жизнь.

Литература:

1. Войтенко Р.М. Социальная психиатрия с основами медико-социальной экспертизы и реабилитации. Руководство для врачей и психологов. – СПб.: ИКФ «Фолиант», 2002. – 256 с.

2. Осадчих А.И., Пузин С.Н, Лаврова Д.И., Шабалина Н.Б. и др. Основы медико-социальной экспертизы. – М.: Медицина, 2005. – 448 с.

МОЛОДЕЖЬ В ЗЕРКАЛЕ СОВРЕМЕННОЙ ИДЕОЛОГИИ.

Кузнецов А. В. (Ярославль)

Сегодня мы наблюдаем за процессом формирования новой идеологии российского общества. Еще летом 2005 года, В. Ю. Сурков, заместитель главы администрации президента, в своем выступлении на генсовете «Деловой России» сказал следующее: «Я хочу сказать, что проект у нас банальный. Я бы назвал это кратко «суверенной демократией»…». И сегодня, уже этот термин стал вербальным выражением официальной идеологии. Суть этого понятия выразил президент в послании ФС 2005 «Построение реального суверенитета и построение реальной демократии – это две стороны одной и той же задачи».

Этот сложный процесс связан с желанием российской элиты консолидировать общество, и отражает, тем самым, глубокую потребность граждан России в интеграции, прежде всего идейной. Обретение новой идеологической конструкции, осознание ее, принятие через дискурс с властью, заложит духовный, психический фундамент модернизации нашей страны. Идеология должна, безусловно, соответствовать тем амбициозным задачам, которые стоят сегодня перед Россией и ее народом. XX век был веком России. На протяжении этих ста лет наша страна трижды выступала в роли строителя концепции международных отношений, задавая вектор развития диалога всего мира.

Революция 1917 года способствовала развитию освободительного движения в десятках стран мира, тех, кто сегодня является суверенными государствами. Победа нашего народа в Великой Отечественной Войне и решающая роль в итогах Второй Мировой Войны, избавила планету от фашизма и зародила новый тип отношений в мире. Наконец, в конце столетия, Россия инициировала грандиозную демократизацию жизненного уклада целого ряда стран, добровольно отказавшись от коммунистического проекта. Сегодня в XXI веке, есть все возможности для мирового лидерства России, для установления ее роли как арбитра в решении сложных вопросов мировой политики. Для достижения таких целей нашему обществу необходимо общее понимание целей. Конечно, такой поиск смыслообразующего фактора всего общественного сознания наших граждан сопряжен с множеством конфликтных ситуаций, непониманием, протестами и пр. И психологию, в этом случае, должно, прежде всего, волновать духовное здоровье нации, то, насколько предлагаемая идеологическая система соотносится с иерархией ценностей, насколько экологична она в целом психологической специфике нашего общества. Психология призвана сегодня вести, сопровождать процесс построения идеологии с самого начала, с самого первого этапа.

Сегодня, пока, власть находиться впереди психологии в деле формирования идеологии. Необходимо этот разрыв убрать, и предлагать конкретные меры по построению идеологической системы в интересах духовного здоровья нации. Исследование, проведенное нами в текущем году – одна из первых попыток «взять под контроль» описываемый процесс, доказав еще раз, тем самым, общественную значимость психологической науки вообще и социальной психологии в частности.

Пожалуй, главным выводом проведенного исследования, является то, что основные идеи, которые сегодня транслируются властью, как общие для всего народа задачи, находят определенный «социальный отклик» и в «умах» молодежи. Молодежь, в целом, видимо является достаточно гибким слоем в плане усвоения новых ценностей, разделения новых задач. Для молодого поколения очень важным является вопрос об осознании своей миссии, т. е. общей задачи, которую необходимо решить

данному поколению в рамках общенациональной идеи, в рамках общенационального курса.

Кроме этого, недостаточно просто перейти из статуса «сына» в статус «отца». Чтобы осуществить свою роль, представители молодого поколения должны войти в состав властвующей элиты.

В рамках формирования своего поколения, нынешней молодежи придется решить две важные задачи:

1. Модернизация страны. Под модернизацией мы будем понимать качественные изменения в экономических, политических и социальных отношениях, позволяющие построить общество, адекватное современным реалиям, т. е. эффективно функционирующее на конкретном этапе исторического развития. Эффективное общество – это общество, которое выполняет те задачи, которые формулируются членами общества как важные для всех, а значит и для каждого в отдельности.

2. Поиск места России на современной мировой арене. Эта проблема, прежде всего, связана с процессами «глокализации», т. е. противоборства между процессами, унифицирующими экономическое, политическое и культурное пространство. Интеграция России в мировые структуры должна проходить по нашим правилам, ни в коем случае не ущемлять интересы нашей страны и ее граждан. В этом и есть суть идеологического проекта «суверенная демократия».

Разделение молодежью тех идей, которые транслируются властью как общенациональные задачи, говорит о готовности реализовывать свою миссию.

Еще одним важным выводом является ориентация на «справедливость». В ее структуре можно выделить два аспекта. Аспект социальной справедливости, как построения общества демократического и свободного от олигархических влияний. Личностный аспект, показывающий зависимость успеха каждого гражданина от успехов всех остальных от государства в целом. Здесь можно вспомнить такое понятие А. Адлера как социальный интерес или чувство общности. Под социальным интересом Адлер понимал «чувство солидарности, связанности человека с человеком…расширенное значение «чувства товарищества в человеческом обществе»». Чувство общности касается участия,

которое мы принимаем в делах других людей, не просто ради достижения собственных целей, но из «интереса к интересам» других. С холистической точки зрения, человек это не только нечто ценное само по себе, но и часть большой целостности: семьи, сообщества друзей и знакомых, общества, человечества.

Развитое чувство общности является признаком духовно здорового общества. Возможно, появление подобной категории в сознании связано с некой усталостью о постоянного недоверия друг к другу в течении многих лет, воспитанного сначала атмосферой всеобщего страха и доносительства, а потом ситуацией неуверенности в завтрашнем дне. По мнению В. Крамника, «изолированный человек» является одним их атрибутов архетипа «власти – подчинения» в российском менталитете. Борьба за пропитание, постоянная нехватка ресурсов делает русских отдаленными друг от друга. В таком случае, молодежь как бы старается уйти от этой общей атмосферы недоверия, «поломать» некие стереотипы. И как говорил В. Путин: «главный конкурентный капитал, главный источник развития страны – это ее граждане».

Россия сейчас стоит перед поворотом в своей истории. И что предстанет перед нами за этим поворотом, зависит (с точки зрения имманентной философии) исключительно от нас самих. У новой идеологии, как и у нашего государства, есть два пути. Первый – скатиться до уровня эрзац-религии, стать, как говорил Т. Лири выдуманным Богом. И тогда…, как говориться повторение пройденного. Второй – выступить в роли реального интегрирующего фактора общества, стать и социальной онтологией и доктриной (методом) организации общественных отношений. Реализация второго пути зависти от того наедем ли мы в ближайшее время «ключи от сердец народа».

СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ОДИНОЧЕСТВА В ПОЖИЛОМ ВОЗРАСТЕ

Лазарянц О.В. (Ярославль)

Как показывает наше исследование, реальность старения влечет за собой одиночество, которое вызвано рядом социально-психологических причин:

- Оторванность от привычных социальных интеракций, связанная со смертью людей (одноклассников по школе, сокурсников по вузу, сотрудников по работе, старых друзей), которые были спутниками жизни и составляли эмоциональное и смысловое социальное ядро личности. Хотя их можно заменить новыми знакомыми, мысль, что ты продолжаешь свое существование, не служит достаточным утешением.
- Отделенность взрослых детей от родителей, иногда лишь физически, но чаще из эмоциональной потребности быть самими собой и иметь время и возможность заниматься своими собственными проблемами и взаимоотношениями.
- Потеря интегративного статуса и социальных контактов, связанных с профессиональной деятельностью.
- Потеря надежды на социальную сопричастность в будущем. Социально-психологические контакты содействуют ощущению соотнесения и соучастия; строя свои планы на будущее, личность заранее предвидит общение. Одиночество предполагает разрыв связей или полное их отсутствие, тогда как наши обычные надежды, ожидания сориентированы на согласованность, соединение, связь. Тяжелая форма одиночества может означать беспорядок и пустоту и вызывать индивидуальное чувство бесприютности, ощущение того, что человек не нужен в социальном пространстве. С точки зрения личностного ощущения времени одиночество создает обрывочные, преходящие связи, выражая этим как оторванность от прошлого, так и глубокий провал в будущем. Ломая временные характеристики и делая будущее еще более неопределенным, чем обычно, одиночество порождает тревогу и страх.

Со старостью приходят опасения и одиночество, вызванные ухудшением здоровья и страхом смерти. И если болезнь приобретает хроническую или тяжелую форму, появляется страх умереть не вовремя, умереть после того, как надоешь семье, и у нее не останется

больше никаких чувств к тебе, и тогда умрешь не только один, но и одиноким.

Часто пожилые люди просто даже не представляют, что одиночество станет существенной стороной их жизни. Будучи не подготовленные к этому переживанию, они сначала теряются и затем безмерно страдают от его болезненных ударов. Одиночество становится еще более мучительным, превращаясь в хроническое переживание. Большинство из нас испытывают одиночество эпизодически, принимая его как нечто естественное. Но затянувшееся одиночество раздражает человека и постепенно уничтожает его жизненные силы.

Когда же чувство одиночества глубоко пронизывает человека и устойчиво сохраняется, оно истощает душевные силы и начинает вызывать серьезные опасения. Более того, оно может содействовать возникновению чувства безнадежности, подрывает способность ему противодействовать. Одинокие люди чувствуют себя покинутыми, оторванными, обделенными, потерянными, ненужными. Это весьма мучительные ощущения, потому что они возникают вопреки нашим ожиданиям. Такое положение становится невыносимым и стимулирует изменение структуры поведения, которое может стать пагубным для человека и общества. Кризисное одиночество - главная проблема при решении общих задач социально-психологического благополучия личности и ее социального здоровья.

Многие люди старшего возраста, особенно овдовевшие, живут одни. Экономическая независимость и улучшение здоровья - вот два вида причин, дающие возможность старым людям вести индивидуальное домашнее хозяйство в настоящее время в более крупных масштабах, чем ранее, и такая тенденция сохраняется.

Наше исследование показывает, что большинство людей старших возрастных групп постоянно поддерживают связи со своими семьями. Примерно 2/3 обследованных 1 раз в месяц общаются с родственниками. Пожилые, как правило, живут со своими детьми в одном городе и предпочитают общаться по телефону и встречаться с детьми, чем жить с ними. Это наиболее благоприятная форма поддержания хороших семейных отношении.

Люди пожилого возраста, так же как и молодые, дорожат уединением и независимостью, и рассматривают жизнь в одиночку

как преимущество, а не как отвержение. Проживание в одиночку старых людей не приводит обычно к одиночеству или социально изолированной жизни - 80% из них регулярно общаются с людьми, когда прогуливаются в парках или сидят на скамейках. Общаются с соседями из дома, в котором живут. Контакты с друзьями приносят больше удовлетворения, чем с родственниками. Общение, по мнению пожилых, должно приносить удовольствие. Когда человек работал, он вынужден был общаться и с теми людьми, которые были ему неприятны. Находясь на пенсии, человек может подходить к общению избирательно.

Исследование показывает, что для некоторых пожилых людей - в особенности для мужчин - такие реальные и очень серьезные обстоятельства (ситуативные кризисы - болезнь, потеря близких и др.) резко противоречат их дополнительной потребности связывать чувство собственного достоинства с самостоятельностью - способностью и в старости обслуживать самого себя, самому со всем управляться, доказывать, что ты все еще ни от кого не зависимый взрослый человек. Именно исходя из трудностей этой в первую очередь культурной дилеммы, и нужно анализировать расторжение связей с обществом, чтобы лучше понять его причину и сущность.

Превращение человека в отшельника, уход в одиночество как в самостоятельность - в действительности законная попытка сохранить уважение к себе вопреки спаду физической и умственной активности, хотя в старости с психологическим комфортом теснее связана скорее вовлеченность в общение, чем расторжение связей с обществом. Стремление к самостоятельности и обособление возрастных групп (более молодых от старых) вместе с ослаблением социальных взаимоотношений из-за смерти или болезни ровесников вполне могли привести к уменьшению вовлеченности в общение - это и есть расторжение.

Пожилые люди стремятся выжить и сохранить чувство собственного достоинства, чтобы избежать душевных мук. По словам людей со здоровой психикой, потребность избежать зависимости сильнее всех остальных потребностей. Однако, если пожилой человек нездоров, конфликт между зависимостью и самостоятельностью может привести к трагическим последствиям.

Самопризнание в одиночестве не носит черты всеобщности для людей старших возрастных категорий, и только меньшая часть

обследованных страдает от полного или длительного одиночества. Признания в одиночестве редко встречаются в ответах группы пожилых респондентов и чаще - у вдовцов и нетрудоспособных лиц.

Показатели одиночества у групп в возрасте от 50 до 79 лет примерно одинаковы, но они резко увеличиваются в возрасте от 80 лет и старше. Люди в возрасте 80 лет понимали одиночество не так, как более молодые, у них оно ассоциировалось со снижением деятельности, обусловленным нетрудоспособностью и невозможностью передвигаться, а не с отсутствием социальных контактов. При восприятии одиночества как трудный, не приносящий удовлетворение процесс воспринимают общение душевнобольные. Поэтому, когда они лишаются работы или семьи, т.е. среды, к которой привыкли, становятся одинокими и несчастными. Вообще для больных и недееспособных стариков (со здоровой психикой или нет) жизнь с другими людьми является необходимым средством выживания.

В любом возрасте одиночество - это реакция на дефицит качества или количества общения. Непосредственные причины одиночества, поэтому следует искать в самой природе отношений людей. Три фактора являются детерминантами одиночества и социальной удовлетворения. Ниже мы приводим их.

1. *Наличие партнера* является весьма существенным индикатором благополучия. Для людей старшего возраста, как и для молодых, наличие близких отношений, при которых они как бы разделяют свои заботы с партнером, служит важным источником эмоционального благополучия. Для старых людей, состоящих в браке, супруг зачастую и обеспечивает отношения такого рода. Многие пожилые супруги положительно оценивают свое супружество, а некоторые с возрастом даже отмечают все большую удовлетворенность браком. Одиночество коррелирует с низкой удовлетворенностью браком.

Родственные связи не заменяют потерю супруга, в какой-то мере друзья могут восполнить утрату.

2. *Возможность контроля* - важность восприятия окружающей обстановки, как предсказуемой и поддающейся контролю. Чувство самоконтроля может способствовать сокращению стрессовых ситуаций. И наоборот, недостаток контроля может привести к ощущению собственной беспомощности и безнадежности. Осознание

контроля над социальным окружением имеет специфическое значение для старых людей. Уход на пенсию, смерть близких ослабляет чувство самоконтроля. Для старых людей даже важно, когда они сами могут контролировать встречи с друзьями. Дети, как правило, посещают родителей по своему графику.

Данные исследований свидетельствуют о том, что одиночество не является обязательным спутником старения, однако убеждение в том, что оно неизбежно может стать само осуществляющимся предсказанием, предотвращающим некоторых одиноких старых людей от принятия мер по облегчению этого затруднительного положения.

3. *Социально сравнимые процессы.* Индивиды оценивают свою настоящую жизнь, как правило, с их собственным прошлым опытом и опытом близких людей.

Старые люди, которые всю жизнь жили одни, меньше жалуются на одиночество по сравнению с теми, кто разлучался, был разведен или овдовел. Неприятное сопоставление прошлой и настоящей жизни может явиться основной причиной социальной неудовлетворенности жизнью в более поздний период жизни.

ОСОБЕННОСТИ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ИНТЕРНЕТ-КОНСУЛЬТИРОВАНИЯ

Лебедева Екатерина (г. Саратов)

Веб-консультирование, кибертерапия, е-терапия (электронная терапия), онлайн терапия, или просто – Интернет-консультирование, - всё это часто взаимозаменяемые понятия, которыми пользуются психологи и психотерапевты, практикующие в сети. Число сайтов, предлагающих как платную, так и бесплатную помощь, бесконечно растет, что, конечно, исключает любую возможность организации, ограничения или регулирования “виртуального рынка” такого вида услуг. И всё это доступно любому 24 часа в сутки, 7 дней в неделю. Но возможны ли консультирование и терапия по Интернет и каковы их особенности?

Идея дистанционной помощи различных групп поддержки впервые имела место в США и стала основой для создания услуг психологического консультирования по Интернет. Считается, что одним из самых первых опытов стал сеанс психотерапии между университетом Стэнфорд и Калифорнийским университетом в Лос-

Анджелесе в течение Международной Конференции по компьютерной связи в октябре 1972. А с появлением персональных компьютеров, группы поддержки стали более независимы и неформальны.[1]

В 1995 году в Америке все предшествовавшие формы консультирования синтезировались впервые в настоящую бесплатную консультацию на одном из популярных чатов под руководством психолога Джона Грохола (Grohol, Psy.D.). И немного позже, но в этом же году американец Леонард Холмс (Holmes, Ph.D.) предоставил свои услуги на собственном сайте за небольшую плату. Клиент имел право не платить, если счел совет или консультацию бесполезной. По словам Холмса, в среднем около половины обратившихся за помощью решали заплатить.[2]

Идея Интернет-консультирования стала распространяться и в других странах. Только в 2002 году насчитывалось более 500 частных сайтов виртуальных клиник. Сейчас их гораздо больше.

Существует несколько форм психологического Интернет-консультирования, и все они аналогичны формам общения в Интернет. Консультирование проходит в двух режимах: *online* (в реальном времени), *offline* (вне сети). В зависимости от режима у Вас есть выбор ряда соответствующих ему форм. Так, в реальном времени Вы можете проконсультироваться в форме обмена короткими сообщениями (чат) или использовать для этого форум. Если же Вы предпочитаете тщательно обдумать свою проблему вне сети Интернет, специально для Вас существует электронные письма, форум, сайты “вопрос-ответ”. Клиенты, желающие услышать голос своего Интернет-консультанта или даже увидеть его, могут воспользоваться Интернет-телефонией (Skype) или Видео-Конференцией. Последние две формы консультирования недостаточно распространены на сегодняшний день, во-первых, потому что они значительно дороже в цене, а во-вторых, они не предусматривают такой анонимности, ради которой многие люди ищут помощи в сети Интернет.

---

[1] «История Е-терапии» http://www.prof-consultant.ru/

[2] A. Brauner. «Cybertherapy: Ready for prime time? » // http://www.cnn.com/HEALTH/alternative/9906/10/therapy.cyber.depression, (1999)

Большинство сайтов, предлагающих психологическую помощь, указывают на то, что Интернет-консультирование - это альтернативный источник психологической помощи в случаях, когда традиционное невозможно. Оно не является заменой традиционного консультирования. Но в то же время Интернет-консультирование имеет немало преимуществ в сравнении с очным психологическим консультированием.

Основные достоинства (для клиента):

1. Возможность получить консультацию для людей с ограниченными возможностями (инвалидов), а также для тех, кто имеет трудности доступа очных консультаций (людей в географически изолированных местах жительства).[3]
2. Значительно меньшая привязка общения ко времени и месту позволяет клиенту не ждать назначенного срока приема, а выражать свое состояние в любой удобный ему момент.
3. Анонимность клиента. Меньший риск нарушения конфиденциальности, большее доверие к психологу в ситуации полного отсутствия персонификации. Проявляется “Эффект попутчика”, вымышленное имя (ник) клиента обеспечивает ему полную безопасность и возможность выговориться.
4. Письменное изложение проблемы является самовыражением и первичным рефлексивным анализом проблемы клиента. Тщательно продуманное, систематичное описание проблемы – первый шаг на пути ее решения (“скиботерапия”).[4]
5. Возможность получения консультаций на родном языке для эмигрантов.
6. Возможность продолжения консультирования или психотерапии в случае вынужденного отъезда консультанта или клиента.
7. Многие люди отмечают, что единственным мотивом использования Интернет-консультирования является не

---

[3] M. Griffiths «Looking into online therapy» // http://www.healthmatters.org.uk/issue43/onlinetherapy (2000)

[4] Ягнюк К. «Психологическая помощь: информация для потенциального пользователя». // Журнал практической психологии и психоанализа №3, М., 2005

существенность проблемы, когда просто необходимо только посоветоваться или узнать информацию.

Основные достоинства (для консультанта):

1. Гибкий график работы с клиентами.
2. Отсутствие арендной платы за помещение, оборудование.
3. Возможность безоценочного отношения к клиенту. (В отличие от очных консультаций, где у психолога могут проявиться такие человеческие факторы как оценка внешнего вида клиента, его материального положения, неприязнь определенных черт характера).

И все же, несмотря на такие обнадеживающие преимущества, многие психологи предпочитают придерживаться “классической школы” традиционных консультаций, приводя следующие аргументы против консультирования в сети Интернет:

1. Отсутствие “живого контакта”. Психолог-консультант, психотерапевт во время сеанса “экран к экрану” лишен невербальной стороны коммуникации (тембр голоса, интонации, эмоции, мимика, жесты, рефлекторные реакции клиента). Изображение на экране компьютера маленьких улыбающихся или недовольных физиономий (смайлов) едва ли способно заменить реальное человеческое взаимодействие, его самочувствие. Так как мимика – это комплексная реакция, а рисунок на экране не отражает даже ее часть.
2. Переписка через электронную почту, как наиболее распространенная форма консультирования, дает мало возможностей для полноценного, непосредственного диалога; существует риск неверного понимания, так как текст практически лишен эмоциональной окраски.
3. Как правило, сохраненные тексты переписки (протоколы) являются одной из причин возникновения ригидности и шаблонности консультирования. У психологов-консультантов ухудшается восприятие и понимание проблемы каждого отдельного клиента.
4. Отсутствие возможности у клиента узнать достоверную информацию о специальном образовании консультанта, его квалификации. В результате в сети Интернет появляются многочисленные сайты недипломированных, неквалифицированных консультантов, которые могут нанести вред обратившимся за помощью клиентам. В результате, из-за деятельности подобных мошенников искажается общественное мнение о качественной работе

профессионального сообщества. Следует отметить, что клиенты ряда западных стран проверяют профессиональность своих виртуальных терапевтов с помощью специальных служб (www.metanoia.com).

5. Анонимность клиента приводит к потере контроля над ситуацией консультирования или терапии.

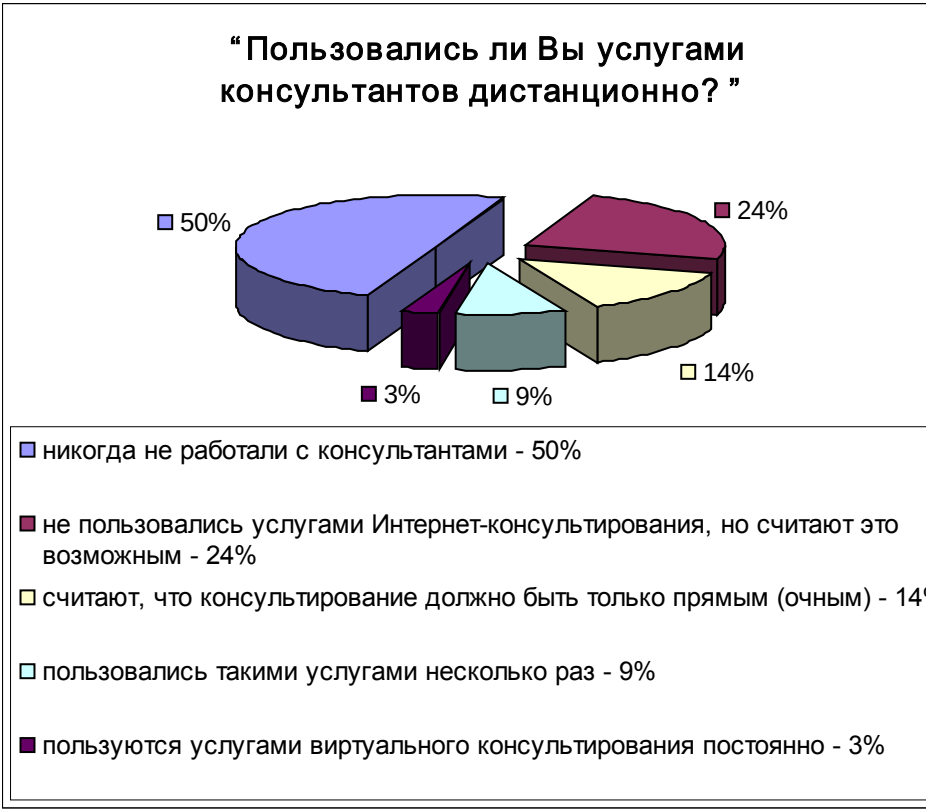
6. Ложная конфиденциальность. Любая информация, тексты сообщения в Интернет могут быть "взломаны", перехвачены, или просмотрены на экране компьютера другими людьми, работающими рядом с психологом.

Несмотря на то, что многие психологи, работающие в режиме онлайн, подчеркивают, что они не занимаются психотерапией, а лишь дают руководящие указания и советы, есть немалое количество сайтов, открыто предлагающих психотерапию по Интернет. То есть в действительности, в сети работают такие специалисты, которые готовы взять на себя ответственность постановки диагноза заочно и лечения соответствующих расстройств в отсутствии живого контакта с клиентом.

Интернет-консультирование подходит не для всех. Существует ряд проблем, связанных с острыми кризисными переживаниями человека, от решения которых большая часть психологов-консультантов отказываются. Но до сих пор нет четких границ и критериев оценки сложности проблем, с которыми консультанты готовы или не готовы работать. Этот вопрос до сих пор остается открытым, и решение его зависит от многих факторов, таких как: профессиональность консультантов, осведомленность клиентов, а также определение методов регулирования и контроля деятельности "виртуальных клиник".

На многих сайтах психологических ресурсов помещен опрос: "Пользовались ли Вы услугами консультантов дистанционно? "[5], опрос активен и в настоящее время. Но на данный момент результаты показывают следующее:

[5] Опрос "Пользовались ли Вы услугами консультантов дистанционно? " // http//:www.psychology.net.ru/vote/?vote_id=10



В опросе участвовало 5527 респондентов. Результаты еще раз доказывают новаторство и не изученность актуальной проблемы.

До сих пор отсутствуют научные данные, подтверждающие эффективность виртуальной психологической помощи в качестве средства разрешения психологических проблем, и также неоправданна Интернет-психотерапия.

Подводя итоги можно сказать, что Интернет-консультирование – это новый способ предоставления психологической информации и услуг, который может носить просветительский, а иногда и терапевтический характер. Но способ виртуальной помощи подходит не всем. Также эффективность многих “методов терапии”, осуществляемых на расстоянии, сомнительна. Поэтому, потребители должны относиться к таким службам с большой осторожностью, знать

о риске их использования, о ее положительных и отрицательных сторонах.

Литература:

1. Львова А. И., Рязанцева И.А. «Интернет-тренинг как новая возможность групповой психологической работы». // http://flogiston.ru/articles/netpsy/inet_training (2004)
2. Опрос “Пользовались ли Вы услугами консультантов дистанционно? ” // http//:www.psychology.net.ru/vote/?vote_id=10
3. Кун Д. «Основы психологии: Все тайны поведения человека»
4. «Психология может быть очень разной». // http://www.psycon.ru/?pg=lib&subpg=letters&vpg=psy1
5. http://www.consulty.ru/
6. Абрамова Г. С. Практическая психология. М, 2001
7. «Консультации психолога по Интернет». // www.prof-consultant.ru/
8. В. Урумийский «Астро-психологическая и психологическая помощь в Интернете» // http://www.astro-sirius.ru/articles.html
9. «История Е-терапии» http://www.prof-consultant.ru/
10. Ягнюк К. «Преимущества и недостатки виртуальной консультации психолога». // http://www.yagniuk.ru/page.php?id=8
11. Ягнюк К. «Психологическая помощь: информация для потенциального пользователя». // Журнал практической психологии и психоанализа №3, М., 2005
12. A. Brauner. «Cybertherapy: Ready for prime time? » // http://www.cnn.com/HEALTH/alternative/9906/10/therapy.cyber.depression, (1999)
13. J. Ingram. «Cybertherapy: Pariah With Promise? » // http://www.selfhelpmagazine.com/ppc/viewpoint/cybparpr.html (1998)
14. M. Griffiths «Looking into online therapy» // http://www.healthmatters.org.uk/issue43/onlinetherapy (2000)
15. L. Holmes. «Cybertherapy - is it really therapy? » // http://mentalhealth.about.com
16. J. Soderlund «The ethics and law of online therapy» // http://www.newtherapist.com/ethicsonline
17. G. Stofle «Thoughts about Online Psychotherapy: Ethical and Practical Considerations» http://members.aol.com/stofle/onlinepsych.htm

НЕХИМИЧЕСКИЕ ЗАВИСИМОСТИ: ПРОБЛЕМЫ ДИАГНОСТИКИ ЦЕННОСТНО-СМЫСЛОВОЙ СФЕРЫ ЛИЧНОСТИ

Митюкова Наталья (г.Иркутск)

О нехимических зависимостях или аддикциях активно заговорили в нашей стране лишь последние несколько лет, хотя в европейской и американской науке исследователи уже три десятилетия доказывают важность и социальную своевременность этого вопроса.

«Химическая аддикция базируется на опыте, который наркотик дает человеку, и месте, которое этот опыт занимает в жизни человека. Все, что дает сравнимый опыт, может также вызвать аддикцию.» С.Пиил (Peele, 1981).

Коварство нехимических зависимостей в их «замаскированности», т.е. при том, что они имеют ту же структуру и механизмы, что и химические зависимости, они до определенной поры не так явно видны в своей разрушительной силе. При этом до сих пор не до конца выделены точное определение и критерии диагностики нехимических зависимостей, поскольку грань между зависимым поведением и просто использованием объекта для удовольствия и удовлетворения потребностей является еще более тонкой, чем при химических зависимостях – алкоголизме, наркомании и др.

Первая классификация нехимических аддикций в России была предложена совсем недавно Ц.П. Короленко (2001). Он выделил непосредственно нехимические аддикции, к которым относятся азартные игры (гэмблинг), аддикция отношений, сексуальная, любовная аддикция, аддикция избегания, работоголизм, аддикция к трате денег, ургентная аддикция, а также промежуточные аддикции, например, аддикция к еде (переедание и голодание), характеризующиеся тем, что при этой форме задействуются непосредственно биохимические механизмы. Кроме вышеперечисленных, в настоящее время в научной литературе описано значительное количество других нехимических аддикций: многообразные компьютерные зависимости или Интернет-

зависимости, фанатизм как одна их форм аддиктивного поведения и др.

В своей исследовательской работе мы исходим из определения А.Ю. Егорова, где под нехимическими аддикциями или зависимостями понимаются те, где объектом становится поведенческий паттерн, а не психоактивные вещества. (Егоров А.Ю., 2004)

Особенность нехимической зависимости в действии исподволь, при этом при внешнем благополучии разрушаются тонкие психические механизмы. Нехимические зависимости очень часто и проявляют себя лишь в косвенных признаках, таких, как депрессия, кризисные психические состояния, неэффективность жизненных действий и решений и пр.

При этом имеющиеся в настоящее время диагностические системы по выявлению аддиктивного поведения, где объектом зависимости является какой-либо нехимический агент, направлены на выявление лишь отдельных дезадаптивных характерологических черт, без учета взаимного влияния других составляющих личности, включая ее ценностно-смысловую, духовную направленность.

Задача изучения ценностно-смысловой сферы при зависимостях является особенно сложной. Поскольку диагностировать реальные факты можно при их непосредственном наблюдении, тогда как диагностировать ценности и смыслы можно только при беседе о них и лишь косвенно в реальном поведении и деятельности.

Объектом нашего интереса стали методики, которые позволяют диагностировать не только представления о потребностях, смыслах и ценностях, но и их проявление в реальном жизненном поведении и деятельности.

Было проведено предварительное пилотажное исследование, основной целью которого было выявить факторы, мешающие эффективному сбору информации с помощью различных диагностических методик и опросников, изучающих ценностно-смысловую сферу нехимически зависимых.

Опираясь на биопсихосоциодуховную модель развития человека, мы выделили три основные ценностно-потребностные сферы: материально-биологическую, социально-психологическую и духовную. Далее было проанализировано большое количество диагностических методик, направленных на изучение потребностей,

ценностей, смыслов личности, что составляет основу поведения и деятельности.

Анализ и наблюдения позволили отметить следующие проблемы их применения в диагностических обследования и исследованиях ценностно-смысловой сферы, посвященных проблеме зависимого поведения:

1. **Проблема отрицания.** Основной проблемой любой зависимости является механизм отрицания. Зависимый человек попадает в замкнутый круг отрицания, где все психические функции претерпевают изменения, и в итоге из сознания исключаются факты, подтверждающие, что привязанность к объекту зависимости стала настолько сильна, что начинает разрушать различные аспекты жизнедеятельности: здоровье, отношения, духовные смыслы и ценности.

В клинической психологии используется специальный термин - анозогнозия – снижение критической оценки больными отдельных болезненных симптомов или болезни в целом. Применительно к немедицинской психологии – механизм отрицания является одним из основных защитных механизмов.

С одной стороны механизм отрицания приводит к тому, что при ответе на диагностические вопросы, человек может быть сознательно максимально искренен, но бессознательно будет искажать информацию в сторону социально желательных ответов. С другой стороны, объект зависимости настолько центрирует на себе мысли, чувства и действия, что все остальное в жизни теряет свой смысл, и как правило, можно встретить две реакции на диагностическое обследование: реакцию сопротивления или отказа к выполнению методики или реакцию низкой мотивации, когда ответы на тестовые вопросы будут искажены за счет нежелания вдумываться и вчитываться в их смысл. Безусловно, все перечисленные выше реакции можно отнести к защитным, но защищают они лишь от признания самого факта зависимости от какого-либо объекта.

Поскольку механизмы отрицания очень сложны, чем выше интеллектуальный и культурный уровень, тем больше у проходящих диагностическое обследование возможностей понимать смысл того или иного вопросы, и соответственно делать выбор в сторону более желательного ответа. В таком случае выявить зависимое поведение «извне», с помощью опросников и тестов практически невозможно.

Об этом неоднократно пишут психологи и психотерапевты, работающие на консультативном приеме. Особенно достается психологам, не имеющим специальной подготовки, их в буквальном смысле «разводят» приходящие клиенты с зависимым поведением. И тогда происходящая дальше работа показывает свою неэффективность.

Пример: женщина, 28 лет, предположение на нехимическую зависимость - созависимость, когда член один или несколько членов семьи являются алкоголиками, при прохождении опросника САМОАЛ (Опросник самоактуализации, Шостром) – показывает по многим шкалам высокий результаты, что свидетельствует о гармоничности личности, ее высокой коммуникативной успешности. Между тем факты жизненной истории говорят о разрушении и дисбалансе эмоциональной и коммуникативной сферы.

Более того, специалисты медики и психологи, работающие с зависимым поведением, сами подвержены различного рода зависимостям, но все тот же механизм отрицания приводит к «слепоте» по отношения к собственной зависимости.

2. **Проблема алекситимии. С**ниженная способность или затрудненность в определении и вербализации эмоциональных состояний. При различных формах химических и нехимических зависимостях является особенно распространенной. Это наблюдение является серьезным препятствием для проведения диагностических исследований, поскольку многие психодиагностические вопросы при изучении потребностей, ценностей и смыслов относятся к сфере чувств и желаний.

Пример: мужчина в возрасте 27 лет, по фактам испытывающий сложности, условно определяемые как игровая зависимость при вопросах, какие чувства он испытывает по этому поводу, недоуменно пожимает плечами, говоря о том, что эти вопросы не «имеют отношения к его проблемам», при дальнейшей настойчивости специалиста выявляются трудности в нахождении и обозначении чувств.

3. **Проблема отделенности науки от практики.** Многие диагностические методики разработаны научными исследователями и далеко не всегда находят подтверждения у тех, кто непосредственной занимается консультативной и практической работой, поскольку проблема зависимого поведения в силу морально-этических

соображений и сложности является достаточно скользкой и тонкой и требует многолетнего практического опыта.

4. **Проблема некомплексного подхода**. Зависимое поведение проявляется в постепенном разрушении какой-либо жизненно важной сферы. Согласно выделенным нами сферам: материально-биологической, социально-психологической и духовной исследование только всех этих составляющих может показать объективную картину. При определенной нехимической зависимости какая-либо из сфер (они являются равноценно важными) начинает расти, а поскольку они находятся в тесной взаимосвязи, то увеличение одной из сфер начинает пропорционально уменьшать другие.

Примеры:

- трудоголизм, зависимость находится в социальной сфере, начинают разрушаться или обедняться здоровье, отношения и другие смыслы кроме работы, т.е. разрушается материально-биологическая и духовная сфера.

- пищевая зависимость или переедание: пространство развития заполняет пища и первичные биологические ценности: комфорт, еда, тогда как честные социальные отношения и духовный поиск как ценности, требующие приложения усилий отходят на второй план

- религиозный фанатизм: все больше и больше времени и жизненных сил уходят на объект зависимости, в данном случае – религиозные ритуалы и специфическое общение в группе, но, к примеру, страдают семейные отношения и материальное обеспечение.

В этом, по нашему мнению, и состоит особенность диагностики нехимически зависимого поведения: сам объект зависимости может быть в своей основе социально желательной и одобряемой ценностью, но при своем разрастании способен превратиться в разрушительную силу. Это очень похоже на раковую опухоль, только душевную. Т.е. вполне нормальная клетка начинает расти, превращаясь в клетку, которая противостоит всему остальному организму, постепенно и сначала медленно разрушая его, прорастая все больше и больше в другие части и разрушая и их тоже.

Выводы:

1. Все вышесказанное является нашими гипотезами, выстроенными на основе наблюдений и отчетов клиентов, и требует подтверждения и расширения. Соответственно необходима разработка принципиально новых диагностических методик, базирующихся на

фактах, максимально исключающих возможность искажения информации.

2. Мы можем предположить, что применительно к проблеме изучения ценностно-смысловой сферы при нехимически зависимом поведении уже разработанный диагностический инструментарий не показывает свою эффективность и требует дальнейших исследований в этой области.

3. И, наконец, при диагностической и консультативной работе с проблемой нехимически зависимого поведения, необходим наиболее новый, и, по нашему мнению, прогрессивный – комплексный или интегративный подход, объединяющий различные уровни понимания проблемы и различные жизненные ценности: материально-биологические, социально-психологические и духовные.

Литература:

1. Егоров А.Ю. К вопросу о новых теоретических аспектах аддиктологии // В кн.: Наркология и аддиктология. Сб. науч. тр./ Под ред. проф. В.Д. Менделевича. – Казань: Школа. – 2004. – 128с.
2. Короленко Ц.П. Аддиктивное поведение. Общая характеристика и закономерности развития // Обозрение психиатрии и медицинской психологии. – 1991. - № 1. – С. 8-15.
3. Менделевич В.Д. , Садыкова Р.Г. Зависимость как психологический и психопатологический феномен (проблемы диагностики и дифференциации)// Вестник клинической психологии. – 2003. – Т.1. - № 2. – С. 153-158.
4. Peele S. Howw Much is Too Much? Prentice Hall Publishers, New York. – 1981.

ОСУЩЕСТВЛЕНИЕ ЖЕНЩИНЫ: К АРХЕТИПУ И ОБРАТНО

Мицкевич Светлана (г. Минск)

Важнейшей особенностью любой естественной экосистемы является ее способность к саморегулированию. Стабильность экосистемы

находится в прямой зависимости от ее сложности. Только при взаимосвязанном существовании разнообразных видов организмов, выпадение любого звена в цепочке экосистемы не приводит к ее изменению.

Из объяснений на уроке биологии, 11 класс.

Коротконосая кукла...
Верно, в детстве мама её
Мало за нос тянула!
Еса Бусон.

Каждая женщина стоит пред выбором: своего пути, предназначения, самореализации. Даже в прошлом, когда экономический уклад, общественная мораль и родительское мнение были определяющими, окончательный выбор совершался женщиной: уйти в монастырь, отказаться от замужества или, напротив, уехать вслед за мужем в Сибирь. Однако, пусть беглый, анализ положения женщины во времена различных общественных формаций показывает, что современная женщина находится в несомненно более выигрышной позиции, обладая большими правами, независимостью, свободой. С другой стороны, утраченная в настоящем преемственность поколений, потеря сакрального смысла многих обрядов и инициаций, вводивших девочек и девушек в сложный мир взрослых женщин, планомерное уничтожение вековых традиций на протяжении почти столетия закономерно привели к утрате женщиной смысловых ориентиров. Той самой нити, следуя за которой героиня проходила свой путь, насколько бы трудным и опасным он не был.

Как показывает практика, среди проблем, заявляемых клиентками, по-прежнему лидирующее положение занимает проблема самоопределения. Облекается ли это в жалобу на непонимание со стороны мужа, испорченные отношения с детьми, неспособность продвинуться по карьерной лестнице, незнание, куда двигаться дальше в профессиональной сфере, невозможность выйти замуж, желание предотвратить развод, жалобы на возрастной кризис и т.д. Во всем разнообразии запросов, как правило, искусно замаскирована просьба указать путь, по которому надо двигаться, помочь принять решение или даже сделать выбор вместо самой женщины.

В подобных случаях особенно эффективной представляется работа с бессознательным, где каждый человек может почерпнуть ответы на самые сокровенные вопросы. Для этого используют подходы, позволяющие клиенту, при помощи интенсивных интегративных психотехнологий, достигать измененного состояния сознания, в котором происходит трансформация и интеграция личности [3, 5]. Как образно заметил К. Г. Юнг: «Погружаясь в себя и описывая это погружение, мы переживаем и определяем основы нашего бытия, т.е. «основываем» себя» [7]. В тоже время, требуется некий навык, опыт в интерпретации подобных символов и знаков бессознательного, что предполагает работу с профессионалом – психоаналитиком, психологом, терапевтом, шаманом... Однако во главу угла может быть поставлен не столько индивидуальный опыт личности, сколько обращение к архетипическим образам, существующим в коллективном слое бессознательного. Наиболее полно примеры архетипов проявлены в мифах [8].

Возвращаясь к практике работы с женщинами, укажем на возможность использования архетипических образов богинь из греческой мифологии, предложенную Дж. Болен. В качестве основных архетипов она выделяет семерых богинь: Деметру, богиню материнства, Персефону – дочь, Геру – жену, Афродиту – возлюбленную, Артемиду – сестру и соперницу, Афину – стратега, Гестию – хранительницу домашнего очага [2]. Общий анализ данных образов согласуется с идеями о том, что мифы могут быть представлены как выражение вытесненных, недостижимых в реальной ситуации, благ и удовольствий [4, 6]. Вероятно, поэтому возникают образы Афродиты, Афины и Артемиды, воплощающие сексуальность, женский ум и независимость – те проявления женщин, которые подавлялись в патриархальной Греции. А потому могли быть воплощены лишь в сверхчеловеческих фигурах богинь. В тоже время, мифы зачастую указывали на двойственность архетипов, создавая ряд сюжетов, в которых богини отображались в разных обличиях. Например, в греческой мифологии Гера, с одной стороны, почиталась как могущественная богиня брака, а с другой – была известна своей мстительностью, ревностью и вздорным характером. Тем самым, человек сперва приписывал неограниченные возможности и доблести образам богов, возлагая на них собственные проекции. А затем, обнаруживая некую уязвимость божественных фигур, их

человечность в несовершенстве, индивид мог идентифицировать себя с ними.

Основываясь на подобной классификации женских архетипов, терапевт, психолог может выбрать собственную практику из многих, помогающую женщине разобраться в проявлениях архетипического наполнения, скрывающегося за образами богинь. Выводя на поверхность из пучин бессознательного каждую из богинь, иными словами, каждую из своих субличностей, женщина не только осознает их присутствие и представленность в своей личности, но и становится способной сознательно управлять ими. Иными словами, за процессом отождествления, интеграции с архетипическими фигурами, происходит процесс дифференциации от них, что позволяет «властвовать над тем, с чем мы себя разотождествляем» [1]. Кроме того, осознавая сущность различных архетипов, женщина яснее представляет, что именно побуждает к действию и ее, и окружающих. В конечном итоге подобная работа с собственным бессознательным помогает женщине принять себя и других, найти свой путь и уверенно двигаться по нему, меняя при надобности направления, воплощаясь во все новые архетипы. Каждая женщина может решить для себя, будет ли она реализовывать себя как жену, мать, любовницу или профессионала. И сопутствовать любому из выборов будет четкое осознание, что данное воплощение не лучше и не хуже других, и его можно убрать в тень при надобности, или, напротив, культивировать для достижения настоящей цели. И тогда женщина сможет научиться легко переходить из одного образа в другой, реализуя свои потенции в полной мере. В противном случае, когда в ответ на некое жизненное событие происходит активизация архетипа без участия личности, она подчиняется ему на уровне инстинктов и становится неспособной прислушаться к воле или рассудку. Как отмечал К.Г. Юнг, в подобных случаях архетип может разрастаться до чего-то патологического, например, невроза [8].

Если на некотором отрезке расположить всех женщин в соответствии с их мнением о собственном предназначении, то на противоположных концах его окажутся, с одной стороны, домохозяйки, поддерживаемые патриархальным обществом, а с другой – женщины, выстраивающие свою карьеру, профессионалы высокого класса, чьи права отстаиваются феминистками. Однако как только женщина делает ставку на одну сторону своей личности,

сознательно преграждая иные возможности, она обедняет свою личность, делает ее более уязвимой. К тому же интенции, вытесненные в бессознательное, могут игнорироваться некоторое, ограниченное, время. Рано или поздно все вытесненные желания прорвутся наружу. Как правило, это случается в самый неподходящий момент и в самой непривлекательной форме. Поэтому женщине, которая по своему сущностному предназначению ближе к природе, следует учиться у нее мудрости. Природа никогда не останавливается на одном варианте, неизменно отдавая предпочтение многообразию.

Литература:

1. Ассаджоли Р. Психосинтез: теория и практика. – М.: «REFL-book», 1994. – 314 с.

2. Болен Дж. Богини в каждой женщине. Новая психология женщины. Архетипы богинь / Пер. с англ. Г.Бахтияровой, О.Бахтиярова. М.: ИД "София", 2006. – 272 с.

3. Гроф С., Уилбер К., Веховски А. Маслоу А. Внутреннее пространство. Методическое пособие к семинарам по холотропному дыханию. – М. Независимая ассоциация психологов-практиков, 1996. – 188 с.

4. Джонсон Р.А. Она: Глубинные аспекты женской психологии / Пер. с англ. – М.: «Когито-Центр», 2005. – 112 с.

5. Козлов В.В. Психотехнологии измененных состояний сознания / 2-е изд., испр. и доп. – М.: Изд-во Института психотерапии, 2005. – 537 с.

6. Ранк О. Закс Г. Психоаналитическое исследование мифов и сказок // Между Эдипом и Озирисом: Становление психоаналитической концепции мифа / Сборник. Переводы с нем. – Львов: Инициатива, М.: Изд-во «Совершенство», 1998. – С. 207 – 244.

7. Юнг К.Г. Душа и миф. Шесть архетипов / К.Г. Юнг; Пер. А.А. Спектор. – Мн.: Харвест, 2004. – 400 с.

8. Юнг. К.Г. Структура психики и процесс индивидуации. – М.: Наука, 1996 – 296 с.

СТРУКТУРА ИДЕНТИЧНОСТИ ИНВАЛИДОВ ВСЛЕДСТВИЕ ХРОНИЧЕСКОЙ ЭНДОКРИННОЙ ПАТОЛОГИИ И ОНКОЛОГИЧЕСКИХ ЗАБОЛЕВАНИЙ.

Е.В. Морозова, Н.Б. Шабалина (г. Москва)

Одной из основных проблем социальной политики нашего государства на современном этапе развития общества, является проблема социально-психологической адаптации инвалидов.

Ранее критерием успешной адаптации инвалида было его трудоустройство, без учета профессиональных знаний и желаний самого человека. Как правило, инвалидами реализовывались низко квалифицированные и не престижные виды труда. Человек обычно утрачивал возможность трудиться, по своей специальности, использовать свои профессиональные навыки и знания, и тем самым становился ущербным, теряя не только свой прежний социальный статус, но и профессиональную идентичность, при этом формально считаясь трудоустроенным (Шабалина Н.Б., Т.А. Добровольская, 1986) [9].

Социально-психологическую адаптацию на современном этапе развития общества невозможно свести к традиционной дихотомии «трудоустроен-нетрудоустроен», она приобрела неоднородную структуру, включающую в себя весь возникающий комплекс социально-психологических последствий, влияющих на качество жизни, к которым необходимо приспособиться.

В современной концепции медико-социальной экспертизы инвалидность устанавливается исходя из ограничений в различных видах жизнедеятельности, возникающих вследствие инвалидизирующего заболевания, что дает инвалиду простор и возможность для более полной социально-психологической адаптации к изменившимся условиям жизни [8].

Однако здесь часто возникает конфликт между реальными способностями, желаниями человека, с одной стороны и возможностями, которые ему предоставляет общество, с другой стороны, что в свою очередь затрудняет этот непростой период в жизни, требующий социально-психологической адаптации.

Возникший дисбаланс в жизни инвалида неизбежно подводит его к новой специфической кризисной ситуации, требующей адаптации. Недаром такие отечественные исследователи, как Л.И.

Анциферова, Б.В. Зейгарник, Б.С.Братусь, В.В. Козлов, Ф.В. Василюк, считают возможным рассматривать инвалидность как ненормативный кризис развития личности, приводящий к формированию новой социальной ситуации развития в условиях болезни и инвалидности. [1, 2, 3, 7]

Негативный исход адаптации проявляется в возникновении ряда социально-психологических последствий, выражающихся в дезадаптированности различной степени выраженности. Возникшая экономическая нестабильности, а может быть и зависимость, изменившееся состояние здоровья, и другие возможные последствия, связанные с заболеванием и инвалидностью, подвергают проверке устоявшиеся представления человека о себе. Теряя многие внешние опоры, человек остается один на один с тем, что осталось в нем самом, в его личности [7]. Потеря понимания человеком того, кто он, чего он хочет, и к чему стремиться сопровождается негативным спектром чувств и эмоций, что в свою очередь создает благотворную почву для развития негативного самоотношения, чувства ущербности, неполноценности и ненужности самому себе, своему ближайшему окружению и обществу в целом.

В зависимости от заболевания адаптация протекает по-разному и имеет свои особенности, что обуславливается течением заболевания, тяжестью дефекта, дальнейшим прогнозом и многими другими объективными и субъективными факторами.

На наш взгляд, социально-психологическую адаптацию следует рассматривать с точки зрения индивидуально-личностных и средовых ресурсов затраченных на ее реализацию.

Мы считаем, что одним из таких индивидуально-личностных ресурсов является идентичность человека, то есть самовосприятие человеком себя: своих качеств, способностей, причисление себя к значимым социальным группам, в чем выражается проявление всего социального и личностного опыта человека.

Идентичность имеет несколько функций: адаптационную, в смысле приспособления к новым социальным условиям; ориентировочную – как поиск своего места в социальном пространстве; целевую, формирующую модели поведения, способную влиять на стратегии жизненного выбора; а также экзистенциальную - как осмысление своей сущности, целостности и устойчивости в этом мире.

Понятие «идентичность» связывают в психологии с именами Э.Эриксона и Э.Фромма. Их предшественником, в этом смысле был З.Фрейд, который ввел в своих работах термин «идентификация».

Изучением социальной идентичности в современной отечественной и зарубежной психологии занимались многие отечественные и зарубежные ученые (Г.М. Андреева, Е.П. Белинская, Н.Л. Иванова, В.А. Ядов, D. Abrams, M.Augustions, A.Hogg, H.Tajfel, J.Terner).

В самосознании человека идентичность представлена определенным комплексом идентификационных характеристик, представляющих собой единство когнитивных, мотивационных и ценностных компонентов.

Рассмотрение идентификационных характеристик инвалидов предпринятое в нашем исследовании, имеет практическую значимость в отношении выявления степени их ролевой идентификации с этим статусом, а также с ролью больного, в зависимости от уровня социально-психологической адаптации, срока пребывания на инвалидности, и особенностей заболевания (хроническое заболевание, либо онкологическое заболевание, связанное с внезапной витальной угрозой).

Ранее каких-либо исследований в области изучения идентификационных характеристик инвалидов данных нозологий не проводилось.

Изучая структуру идентичности инвалидов с хронической эндокринной патологией и онкологическими заболеваниями, мы предположили, что их социально-психологическая адаптация, в условиях неопределенности, изменения своих возможностей и социального статуса, сопровождается трансформацией идентификационных характеристик, выражающихся в появлении каких-либо новых ролевых позиций, а также в различной степени насыщенности остальных ролевых позиций, в зависимости от ситуации в которой находится человек.

Пациенты, с вышеуказанными нозологиями, исследовались в двух различных жизненных ситуациях: одна группа пациентов находилась в процессе медико-социальной экспертизы в Федеральном Бюро МСЭ (экспертные пациенты), другая группа пациентов находилась в клинике на лечении по обязательному медицинскому страхованию (пациенты по ОМС). Необходимо отметить, что

экспертные пациенты проходили третью медико-экспертную комиссию ввиду, их несогласия с двумя предыдущими экспертными решениями «о непризнании лица инвалидом», либо «о снижении группы инвалидности». Медико-социальная экспертиза проводилась сначала на местном уровне (по месту жительства), затем на городском (Городское Бюро медико-социальной экспертизы), и далее по обжалованию пациента в Государственном Федеральном бюро медико-социальной экспертизы. Данный факт дает основание предположить, что сам по себе этот период неопределенности, в течение которого человек настойчиво доказывает свою принадлежность к определенной социальной группе, является стрессовой и конфликтной ситуацией, способной влиять на его самосознание и повлечь за собой изменения в структуре идентичности, спровоцировав ее кризис.

В социально-психологическом плане кризис идентичности понимается нами, как определенный уровень самосознания личности при котором, большинство социальных и личностных навыков и категорий утрачены, либо значительные изменены.

Для исследования структуры идентичности мы применили широко используемую в этих целях методику «Двадцать утверждений» (M.Kuhn, T.McPartland). Обрабатывались полученные результаты с помощью шкалы, разработанной Ивановой Н.Л. [4]. В данную шкалу нами было внесено, либо отдельно выделено, несколько особенно интересующих нас позиций: «роль больного», «роль инвалида», «роль пенсионера», «негативные самоописания», «невозможность самоописания» и «общее количество ответов».

С целью выявления уровня социально-психологической адаптации мы применили методику «Диагностика социально-психологической адаптации К.Роджерса и Р.Даймонда» (СПА).

Исследуемый контингент составил 131 человек. Из них 79 чел. женщины – 60% и 52 чел. мужчины – 40 %. Средний возраст женщин составил - 44 года, мужчин – 43 года. Пациентов с диагнозом хроническая эндокринная патология (сахарный диабет 1 и 2 типа) было обследовано – 88 чел. – 67% (средний возраст – 42 года). Из них 51 чел. женщины и 37 чел. мужчины. Онкологические больные 43 чел. – 33% (средний возраст 46 лет.), из них 28 чел. – женщины, 15 чел. мужчины. Группа экспертных пациентов составила 87 чел. – 66%

(средний возраст 43,5 лет), группа пациентов находящихся на лечении по ОМС составила 45 чел – 34 % (средний возраст 43 года).

С целью выявления изменений исследуемых показателей в динамике мы разделили всех инвалидов по срокам пребывания на инвалидности, что дало возможность выделить три подгруппы: первично претендующих на статус инвалидов, находящихся на инвалидности от 1 года до 9 лет и находящихся на инвалидности свыше 10 лет.

С целью выделения двух групп отличающихся по уровню адаптации мы разделили всех пациентов на основании результатов теста СПА. В группу относительно адаптированных (31 чел.), вошли пациенты с общим суммарным показателем адаптации от 63% и выше (наивысший показатель социально-психологической адаптации в этой группе составил 85%), а в группу дезадаптированных вошли пациенты (32 чел.) с общим суммарным показателем от 33% и ниже (наиболее низкий показатель социально-психологической адаптации в этой группе составил 11%). Суммарный показатель уровня социально-психологической адаптации в группе относительно адаптированных пациентов составил 69,5 ($p<0,01$), суммарный показатель уровня социально-психологической адаптации в группе дезадаптированных составил 23,06 ($p<0,01$), что является статистически достоверно.

Предварительный анализ структуры идентичности обнаруживает частое использование пациентами всех вышеперечисленных групп таких описательных характеристик как: «я больной», «я нездоровый человек», «я болею сахарным диабетом», «я диабетик», «я онкологический больной», «я безнадежно больной», что на наш взгляд, является особым характерным специфическим проявлением в структуре идентичности больного человека. В своем исследовании мы назвали данный вид идентичности *«ill-идентичность»*.

В целом можно сказать, что идентификация с ролью инвалида *«я инвалид»*, и *«ill-идентичность»* присутствует во всех перечисленных группах и довольно часто используется человеком, оказавшимся в ситуации болезни и инвалидности в ответах самому себе на вопрос: «Кто Я?»

Однако, различная выраженность данных идентификационных характеристик, наблюдается в группах отличающихся по уровню адаптации и по длительности пребывания на инвалидности.

Проведенный анализ идентификационных характеристик ***в группе относительно адаптированных и дезадаптированных пациентов*** выявляет ***достоверные статистические различия*** по следующим позициям: *«роль инвалида», «ill-идентичность», «самоописание личностных качеств», «негативные самоописания», «полоролевая идентичность», «перспектива общения», «самооценка социальных навыков», «общая способность к процессу самоидентификации».*

В группе дезадаптированных пациентов суммарный показатель *«роли инвалида»* составил 0,44 ($p<0,01$), а в группе адаптированных пациентов 0,06 ($p<0,01$), *«ill-идентичность»* в группе дезадаптированных пациентов составила 0,72 ($p<0,05$), что значительно превысило показатель по этой позиции в группе относительно адаптированных пациентов 0,35 ($p<0,05$).

У относительно адаптированных пациентов суммарный показатель «*самоописания своих личностных качеств»* составил 4,71 ($p<0,05$), у дезадаптированных пациентов, 2,44 ($p<0,05$); «*полоролевая идентичность»* у относительно адаптированных пациентов 0,65 ($p<0,01$), у дезадаптированных пациентов 0,31 ($p<0,01$), *«перспектива общения»* у относительно адаптированных пациентов 0,13 ($p<0,05$), у дезадаптированных пациентов эта характеристика отсутствует 0,00; *«самооценка социальных навыков»* у относительно адаптированных пациентов 1,06 ($p<0,01$), у дезадаптированных пациентов 0,19 ($p<0,01$). Обращает на себя внимание тот факт, что дезадаптированные пациенты значительно чаще дают «*негативные самоописания»* 1,24 ($p<0,01$) в отличие от относительно адаптированных пациентов 0,16 ($p<0,01$). А относительно адаптированные пациенты, в процессе заполнения данной методики, давали большее количество ответов в целом по тесту 14,54 ($p<0,05$), в отличие от дезадаптированных 10,16 ($p<0,05$), что объясняется большей способностью к процессу идентификации, а также более высокому уровню саморефлекции, способность, к которой положительно влияет на социально-психологическую адаптацию личности [5].

Показатели: *«учебно-профессиональных ролевых позиций», «семейных ролей», «роли гражданина», «дружбы», «деятельности», «самооценки способности к деятельности» и «общения»,* относящихся к социальным идентификационным характеристикам, не

имеют достоверной значимости различий, однако в группе относительно адаптированных пациентов они выше, что можно рассматривать как тенденцию к большей социальной компетентности, и более высокому уровню субъектности у данной группы.

Доминирование и выраженность *«роли инвалида», «ill-идентичности»,* а так же *«негативных самоописаний*», и значительно меньшее количество ответов в целом по тесту, а так же более высокие показатели характеристики *«невозможность самооценки»,* которая выражается в ответах: «я не знаю, кто я…», «я не знаю, что про себя сказать…», в группе дезадаптированных пациентов, свидетельствует об их «уходе в болезнь», общем негативном самоотношении, низкой социальной активности в отношении деятельности, общения, а также их перспективы в будущем.

Таким образом, в группе дезадаптированных пациентов выявляется тенденция к суженному репертуару социальных самоидентификаций, сниженная способность к саморефлекции и процессу идентификации в целом. Увеличение веса *«негативных самоописаний», «роли инвалида», «ill-идентичности»*, а так же устойчивая тенденция к снижению показателей социального блока идентификационных характеристик, по сравнению с группой относительно адаптированных пациентов, свидетельствует о кризисе идентичности у дезадаптированных пациентов, а также влиянии вышеперечисленных ролевых позиций на уровень их социально-психологической адаптации.

В группе пациентов распределенных ***по длительности пребывания на инвалидности*** общий суммарный показатель социально-психологической адаптации составил: у первично освидетельствуемых 36,0% ($p<0,01$), что статистически достоверно значимо по сравнению со второй группой. В группе пациентов, находящихся от 1 года до 9 лет на инвалидности 48,73% ($p<0,01$), и в группе пациентов находящихся на инвалидности свыше 10 лет 49,77%.

Данная динамика увеличения показателя социально-психологической адаптации свидетельствует о повышении ее уровня в зависимости от срока пребывания на инвалидности. В этом смысле, группа первичных инвалидов, т.е. людей проходящих медико-социальную экспертизу и находящихся в неизвестности по поводу своего социального статуса, ожидаемо на наш взгляд, показала более

низкий уровень адаптации. Такая же закономерность обнаружилась и при сравнении всех экспертных пациентов (пациентов находящихся в процессе медико-социальной экспертизы по присвоения, снятия либо уменьшения группы инвалидности) с пациентами находящимися в клинике на лечении: у экспертных пациентов общий суммарный показатель социально-психологической адаптации составил 43,96% ($p<0,01$), а у пациентов (по ОМС) 53, 16% ($p<0,01$), данные различия статистически значимы.

Таким образом, чем дольше человек находится на инвалидности, тем лучше он к ней приспосабливается, при условии, что не происходит каких-либо изменений связанных с пересмотром своего социального статуса.

Анализируя идентификационные характеристики пациентов в зависимости от длительности пребывания на инвалидности, ***выявляются достоверные статистические различия*** *по следующим характеристикам*: *«ill-идентичность», «негативные самоописания» и «экзистенциальная идентичность».*

У пациентов первично претендующих на инвалидность, суммарный показатель по *«ill-идентичности»* составил 1,00 ($p<0,05$), в группе пациентов, которые находятся на инвалидности от 1 года до 9 лет он составил 0,28 ($p<0,05$), и в группе пациентов находящихся на инвалидности более 10 лет он составил 0,23 ($p<0,05$). Динамика уменьшения данного суммарного показателя в зависимости от срока пребывания на инвалидности, свидетельствует о наибольшей актуализации «роли больного» именно на начальном периоде пребывания на инвалидности. Возможно, что актуализация данной роли происходит из-за желания пациентов получить инвалидность, что и способствует их более интенсивному самоотождествлению с «ролью больного». Показатели по *«негативным самоописаниям»* так же значительно выражены в группе первичных пациентов и составляют 1,77 ($p<0,05$), а в группе пациентов от 1 года до 9 лет находящихся на инвалидности и свыше 10 лет они одинаковы и составляют 0,73 ($p<0,05$), что свидетельствует о неблагоприятном и негативном самоотношении пациентов на первичном этапе адаптации к инвалидности, оборачивающимся для человека кризисом личностной идентичности. Однако в дальнейшем, увеличение данного показателя, свидетельствуют о некой стабилизации со временем негативных эмоций в свой адрес и улучшении эмоционального

состояния в целом. «*Экзистенциальная идентичность»,* характеризующаяся самоуважением к себе, ощущением чувства целостности, устойчивости и стабильности наиболее снижена у первичных инвалидов и составляет 0,57 ($p<0,5$), в группе от 1 года пребывания на инвалидности до 9 лет 0,80 ($p<0,5$), и в группе свыше 10 лет пребывания на инвалидности 1,07 ($p<0,5$), что так же подтверждает сниженную способность человека в кризисный для себя период смены социального статуса, к внутренней устойчивости и ощущению чувства собственного достоинства. Со временем данный показатель трансформируется в сторону увеличения, и проживая «кризис инвалидности», в случае успешной социально-психологической адаптации, данная способность к ощущению своей экзистенциальной целостности у человека восстанавливается.

Обращает на себя внимание тот факт, что индивидуально-личностные показатели «*самоописания своих качеств», «полоролевая идентичность», «религиозная идентичность», «самоописание своих физических и фактических данных»,* а также социальные идентификационные характеристики: «*перспектива деятельности», «перспектива общения», «самооценка способности к деятельности», «самооценка социальных навыков», «гражданская идентичность»* и *«инвалидность»,* выше в группе пациентов находящихся на инвалидности свыше 10 лет. Статистически, данные различия не являются значимыми, но в целом это свидетельствует о сложившейся тенденции в том, что с увеличением срока пребывания на инвалидности у личности инвалида наблюдается большая способность к самоопределению себя через понимание своих личностных качеств, отождествление с семьей, определенными социальными группами, обретение гражданских чувств, и наконец принятие своего социального статуса – «инвалид», что конечно же способствует более полной социально-психологической адаптации этого контингента больных.

Выявленные характерные особенности в структуре идентичности пациентов, указанных нозологий, имеют прикладное значение, для психологов и социальных работников, с целью более полного понимания и прогнозирования возможных вариантов поведения и социального самочувствия изучаемой социально-демографической группы.

Литература:

1. Анциферова Л.И. - Способность личности к преодолению деформаций своего развития. Психол. журн., т. 20, №1, 1999, с. 6-19.

2. Василюк Ф.Е. - Психология переживаний - М., 1984 г., 199 с.

3. Зейгарник Б.В., Братусь Б.С. - Очерки по психологии аномального развития личности. М., 1980 г.

4. Иванова Н.Л. Психологическая структура социальной идентичности. Дисс. д-ра психол. наук. Ярославль. 2003.

5. Карпов А.В., Скитяева И.М. Психология рефлексии. М.-Ярославль: Институт психологии РАН, 2002.

7. В.В. Козлов Социальная работа с кризисной личностью. Методическое пособие. – Ярославль, 1999 – 303 с. С.130

8. Осадчих А.И., Пузин М.Н, Лаврова Д.И., Шабалина Н.Б., и др. Основы медико-социальной экспертизы. – М.: Медицина, 2005. – 448 с.

ПСИХОЛОГИЯ РАЗВИТИЯ БОЛЬШОЙ КОНТАКТНОЙ ГРУППЫ

Петрушин С.В. (Казань)

Введение. Возникновение социальной психологии началось с изучения больших групп. В дальнейшем интерес переместился на малые группы, которые продолжают оставаться в центре внимания исследователей групповой психологии. Сегодня вновь начинает возрастать интерес к большим группам, не изученным ранее. Проблема заключается в том, что начавшееся в 18 веке [2;3;16] изучение больших групп, почти не продвинулось дальше рассмотрения стихийного развития больших неорганизованных (толпа, публика, аудитория). Возникает теоретическая потребность сделать шаги в направлении дальнейшей дифференциации и спецификации различных видов больших групп. В этом контексте дифференцированного рассмотрения психологии большой группы не только допускается, но и предполагается введение новых понятий для квалификации каких либо новых групповых феноменов [9].

Сегодня чрезвычайно важным становиться изучение «нестихийного» развития групп с большим количеством человек, в которых участники находятся в непосредственном организованном взаимодействии. На наш взгляд, помимо больших стихийных групп, в социальной практике существует целая область больших реальных

групп, которые не вписываются в существующие социально-психологические классификации. К числу таких групп относятся: участники научной конференции, обучающего декадника, буферная группа эмигрантов, многочисленная группа верующих в ритуале соборности, корпоративная встреча, выездного фестиваля самодеятельной песни или ролевых игр (типа «толкинисты») и т.д. Также это могут быть асоциальные группы, такие как участники групп сетевого маркетинга, деструктивного культа.

Такие группа имеет существенные отличия от традиционных объектов исследования социальной психологии, которые рассматриваются в рамках большой группы, типа толпа и т.д. Последние представляют собой стихийные или случайно собранные группы людей, которые являются либо изолированными индивидами, либо общаются на поверхностном уровне. Для них характерно отсутствие или поверхностная контактность участников. Для обозначения таких групп мы предлагаем ввести термин «Большая контактная группа». На наш взгляд, большая контактная группа может претендовать на новый объект исследования в социальной психологии.

Отличительными характеристиками большой контактной группы является другой характер общения, большая интенсивность и глубина межличностных контактов, а также наличие периодически сменяющихся подгрупп. Член большой контактной группы имеет не одну психологическую роль, а целый ролевой «веер». Например, участник конференции может являться как слушателем лекции, участником кулуарной беседы, докладчиком и дискутантом на секции, участником общего банкета и т.д. В таких группах возможна тенденция к самоорганизации, что делает их изучение актуальным в плане развития гражданского общества и повышения субъектности больших групп. Кроме этого, использование социально-психологических механизмов общения и взаимодействия в больших группах дает возможность организации принципиально новых технологий обучения и развития личности.

В качестве примера, можно привести различные формы такой подготовки, где для достижения необходимого эффекта необходима большая контактная группа: из отечественного опыта - «Коллективная психотерапия» (С.С.Либих), «Арена общения» (А.Б.Добрович), «ОДИ» (организационно-деятельностные игры, И.П.Щедровицкий);

из зарубежного – «ЭСТ» (В.Эрхард), «СТМ» (семинар управления временем), «Тавистокская модель тренировки групповых отношений», «Лайф-спринг», «Социодрама» (Дж.Морено), «Технология «Открытое пространство», «Большая группа» (Дж.Ломакс-Симпсон), «Большая психодинамическая группа» (П.Де-Маре).

Проблема заключается в малоизученности большой контактной группы как объекта социально-психологических исследований. Существует ряд технологических описаний, без углубленного теоретического рассмотрения механизмов и эффектов такого развития на уровне личности и группы. Хотя следует отметить, что имманентно некоторые феномены развития большой контактной группы так или иначе затрагивались в различных социально-психологических исследованиях, например: "вторичные группы" (Ч. Кули), «контактная группа» (Л.И. Уманский [28], А.Н.Лутошкин [18]), «средняя группа» (А.Л. Журавлев [9]), а также в области межгрупповых отношений, конфликтов и сотрудничества между малыми группами (М.Шериф, В.С. Дж. Тернер, А.Тешфел, В.Дуаз, С.Московиси [19], В.С.Агеев [1], Ю.А. Сушков [27] и др.).

Процессы самоорганизации больших контактных групп, возможности увеличения их интегративности, сплоченности и субъектности, создание технологий ускоренного развития большой контактной группы, способы управления процессами взаимодействия и общения в них – все это может иметь большое научное значение, а также практическое применение в различных сферах общественной жизни. Результаты исследования психологии групп с большим количеством человек, в которых люди вступают более интенсивные взаимодействия, нежели в толпе, может быть использовано в психологии управления, политической психологии, в педагогической психологии, в практической психологии, в психотерапии и т.д.

В перспективе возможно развитие целого направления психологической работы, где будет адекватно задействование большой контактной группы. Если малая группа является прообразом семьи, то большая контактная группа может рассматриваться уже как модель социума. Большая контактная группа дает возможность свести людей разной национальности, разных национальностей, национальных культур, разных социально-психологических миров, разных религиозных убеждений, политических убеждений. Возможности большой группы включают в себя построение

различных «Мы», взаимодействия «Я» и «Мы», «Мы» на «Мы», «Мы» и «Они». В ситуации безопасности это дает возможность человеку раскрепоститься и попробовать это. Поэтому психологическая работа в таких группах позволяет решать широкий круг задач, связанных с взаимодействием личности и социума, личности в социуме.

Таким образом, мы считаем, что актуальной задачей социальной психологии на современном этапе является раскрытие особенностей психологической работы в больших контактных группах, поиск методов и технологий с целью повышение субъектности таких групп, описание основных эффектов развития на уровне личности и группы, выявление социально-психологических механизмов взаимодействия.

Таким образом, объектом нашего исследования является большая контактная группа, а предметом исследования социально-психологические особенности становления, развития и функционирования большой контактной группы.

Специфика большой контактной группы. С целью нахождения места БКТ в существующей социально-психологической классификации групп [2;3;19;21;28] нами был проведен теоретический анализ особенностей больших и малых групп. Общей особенностью различных видов больших социальных групп заключается в том, что отсутствуют непосредственные контакты всех участников друг с другом и основными регуляторами поведения выступают нравы, обычаи и традиции, то есть над-индивидуальные регуляторы. Они не зависят от поведения отдельного индивида, то есть проявление человека в большой группе характеризуется одинаковостью и обезличенностью.

Малая группа как немногочисленное образование характеризуется прежде всего контактностью, то есть непосредственным личным общение между участниками и взаимодействием между ними. На этой базе вырабатываются и согласовываются общие ценности и групповые нормы, формируется групповая структура, возникает идентификация с группой, усиливается сплоченность и эмоциональное единство. Прообразом малой группы можно рассматривать семью.

Объект нашего исследования – большая контактная группа - содержит в себе как характеристики большой, так малой группы. Поэтому основной характеристикой такой группы становиться

состояние промежуточности, неустойчивости. Другими словами, большую контактную группу можно охарактеризовать как маргинальную, когда опоры на привычное нет, а новое еще не сформировано. В результате этого, человек, находясь в такой группе, становится чрезвычайно уязвим к возможным воздействиям лидера. Если в малой группе нормы поведения создаются в процессе взаимного общения, а в большой группе опора идет на специфические регуляторы социального поведения, то в большой контактной группе нет никакой привычной опоры. Нестабильная ситуация большой контактной группы провоцирует развитие, изменение. При отсутствии внешнего воздействия такая группа либо распадается на малые группы, либо возникает формальная толпа одиночек.

С точки зрения этой особенности, большая контактная группа может рассматриваться как инструмент для ускоренного развития личности. С этим связаны основные эффекты управления в такой группе – как негативные (легкость управления поведением участников, зависимость от лидера, внушаемость), так и позитивные (быстрое снятие коммуникативных барьеров, эмоциональная раскованность, креативность, трансформационные эффекты).

Более подробно отличия малой, большой стихийной и большой контактной группы представлены ниже:

Сходные характеристики большой (стихийная) и малой групп	**Отличия большой контактной группы**
2 вида группового взаимодействия: *Внутригрупповая и внешнегрупповая*	3 вида группового взаимодействия: *Внутригрупповая, внешнегрупповая и межгрупповая*
Один вид активности: «контактный» или «стихийный»	Два вида активности: «контактный» и «стихийный»
Чувство целостности всей группы	Большее чувство целостности своей подгруппы группы и меньшее чувство части целостности всей группы
Один лидер	Несколько внутригрупповых

(*если больше – конфронтация)*	лидеров и один верховный координатор
Одноуровневая дистанция между участниками *(либо близкая, либо далекая)*	Разноуровневая дистанция *(большой диапазон, от близкой до далекой)*
Один регулятор поведения *(межличностный или надличностный)*	Сочетание двух регуляторов поведения *(межличностный и надличностный)*

Методические подходы в моделировании социально-психологических процессов в большой контактной группе. Реальная большая контактная группа, как и другие большие группы, является сложным объектом для проведения экспериментальных исследований. Поэтому, для решения поставленных задач мы использовали моделирование процессов становления, функционирования и развития большой контактной группы.

В процессе ее создания мы столкнулись с тем, что существует общепринятая точка зрения о малоэффективности психологической работы в большой группе. По мере увеличения группы (более чем 8-12 человек) возникает целый ряд сложностей, которые сильно затрудняют возможности развития такой группы. В качестве основных трудностей указываются следующие: при увеличении группы снижаются ее интегративные свойства; усложняется управление развитием группы вследствие усиления механизмов заражения и подражания, возрастает потенциал "центробежных" сил, работающих на разрыв возникающего группового единства; срабатывает эффект поляризации, т.е. разбиения на подгруппы; увеличивается количество пассивных наблюдателей, которые могут выпасть из общего группового процесса; возникает тенденция к неэффективному использованию времени занятий и снижается результативность тренинга; не все интеракции могут быть реализованы; невозможность общения каждого с каждым; активные и агрессивные члены могут подавлять других; возникновение подгрупп (клик). В результате делается вывод о невозможности использования большой группы как средства для позитивного развития личности в рамках психологической работы. Гораздо реже говориться о конструктивном влиянии такого внутригруппового общения на личность.

При создании методики развития группового субъекта в большой контактной группе, с учетом выявленных трудностей и критериев развития группового субъекта, мы обратились к опыту тех направлений развития субъектности, которые существуют в самых разных сферах социальной практики: психология (социально-психологический тренинг - Г.А.Андреева [2], А.А.Бодалев [4], Ю.Н.Емельянов [8], Г.А.Ковалев [15], Л.А.Петровская [20], Ю.М. Жуков [8], И.В. Вачков [6], А.Г. Лидерс [17]), медицина (групповая психотерапия - Г.Л.Исурина [10], Б.Д.Карвасарский [12]), педагогика (интенсивное обучение иностранным языкам - Г.Л.Китайгородская [13]), искусство. В результате была сконструирована полимодальная методика развития группового субъекта в большой контактной группе. Весь цикл рассчитан на 25-30 часов при средней продолжительности каждого занятия около 3-5 часов. Нами были также апробированы и другие варианты работы: одно-, трех-, пяти-, шести-, семидневного тренинга.

Применение полимодальной методики дает возможность моделировать самые разнообразные процессы общения и взаимодействия между участниками группы и наблюдать изменение социально-психологических характеристик как участников, так и самой группы. Объединяя в себе элементы реального и лабораторного эксперимента, данная методика является эффективным средством, позволяющим решать широкий круг задач в области развития субъектности большой контактной группы.

При разработке полимодальной методики нами был сформулирован, с учетом требований к активным групповым методам (активность участников, реализация субъектно-субъектного общения, ускоренное прохождение этапов группового развития и т.д.) ряд приемов организации эффективного общения в большой группе [22]. К ним можно отнести: импровизационно-диалогическая стратегия психологического воздействия, концентрация и синтез различных форм общения, постепенное снижение активности ведущего занятий, перегруппировка участников занятий. Рассмотрим эти приемы более подробно.

1. ***Импровизационно-диалогическая стратегия психологического воздействия.*** Программа тренинга строится из структурных единиц, каждая из которых предполагает свой собственный механизм воздействия в плане создания субъектно-

субъектного общения в группе. Поэтому при проведении занятий отказ от готового сценария является принципиальным условием. Занятия должен постоянно сохранять атмосферу неопределенности. Необходимо, чтобы действия ведущего выстраивались в такую цепь, которая предусматривает чередование его действий и ответных действий участников тренинга. Такая «диалогическая стратегия психологического воздействия» позволяет рассматривать общение как совместное творчество ведущего и участников;

2. *Концентрация и синтез форм общения*. Концентрируя на занятиях ту совокупность форм общения, которая обычно если и реализуется у кого-то во всей полноте, то лишь в длительное время, возможно достичь «взрывного» эффекта качественных изменений состояний, мироощущений участников и их взаимоотношений. В качестве основных форм общения для участников большой группы мы считали возможным организовывать полимодальную программу. В нее входят: групповая дискуссия, ролевые игры, психогимнастика, проективный рисунок, танцевально-песенные упражнения, телесная терапия, медитативные упражнения, слайд – фильмы, упражнения для творческой визуализации, включение элементов современной психотерапевтической практики, лекционные элементы, фрагменты из культурно-массовой и актерской сферы.

3. *Поэтапное снижение активности ведущего.* Если на начальной стадии в большой группе поведение участников характеризуется большой зависимостью от ведущего и характер его общения с участниками является управлением, то в дальнейшем ведущий предпринимает определенные меры для снижения своей верхней позиции, для ее «саморазрушения». В процессе проведения занятий ведущим организуются ситуации, которые постепенно приводят к усилению активной позиции участников. Есть даже такая процедура, когда ведущий уходит с площадки и участники несколько часов остаются предоставленные сами себе. Это уход порождает конфронтацию с ведущим, которая рассматривается как необходимый этап перестройки участников из объектной позиции в субъектную.

4. *Периодическая перегруппировка участников.* Методической основой этого приема является положение М.Бубера о двух основных установках в общении [5]. Противоположностью отношений "Я" и "ОНО" является отношение "Я" и "ТЫ", где возможно свободное "вхождение" в другого человека, радость

эмоционального сближения с ним. Там, где отношения "Я" и "ТЫ" выходят за рамки диады, образуется общность, сплоченная группа - "МЫ". С точки зрения Поршнева Б.Ф., системообразующим звеном наличия целостности любой группы является "чувство МЫ" [24]. В нашем тренинге создание этого общегруппового чувства ”МЫ” осуществляется подбором процедур, разъединяющих большую группу на отдельные общности (по различным критериям) и процедур, объединяющих всех участников занятий вместе. В результате за короткое время каждый участник многократно оказывается членом различных общностей и многократно переживает чувство близости и единения с другими людьми.

Основные результаты исследования развития большой контактной группе. Для экспериментального исследования эффектов развития большой контактной группы использовались различные методы исследования, такие как включенное наблюдение, фокус-группы, контент-анализ и дискурс-анализ [11] самоотчетов, шкала Фидлера «Оценка психологической атмосферы», опросник «Исследование коммуникативно-характерологических тенденций» (Т. Лири), опросник «Рельефа психических состояний» (Прохоров А.О.[26]).

Были получены следующие результаты:

1) По опроснику «Рельеф психического состояния личности». При сравнении «начал» и «окончаний» тренинга можно сделать вывод, что наибольшие изменения происходят в секторе соответствующем шкале переживаний, значительные изменения соответствуют шкалам психических процессов и поведения, наименьшие изменения происходят в секторе по шкале физиологических реакций.

Видны характерные пики, соответствующие параметрам, которые относятся к шкале переживаний и шкале поведения, характеризуют активность-пассивность переживаний и расслабленность-напряженность поведения. Это, на наш взгляд, связанно с тем, что атмосфера в группе позволяет чувствовать себя защищенными и в безопасности. Общее для всех результатов заключается в том, что в результате тренинга психическое состояние оценивается выше средних значений. С точки зрения Прохорова А.О. это является признаком неравновесных состояний и именно такие

состояния могут оказывать трансформирующий эффект на уровне личности и группы.

2) По опроснику «Исследование коммуникативно-характерологических тенденций». Характер кривых отображающих представления участников о себе остается неизменным на протяжении всего занятия. Характер кривых отображающих представления участников о группе также остается неизменным. Однако можно отметить постепенное снижение показателей по таким параметрам как «агрессивный», «недоверчивый – скептичный», «покорный – застенчивый». Постепенное снижение параметров свидетельствует о том, что от оценки ситуации как угрожающей и опасной оценка смещается в сторону доброжелательной и безопасной. Также можно отметить, что представления о группе подвержены более значительным изменениям, чем представления о себе.

3) По шкале «Оценки психологической атмосферы» видно возрастание всех показателей с каждым днем. Опираясь на полученные результаты можно сказать, что в большой группе во время тренинга развивается групповая динамика, имеющая выраженные этапы. При сравнении изменений корреляционных структур показателей атмосферы в трех циклах занятий удалось обнаружить, что в конце занятий формируется качественно отличная от первоначальной, целостная структура между показателями. Таким образом, отчетливо прослеживаются этапы изменения атмосферы в группе и можно говорить о качественных изменениях в структуре группы. Использование дивергентного анализа подтвердило качественное различие.

4) Исходя из результатов включенного наблюдения можно выделить четыре этапа развития группы, для каждого этапа характерны определенные поведенческие проявления участников, определенные взаимоотношения между участниками и определенные эмоциональные переживания. Мы считаем, что каждый из этапов может быть рассмотрен как разновидность описываемой в литературе большой группы. Таким образом, можно выстроить описываемые разновидности большой группы в определенном иерархическом порядке. Выделены четыре основных этапа развития группы:

На первом этапе контакт участников между собой осуществляется лишь на очень поверхностном уровне. На этом этапе поведение участников сходно с поведением людей в толпе. Второй

этап в большой группе, когда начинается непосредственное взаимодействие участников, носит игровой характер как более понятный и простой характер общения. Описание такого поведения также можно найти в научной литературе, для него свойственны такие эффекты, как подражание, заражение, внушение. Третий этап – в группе возникают скрытые негативные эмоции. Происходит снижение мотивации на дальнейшее участие и накопление избыточного вторичного эмоционального напряжения. В этом случае мы имеем дело с агрессивной толпой. Четвертый этап - это самое редкое и наиболее малоизученное состояние большой группы. После третьего этапа участники группы готовы вступить друг с другом в доверительное общение. Чтобы сделать его более эффективным в плане самопознания и самоизлучения, ведущий разбивает группу на контактные подгруппы по 8-10 человек. К концу данного этапа происходит в той или иной мере самораскрытие участников. В целом четвертый этап оценивается как наиболее продуктивный в плане самодиагностики и увеличение опыта продуктивного общения. Здесь уже уместно говорить о «развитой» большой группе, которая как объект изучения впервые исследуется.

5) По результатам контент-анализ самоотчетов участников можно констатировать тот факт, что результатом занятий в большой группе являются изменения в отношениях к себе, к группе, к другим, к человечеству. Изменения в отношениях с группой и изменения в отношении к Человечеству могут свидетельствовать о переживаниях выходящих за пределы собственного «Я». При этом сильные эмоциональные переживания участников являются условием и фоном, на котором возникают другие эффекты. Достаточно часто участники отмечают приобретение нового опыта общения. Мы считаем это чрезвычайно важным показателем, т.к. прошлый негативный опыт общения существенно сужает возможности в общении. Новый позитивный опыт в сочетании с сильными эмоциями приводит к коррекции прошлого опыта, что повысит в дальнейшем эффективность человека в общении.

6) По итогам фокус-группы можно сделать вывод, что результатом прохождения занятий являются изменения в отношениях с другими людьми и появление нового взгляда на себя и других людей, решение многие проблемы, переоценка жизненных ценностей.

В целом, тренинг оценивается как значительное и важное событие в жизни.

7) Дискурс-анализ эффектов в большой группе. В ходе дискурс-анализа письменных отзывов о занятиях в большой группе было выявлено, что за время тренинга у многих участников происходит смена дискурса, характеризующего представления о человеке, человеческом общении и человечестве в целом. Смена таких установок происходит благодаря использованию в ходе занятий групповых эффектов, характерных для большой группы (эффекты заражения, подражания) и эффектов малой группы, когда у участников формируются общие нормы и правила, возникает идентификация с группой. Благодаря использованию таких методов дискурс-анализа как замена слов на противоположные по значению, преувеличение детали, полифоничность, удалось выделить основные эффекты, отмечаемые участниками. К ним относятся быстрота сплочения и снижение психологических защит, повышение интереса к своему внутреннему миру.

Концепция развития большой контактной группы. В результате проделанной работы нами предлагается следующая концепция развития большой контактной группы, которая схематически представлена ниже. Ввиду того, что в большой контактной группе присутствуют свойства как большой группы, так и малой, то она «тяготеет» либо к стихийному развитию, либо к разбиению на малые контактные подгруппы. Возможный путь развития большой контактной группы заключается в чередовании этой стихийно-контактной групповой активности и удержании ее на среднем неустойчивом уровне.

Данный механизм является специфическим именно для большой контактной группы. Именно в ней возможно осуществление переходов из контактной группы в стихийную и обратно. В результате это происходит активизация и гармонизация на самых разных уровнях группового субъекта: на уровне личности (сознательное-бессознательное, когнитивное-аффективное), малой группы (чередование распада и возникновение), межгрупповом уровне (чередование межгруппового фаворитизма и общего МЫ), большой группы (малая группа и большая группа, понимание и переживание). Постоянные переходы из малой в большую группу дает возможность

удерживать и увеличивать динамику развития группового субъекта, степень глубины межличностного общения.

Основываясь на результатах наблюдения, интервьюирования участников и изучения атмосферы, мы считаем, что в результате тренинга аморфная и диффузная группа постепенно превращается в структурированное, целостное и саморазвивающееся образование, имеющее все характеристики "диалоговой общности" [23] - "совокупный групповой субъект творчества". Также можно выделить основные ступени развития субъектности большой контактной группы:

В результате проведенных исследований нам удалось выявить возникновение нового, отличного от наблюдаемого в начале, уровня развития группы. Это новое состояние группы возникает в результате прохождения группой определенных этапов развития.

Исходным стартовым состоянием большой контактной группы является диффузная общность. Это состояние мало чем отличается от состояний толпы или аудитории. На первом этапе в большой группе можно зафиксировать все описываемые в психологической литературе признаки: зависимость от ведущего, высокая степень закрытости в общении, снижение рационального начала и повышение эмоционального, пассивность и т.д. (насыщение). Поэтому на данном этапе совместное действие включает механизмы эмоционального заражения и подражания. Для того, чтобы эта тенденция не разрушила группу, организатор следующим шагом может формировать подгруппы по различным основаниям. Переход от стихийного взаимодействия к общению в малых контактных группах создает коммуникативную структуру. В этих малых группах участники происходит первоначальное сплочение на эмоциональном уровне.

Затем наступал второй этап, который выражался в усилении конфронтации с ведущим, повышением уровня агрессивности, снижением мотивации на дальнейшее общение (крах логических программ). Такое состояние группы является следствием происходящей трансформации, результатом которой являлся третий этап. Именно на этом этапе большая группа начинала приобретать черты, не свойственные традиционным данным в описаниях большой группы. Резко начинала возрастать степень самораскрытия участников, снижалась психологическая дистанция, возникала

«энергетическая прибавка», снижалась центрация на ведущем и увеличивался интерес друг к другу (творчество)

Поэтому для рассмотрения основных эффектов развития большой контактной группы может адекватно применен синергетический подход [25;29]. С этой точки зрения, большая группа может быть проявлением стихийных законов (хаос), а малая тяготеет к структурированию и нормирование внутригруппового общения (порядок). То есть традиционно изученными в социальной психологии являются эти два типа групп. Большая контактная группа может являть собой пример особой группы, в которой одновременно присутствуют две тенденции – стихийность и порядок. Поэтому большая контактная группа может быть рассмотрена вариантом десипативной структуры, со всеми атрибутами – точками бифуркации, аттракторами, возможностью самоорганизации. Она может иметь свои социально-психологические механизмы развития, отличные от малой и большой группы. В таком случае, основные эффекты психологической работы могут заключаться в поддержании этого неустойчивого равновесия. Именно в таком групповом состоянии возможны трансформационные эффекты на уровне личности и группы. Последующее чередование контактно-стихийной активности может усиливать это переходное состояние.

В результате развития большой контактной группе удалось выявить, что традиционные групповые феномены работают в ней по-другому. Например, на последующих этапах развития группы групповое давление становиться сильно сниженным. В результате этого, независимо от общегрупповой атмосферы, усиливается степень свободы проявления участников. Возникает смена механизмов, характерных для стихийных групп, типа «подражание-заражение», на механизмы эмоционального резонирования. Феномен межгруппового фаворитизма сменяется мультипликаторностью, то есть взаимной поддержкой других групп. Динамические эффекты – подъем или спад настроения происходят скачкообразно, то есть гораздо быстрее и более яркими, чем в малой группе. Основным результатом развития личности является повышение толерантности, формирование активной социальной позиции, обретение нового социального опыта. На уровне группы возможно формирование группового субъекта, которое выражается в увеличении сплоченности и взаимосвязанности

участников, использовании активных стратегий поведения, изменений на уровне групповой рефлексии.

Схема технологической стороны психологической работы в большой контактной группе. Рассмотрим технологическую сторону психологической работы в большой контактной группе, которая заключается в создании условий для развития группового субъекта. Это является процессом, который строится за счет того, что в группе, при участии психолога, происходит обнаружение и разрешение значимых противоречий. Эти противоречия создают проблемы (трудности "эффективной коммуникации"), которые возникают во время совместного пребывания участников данной группы. Если же возникшее противоречие не разрешается, то развитие группы тормозится и останавливается, что может привести к противоположному процессу – регрессу. На каждой стадии функционирования группы возникают различные значимые противоречия, которые тренеру необходимо распознавать и использовать для их разрешения психологический инструментарий.

Суть групповой психологической работы заключается в использовании развития группы, так называемого «эффекта группы», как дополнительного средства (в отличие от индивидуальной работы) для ускоренного развитии личности. В развитии группы можно выделить определенные процессы. Эти процессы можно описать с точки зрения структурно-динамического подхода. При рассмотрении этого развития можно выделить статический и динамический элементы.

Толчком к развитию группы является обозначение проблемы. При разрешении проблемы возникает нечто, которое может быть обозначено как «результат». Поэтому пару «проблема»-«результат» можно рассматривать как подструктуру процесса развития группы.

Но между «проблемой» и «результатом» не существует жесткой и однозначной зависимости. Для получения результата могут быть использованы самые различные способы разрешения проблемы. Поэтому можно выделить еще одну подструктуру, которая находится между «проблемой» и «результатом» - «инструмент», «механизм» и «эффект». Эта подструктура связана с определенном воздействии на группу со стороны тренера, поэтому эта подсистема может обозначаться как динамическая, процессуальная.

В процессе дальнейшего теоретического анализа технологической стороны становления и развития большой контактной группы возникла сложность соединения практико-ориентированного и теоретического способа изложения этого процесса. В нем соединяются анализ происходящих процессов с методическими аспектами психологической работы.

Одной из центральных задач данного исследования является движение по упорядочиванию на уровне философского обобщения набора основных психологических понятий, которые используются в описании динамических процессов в группе, таких как: «проблема», «результат», «инструмент», «механизм» и «эффект». В разной литературе эти понятия трактуются по разному и степени их взаимосвязи и по содержанию.

Необходимо соединить традиционные понятия из академической психологии с понятиями, которые используются в практической групповой работе. Для этого необходимо определить сначала наименьшее число категорий, с помощью которых можно акцентировать внимание на существенном в рассмотрении процессов становления и развития большой контактной группы

В результате нашего анализа философской литературы в качестве основных философско-психологических категорий познания можно выделить - «Названное», «Сделанное» и «Данное». Эти философские категории мы использовали для обоснования отнесения тех или иных социально-психологических явлений к тому или иному этапу.

В результате многолетней практической работы нами были выделены основные моменты развития большой контактной группы: были сформулированы основные противоречия, разработаны способы психологического воздействия как преодоление этих трудностей. Опора на заранее вычлененные и ожидаемые признаки изменения общения в группе позволяет способствовать и развитию группового субъекта, и своевременной смене способов психологического воздействия на группу. Обобщая наиболее часто встречающиеся трудности, мы сгруппировали их как этапы развития группы. Работа ведущего, таким образом, обеспечивает становление каждого этапа и помощь в переходе от одного этапа к следующему.

Таким образом, в тренинге в процессе решения конфликтной ситуации (от возникновения исходного противоречия до желаемого результата) можно выделить следующие элементы (рис.1):

а) обнаружение и фиксация противоречия (между желаемым и возникшим барьером) и формулирование проблемы. В основе барьеров могут лежать социально-психологические механизмы, которые осложняют процесс тренинга. На этом этапе могут быть выявлены риски, возникающие в случае усугубления данной проблемы;

б) выбор и использование тренером психологического «инструментария»;

в) включение за счет использования «инструмента» социально-психологического механизма, с помощью которого будет разрешена проблемная ситуация;

г) возникающий в результате действия этого механизма социально-психологический эффект;

д) проявивший результат воздействия на уровне личности и группы.

С помощью такого подхода можно составить описание возможных конфликтов и их разрешение в процессе тренинга. При этом, в отличии от существующих технологических подходах, мы сможем выявить и описать действие тех или иных социально-психологических механизмов общения тренинговой группы. В качестве основных мы можем выделить следующие значимые противоречия: В качестве основных значимых противоречий мы можем выделить следующие: «Я и Они», «Правила тренинга и житейские нормы общения», «Исчерпание» ролевых стереотипов и переход к творческому общению», «Между малой подгруппой и остальной группой», «Между состоянием в результате тренинга и выходом в социум (повторная адаптация)», «Предтренинговые ожидания и реальная ситуация тренинга», «Зависимость от лидера и собственная активность участников», «Разобщенность и быстрое сплочение участников большой группы», «Инертность и активизациям динамических процессов большой группы», «Большая психологическая дистанция и необходимость близкого общения», «Эффективное обучение общению и большое количество участников».

В результате проделанной работы была создана схема последовательной организации процесса развития большой контактной группы:

Противоречие	**Проблема**	**Инструмент**	**Механизм**	**Эффект**	**Результат**
1.Предтренинговые ожидания и реальная ситуация тренинга	Предтренинго-вые цели имеют нереальный характер	Коррекция ожиданий, пересмотр и создание цели	Целепола-гание	Перестройка ожиданий	Адекватное восприятие и поведение
2.Большая психологическая дистанция и необходимость близкого общения	Отсутствие общения, изолирован-ость	Упражнения с использованием тактильных контактов	Механизм совместных пережива-ний	Снижение дистанции	Увеличение доверия, открытости
3.«Я» и «Они»	Отчужденность, закрытость, маска	Перегруппировка и собирание	Механизм общего «МЫ»	Доверие, снятие эмоц. барьеров	Открытость, ролевое взаимодействие
4.Правила тренинга и житейские нормы общения	Поведение «Там и тогда», игнорирование специфики ситуации	Акцентирование, конфронтация в случае нарушения	Интериори-зация правил	Начинают экспериментировать, рисковать	Адекватность, принятие игровой ситуации
5.Разобщенность и быстрое сплочение участников большой группы	Разобщенность снижает доверие, формальное поведение	Тактильное общение, создание ситуаций совместных переживаний	Механизм совместных пережива-ний	Возникает привлекательность, доверие	Повышается эмоциональная сплоченность группы
6.Ролевые стереотипы	Социально-одобряемое	Нормы-правила,	Механизм	Исчерпание	Активизация

и творческое общению	поведение, тактичность	Длительность пребывания, Создание необычных ситуаций	надситуати-вной активности	привычных способов общения	новых форм поведения в группе
7.Зависимость от лидера и собственная активность участников	Большая зависимость приводит к пассивности, ориентация на цели лидера	Снижение активности тренера, фрустрация участников (ситуация без ведущего)	Механизм выдвижения лидера	Через агрессию возникает перестройка и собственная активность	Возникновение внутригрупповых лидеров, постановка и достижение своих целей
8.Между малой подгруппой и остальной группой	Замыкание в своих подгруппах, межгрупповой фаворитизм	Метод перегруппировки	Механизм общего «Мы»	Увеличивается фон общения, малая группа в пространстве большой	Увеличивается масштаб внутригруппового проживания
9.Эффективное обучение общению и большое количество участников	Возникновение пассивных наблюдателей, зрителей	Концентрация форм общения, разбиение на подгруппы	Механизм контакно-стихийной активности	Постоянная активизация внимания и участия	Непрерывность процесса обучения
10.Инертность и активизация процессов большой группы	«Застревание» приводит к спаду и скуке	Контрастное чередование процедур, противодействие групповой тенденции	Маятнико-вый механизм	Подъем динамики	Поддерживается интерес и высокая активность

Дальнейшее направление нашего исследования заключается в создании типологии развивающих конфликтов, которые можно использовать при проведении активных групповых методов в больших группах. Помимо работы с тренинговыми группами, этот подход можно использовать при работе с реальными большими контактными группами, типа школьный класс, студенческая группа или курс, творческая или досуговая общность

Заключение. Нами были рассмотрены теоретические и методические аспекты психологии большой контактной группы. Показано, что большая контактная группа может быть новым объектом изучения в социальной психологии. Рассматривались методические подходы по организации субъектно-субъектного взаимодействия и результаты основных исследований эффектов общения и взаимодействия в такой группе. На основании полученных результатов нами был проведен теоретический анализ специфических особенностей такой группы в отличие от малой и большой социальной группы. Использование полученных результатов может служить для повышения субъектности в больших группах, при адаптации и развитии коллективов различной направленности (педагогических, психотерапевтических, производственных, творческих, спортивных и т.д.), при организации психологической помощи с использованием активных методов групповой психологической работы в группах с большим количеством человек, для создания самоорганизующихся общностей с большим количеством человек.

Литература

1. *Агеев В.С.* Психология межгрупповых отношений. - М.: МГУ, 1983.

2. *Андреева Г.М.* Социальная психология. - М.: Аспект Пресс, 1996.

3. *Богомолова Н.Н., Донцов А.И., Фоломеева Т.В.* Психология больших социальных групп: новые судьбы, новые подходы /Социальная психология в современном мире/ Под ред. Г.М.Андреевой, А.И.Донцова. – М.: Аспект Пресс, 2002.

4. *Бодалев А.А.* Психология о личности. - М.: МГУ, 1988.

5. *Бубер М.* Я и Ты. - М.: Высшая школа, 1993.

6. *Вачков И.В.* Психология тренинговой работы: Содержательные, организационные и методические аспекты ведения тренинговой работы. – М.:Эксмо, 2007

7. Емельянов Ю.Н. Активное социально-психологическое обучение. - Л.: ЛГУ, 1985.

8. *Жуков Ю.М.* Коммуникативный тренинг. – М.: Гадарика, 2003.

9. *Журавлев А.Л.* Психология совместной деятельности. – М:. Институт психологии РАН, 2005.

10. *Исурина Г.Л.* Групповые методы психотерапии и психокоррекции // Методы психологической диагностики и коррекции в клинике / Под. ред. Кабанова М.М. - Л.:Медицина, 1983. -С.231-254.

11. *Йоргенсен М.В., Филипс Л.Дж.* Дискурс-анализ. Теория и метод. – Х.: «Гуманитарный Центр», 2004.

12. *Карвасарский Б.Д.* Психотерапия. - М.: Медицина, 1985.

13. *Китайгородская Г.А.* Методические основы интенсивного обучения иностранным языкам. - М.: МГУ, 1986.

14. *Кнебель М.О.* Поэзия педагогики. - М.: Всерос. театр. об-во, 1979.

15. *Ковалев А.Г.* Механизмы и эффекты процесса активного социального обучения // Вопросы психологии межличностного познания и общения: Сб. науч. тр. – Краснодар: Кубан. унив-т, 1983.

16. *Лебон Г.* Психология масс. – Мн.:Харвест, М.: АСТ, 2000.

17. *Лидерс А.Г.* Психологический тренинг с подростками: Учеб.пособие.- М.: «Академия», 2001.

18. *Лутошкин А.Н.* Эмоциональные потенциалы коллектива. - М.:Педагогика, 1988.

19. *Московичи С.* Век толпы. М.: 1996.

20. *Петровская Л.А.* Компетентность в общении. Социально-психологический тренинг. - М.: МГУ, 1989.

21. *Петровский А.В.* Личность. Деятельность. Коллектив. - М.: Политиздат, 1982.

22. *Петрушин С.В.* Психологический тренинг в многочисленной группе.-М.:Академический проект, 2002.

23. *Попов Л.М.* Психология самодеятельного творчества студентов. - Казань: КГУ, 1990.

24. *Поршнев Б.Ф.* Социальная психология и история. - 2-е изд. - М.: Наука, 1979.

25. *Пригожин И.. Стенгерс И.* Порядок из хаоса.-М.: Мир, 1986.

26. *Прохоров А.О.* Смысл и психически состояния: феноменология и закономерности взаимоотношений/Психология психических состояний. Вып.6. – Казань.: КГУ. 2006.

27. *Сушков И.Р.* Психология взаимоотношений. - М.: МГУ, 1999.

28. *Уманский Л.И.* Психология организаторской деятельности школьников: Учеб.пособие для студентов пед.ин-тов.- М.: Просвещение, 1980

29. *Хакен Г.* Синергетика.-М.: Мир, 1980.

СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПСИХОДИАГНОСТИКИ ЛИЧНОСТИ

Пономарева Марина (Беларусь, г. Минск)

В данной статье автор определяет современные задачи и проблемы психодиагностики личности, излагает основные подходы к изучению личности, существующие в отечественной и зарубежной психологии. В работе сформулированы требования, предъявляемые к личностным и профессиональным качествам психолога-диагноста и психодиагностическим средствам; проанализированы междисциплинарные связи диагностики личности, психологического консультирования и практической психологии. В статье предложены перспективные направления развития психодиагностики личности как науки и практической деятельности.

Высокий динамизм и нестандартность происходящих в нашем обществе процессов, утверждение новых форм межличностных отношений предоставляют достаточно широкие возможности для выбора путей самоактуализации. Профессиональный и личный успех все в большей степени начинает зависеть от самого человека, от его активности и способности адаптироваться в новых, во многом неопределенных, жизненных ситуациях. Приоритетная задача, остро вставшая сегодня перед многими, — это творческая реализация себя как целостной уникальной личности, как субъекта жизненной стратегии и профессиональной карьеры. Психологическая

диагностика оказывается тем инструментом, который помогает человеку выявить имеющиеся у него скрытые резервы, еще не реализованные возможности, позволяет адекватно оценить свой профессиональный уровень и определить внутренние барьеры успешной самореализации [2]. Знание личностного и профессионального потенциала, прогнозирование вектора и детерминант его увеличения необходимы для экономического и нравственного возрождения общества в целом.

Необходимость профилактики деструктивных социально-психологических явлений (наркомания, алкоголизм и т. п.) можно рассматривать как дополнительный аргумент в пользу социальной и практической значимости психодиагностики. С помощью психологической диагностики вскрываются индивидуальные факторы риска наркозависимостей и созависимостей, определяются эффективные пути реабилитации. На основе результатов психодиагностики создаются программы профилактики аддиктивного поведения. В этом случае к психологической диагностике прибегают как к инструменту психологической помощи.

Психодиагностика - открытая и динамичная система, интегрирующая психологические знания о современном человеке. Обогащая психологические дисциплины методами познания внутреннего мира человека, психологическая диагностика впитывает в себя все новейшие достижения психологические знания. Особое место в междисциплинарных взаимоотношениях занимают связи психодиагностики с психологическим консультированием и психологической помощью как составляющими практической психологии.

Психологическая диагностика никогда не заканчивается постановкой психологического диагноза. Она предполагает прогнозирование развития выявленного и измеренного феномена, ориентируясь на внутреннюю логику его изменений. Вслед за прогнозом нередко возникает проблема выбора необходимого способа психологической помощи. Можно утверждать, что психологическая диагностика — это триединство диагноза, прогноза и психологической помощи.

Эффективность психологической помощи существенным образом зависит от того, насколько объединены и согласованы усилия психологической диагностики и разных видов консультирования в

целях обеспечения психологического здоровья и комфорта человека. В задачи психологической диагностики входят точность и объективность определения так называемых симптомов-мишеней для психологического консультирования. Симптом-мишень — это область психологических проблем человека, которые обусловливают затруднение его взаимодействия с окружающей реальностью, мешают чувствовать себя комфортно в критических жизненных ситуациях, препятствуют достижению личного и делового статуса, реализации различных социальных ролей.

Поэтому можно считать, что в психологическом консультировании диагностика выполняет так называемую предваряющую функцию. До начала консультирования дается психологическое заключение о содержании и выраженности симптома-мишени. Результаты наблюдения, беседы и индивидуального обследования, сопоставляемые со среднестатистическими нормами (по полу, возрасту, профессиональной принадлежности), превращаются в первый источник информации о необходимости консультирования и его видах.

Диагностика, взаимодействуя с психологическим консультированием, выполняет также экспертную функцию. Психодиагностические результаты можно использовать для контроля успешности психологической помощи. Психологическая диагностика — обязательный этап выявления отсроченных позитивных и возможных негативных последствий терапии и консультирования.

Задачи, стоящие перед диагностикой личности обусловили ведущие профессиональные *функции психолога-диагноста,* к которым относятся [4]:

- научно-методическая, которая предполагает овладение современными теоретическими знаниями в области психологии, а также общими методологическими и методическими принципами психологического и психодиагностического исследования;
- диагностическая, позволяющая организовать и провести психодиагностическое исследование в соответствии с поставленными целями и задачами;
- прогностическая, выявляющая прогноз дальнейшего индивидуального развития и возможных отклонений от его закономерного хода;

• консультационная, включающая определение оптимальных психологических условий для развития и становления индивидуальности, обеспечения психологического комфорта, а также минимизации проблемных зон;
• просветительская, предполагающая использование полученных результатов для формирования и совершенствования психологической культуры;
• экспертная, направленная на определение эффективности формирующих, развивающих, коррекционных программ, диагностических методик.

В психологической диагностике выделяют преимущественно два подхода к распознанию, а затем и к измерению индивидуальных психологических особенностей человека: номотетический и идеографический. Термин «номотетический» происходит от латинского «norma» — образец. Номотетический подход ориентирован на открытие общих законов, справедливых для любого конкретного случая. Он предполагает выявление индивидуальных особенностей и соотнесение их с нормой. Термин «идеографический» происходит от греческого «idea + gramma» — идеограмма. Идеограмма представляет собой не что иное, как письменный знак, означающий целое понятие, а не букву языка. Идеографический подход основан на распознании индивидуальных особенностей человека и их описании. Он ориентирован на описание сложного целого – конкретной личности.

Номотетический метод подвергается критике, так как общие законы не дают полного представления о человеке и не позволяют предсказать его поведение в силу неповторимости каждого. Идеографический метод также критикуется, прежде всего, за несоответствие стандартам объективности (полученные результаты в значительной степени зависят от концептуальных ориентаций исследователя и его опыта).

С методологической точки зрения, интеграция этих двух подходов позволяет сформулировать объективный психологический диагноз.

В современной психологии сложилось несколько взаимодополняющих подходов к пониманию *сущности психодиагностики*, которые с определенной долей условности можно обозначить как инструментальный, конструирующий, гностический,

помогающий, практико-ориентированный и интегральный [2].

Инструментальный подход рассматривает психодиагностику как совокупность методов и средств для измерения психических состояний и свойств, как процесс выявления и измерения индивидуально-психологических особенностей человека с помощью специальных методов. Главная задача психологической диагностики сводится к выбору и непосредственному применению диагностических средств для выявления индивидуального своеобразия конкретного человека или установления различий в психической организации разных групп людей.

Инструментальная роль психодиагностики приобретает важное значение в деятельности практического психолога, которая является многоаспектной и предполагает одновременную проверку большого количества диагностических гипотез. Однако сведение психологической диагностики только к методам и средствам выявления психических феноменов значительно ограничивает ее возможности как научной дисциплины, суживает диагностическое мышление психолога до решения преимущественно прагматического вопроса, какую методику использовать.

К инструментальному направлению довольно тесно примыкает так называемое *конструирующее*, назначение которого — разработка методов выявления и изучения индивидуальных психологических и психофизиологических особенностей человека. С позиций конструирующего подхода, наиболее важные задачи психодиагностики заключаются в конструировании новых психодиагностических средств и модификации уже имеющихся; в разработке методов прогнозирования психического развития и поведения в зависимости от разных природных и социальных факторов и условий существования, разработке психодиагностических технологий. Однако психодиагностика не может сводиться только к разработке или модификации и адаптации инструментария.

Признание за психодиагностикой способности в распознании психической реальности лежит в основе подхода, который условно можно назвать *гностическим*. Его особенность заключается в том, что акцент делается на раскрытии индивидуального своеобразия и неповторимости внутреннего мира каждого человека. Применение методик или их комплексов перестает быть самоцелью, внимание

психолога-диагноста обращено на уникальность психического облика человека. Основными задачами гностического подхода к психодиагностике являются: определение общих закономерностей становления и развития психических образований; установление связи между единичными проявлениями психического феномена и знанием его сущности; распознание индивидуальных особенностей в общих проявлениях психики человека; соотнесение индивидуальной картины поведения или состояния конкретного человека с известными типами и установленными ранее среднестатистическими нормами.

Помогающий подход рассматривает психодиагностику в качестве одного из видов психологической помощи. Многие психодиагностические процедуры содержат в себе терапевтический потенциал. Использование рисуночных методик, заполнение опросников, требующее от человека концентрации внимания на своих переживаниях, часто сопровождается успокаивающим эффектом. Помогающая функция психодиагностики особенно возрастает на заключительном этапе. В то же время психодиагностическое обследование может вызвать негативную реакцию у испытуемого, поэтому помогающее действие психодиагностики имеет определенные ограничения.

Возникновение *практико-ориентированного* подхода к пониманию сущности диагностики объясняются интенсивным проникновением практической психологии в решение личных и профессиональных проблем человека. Это позволяет рассматривать психодиагностику как особую область практики, направленную на выявление разнообразных качеств, психических и психофизиологических особенностей, черт личности, помогающую решению жизненных проблем.

Интегральный подход связывает воедино теоретическую и практическую психологию. По отношению к методам психологического исследования выступает в качестве общей основы, объединяющей все области их практической реализации. С позиций интегрального направления, психологическая диагностика представляет собой специфическое научное направление, базирующееся на собственных методологических и методических принципах и занимающаяся теоретическими и практическими проблемами постановки психологического диагноза. Основу интегрального направления составляет идея целостности феноменов

переживания, поведения и деятельности личности.

Таким образом, в настоящее время в психологической науке отсутствует единая точка зрения на сущность психологической диагностики. Разнообразие мнений объясняется как многоаспектностью содержания и направлений профессиональной деятельности психолога, в которой могут реализоваться разные грани психологической диагностики, так и большими, но недостаточно полно раскрытыми теоретическими и практическими возможностями этой дисциплины.

Перспективным направлением диагностики является интеграции психологической диагностики как знаний об индивидуальном психическом своеобразии человека и требований жизни в реализации его потенциалов.

Интенсивное развитие психодиагностики, прогрессирующая тенденция ее выделения в самостоятельную научно-практическую дисциплину потребовали особой систематизации психодиагностических средств. В настоящее время существует несколько классификаций, построенных на разных принципах. В качестве примера можно привести классификацию, предложенную А.А.Бодалевым и В.В.Столиным. Систематизируя методы, авторы ориентируются на два ключевых признака: на методические принципы, лежащие в основе психодиагностического метода, и на меру вовлеченности психолога-диагноста в психодиагностическую процедуру [1].

Разнообразие классификаций и признаков, положенных в их основание, еще раз подтверждает отсутствие единого понимания научно-практической сущности психологической диагностики и в то же время открывает ее широкие методические возможности. Можно отметить достоинства и ограничения различных классификаций методов психологического познания в практическом применении.

В практической работе психолог-диагност использует разные способы выявления психологических особенностей человека, необходимые для постановки надежного и объективного психологического диагноза:

• наблюдение за поведением, межличностным взаимодействием, проявлениями психических состояний человека в реальных жизненных или специально смоделированных ситуациях. В некоторых случаях, например, при диагностике проблем развития детей

младшего дошкольного возраста результаты наблюдения могут быть единственным источником психологической информации;
• методы самоописания, самоотчета, которые предполагают получение информации об испытуемом от него самого;
• объективные сведения, полученные на основании экспериментальных исследований и тестов. Тестовая техника позволяет выявить не только осознаваемые личностью переживания, взаимоотношения с окружающими людьми и представления о мире, но и неосознаваемое содержание сознания и ведущих установок;
• проективный метод.

Способы получения эмпирических показателей можно объединить в категорию объективных, субъективных и проективных. Объективная психодиагностика основывается на результатах наблюдения и тестирования, субъективная — на самоописании и самонаблюдении, проективная — на проективных методиках.

Максимально надежный и объективный диагноз обеспечивается сопоставлением всех видов психологической информации. Каждый из них отражает определенную сторону психологической реальности: субъективные представления человека о себе, поведение в реальных или максимально приближенных к реальности жизненных ситуациях, осознаваемые и неосознаваемые процессы.

Наблюдение может предварять экспериментальное исследование и психодиагностическую беседу, поскольку позволяет выявлять те признаки поведения и состояния, те признаки свойств личности, которые должны быть измерены. Наблюдение нередко завершает исследование, подтверждая или внося уточнения в полученную информацию. Результаты наблюдения используются в качестве внешних критериев, относительно которых определяется валидность и надежность других методов.

Ограничения в применении наблюдения в психологической диагностике связаны с надежностью получаемых результатов, поскольку сам наблюдатель может серьезно их искажать - например, совершая ошибки, обусловленные индивидуальными особенностями восприятия и обобщения перцептивной информации, особенностями личного коммуникативного опыта.

В последнее время актуальной и значимой становится проблема этики в профессиональной деятельности психолога. Необходимость формирования этической позиции психолога, особенно

практического, обусловлена также тем, что в настоящее время использование психодиагностических методик и тестов становится никем и ничем не контролируемым процессом. Доступность стимульного материала, всевозможных «ключей» для первичной расшифровки полученных результатов приводит к их свободной интерпретации, к появлению ложного мнения о безграничных возможностях психодиагноста, о легкости постановки психологического диагноза, за который психолог не несет никакой ответственности.

Определенные трудности в разработку единого этического кодекса вносит многоплановость и многоаспектность деятельности психологов.

Этика психодиагноста выражает закрепленную в форме определенных норм и правил профессионального поведения ответственность психолога за соблюдение интересов обследуемого лица, за обеспечение его психологического комфорта на всех этапах психодиагностического обследования.

Соблюдение психодиагностом этических норм обеспечивается триединством требований, которые предъявляются к принципам работы психолога, к его личностным и профессиональным качествам и к инструментарию. К основным *принципам* работы психолога можно отнести: принцип ответственности, принцип компетентности, принцип безоценочности, принцип конфиденциальности.

Принцип ответственности предполагает ответственность психолога-диагноста за сохранение психического и физического здоровья, эмоционального комфорта, социального благополучия обследуемого в процессе диагностики. К психодиагностическим процедурам привлекаются только те, кто дал добровольное согласие. В случае несовершеннолетия обследуемого психодиагност получает согласие на участие в обследовании от родителей или опекунов.

Психолог-диагност несет ответственность за точность и объективность психологического диагноза. Ответственность психолога-диагноста распространяется и на форму передачи психологических сведений. Результаты и рекомендации передаются в терминах, понятных клиенту и не допускающих многозначности трактовок. Клиент должен заранее получить представление о профессиональных возможностях психолога и пределах его компетентности.

Принцип безоценочности предполагает, что в процессе

диагностики психолог-диагност беспристрастен, независимо от того, какое субъективное впечатление производит обследуемый своим внешним видом, умозаключениями, социальной позицией, независимо от его индивидуальной истории жизни и пережитых событий. На психодиагностическую гипотезу, объективность психологического заключения не должны влиять сходство личностных свойств, близость психологических, культурных, социальных установок.

Принцип конфиденциальности предполагает неразглашение результатов диагностики без персонального согласия на это диагностируемого. Если на проведение психодиагностического обследования существует заказ, то предварительно обсуждается круг лиц, имеющих право доступа к материалам, содержащим психологическую информацию об обследуемых.

При опубликовании результатов психологических исследований психолог обязан или изменить фамилии участников обследования, или использовать известный только ему код.

Однако иногда в работе психолога-диагноста допускается нарушение принципа конфиденциальности. Это может произойти прежде всего тогда, когда полученные сведения либо наблюдаемое поведение указывает на опасность для жизни самого обследуемого или окружающих людей, например, использование наркотиков, готовность к суициду.

При тестировании несовершеннолетних детей следует принимать во внимание тот факт, что родители могут обратиться к психологу за результатами тестовых заданий своего ребенка. Такое требование порой вступает в конфликт с собственным правом ребенка, особенно старшего возраста, на сохранение психологической информации о себе в тайне. В данном случае вопрос заключается не столько в том, сообщать или не сообщать родителям известные психологу сведения о проблемах ребенка, сколько в том, как это сделать без вреда для него. При этом психологу чрезвычайно важно сохранить доверие ребенка, не разрушить сложившихся с ним доброжелательных взаимоотношений.

Личность психодиагноста играет ключевую роль в обеспечении профессионального успеха. Профессионально-личностный имидж психолога создают внешний, речевой и поведенческий облик, логичность и аргументированность высказываний, контактность, эмоциональность, гибкость поведения сообразно динамике

психодиагностической гипотезы и коммуникативной ситуации.

Одно из основных личностных свойств психодиагноста — доброжелательность, любовь к людям, эмпатия. Важным является сохранение собственной позиции, настойчивость в ее защите и развитии, способность иметь независимую диагностическую гипотезу, на свое представление о жизненном пути обследуемого.

Психолог-диагност должен применять в своей практической работе только те методики, которые не несут угрозы физическому и психическому здоровью обследуемому. При этом количество и содержание методик должно соответствовать целям обследования и отражать возможность доказательства или отвержения психодиагностической гипотезы. Методики должны учитывать возраст, образование и психофизиологическое состояние обследуемого, место и время обследования, а также быть валидными и надежными.

Серьезную проблему для отечественной психодиагностики представляет массовое тиражирование методик, которое часто сопровождается большим количеством ошибок в тексте заданий, изменением названия методики, стимульного материала и инструкций. К сожалению, не всегда указываются авторы, непосредственно создававшие или адаптировавшие методики. Доступность нарушает картину психодиагностического обследования, снижает диагностические и прогностические возможности тестов. Публичность, часто сочетающаяся с неквалифицированной интерпретацией, способна породить либо наивную доверчивость, либо неприятие общественностью психологической практики.

Следует учитывать диагностические возможности и ограничения применения методов и методик.

При использовании *тестов и экспериментальных процедур* диагност контролирует фактически весь ход исследования, пытаясь максимально поддерживать одинаковые для всех обследуемых условия. Повышение диагностических и прогностических возможностей тестов достижимо благодаря использованию валидных и надежных и адаптированных методик. Результативность тестовых средств повышает стандартизация исследования, в частности:

• предъявление одной и той же инструкции для всех обследуемых. Даже незначительные замены в инструкции могут привести к получению недостоверной психодиагностической информации.

• использование стандартного стимульного материала. Не допускается предъявление стимульного материала, отличающегося по каким-либо признакам от авторского варианта, без доказательства сохранения валидности теста.

Несмотря на надежность и валидность тестов, их применение имеет существенные ограничения [4]. Результаты выполнения тестовых заданий зависят от многих, не всегда учитываемых факторов (отношение к диагносту; негативный предшествующий опыт общения с психологом; самочувствие, тестовая тревожность, которая нередко возникает в процессе тестирования и негативно влияет на успешность выполнения заданий и др.).

При изучении личности активно применяются *проективные методики,* уникальность которых обусловлена возможностью изучать целостную личность, включая неосознаваемые механизмы поведения, поступков и действий, а также вытесняемые из сферы сознания, но тем не менее присутствующие, социально не приемлемые личностью свойства, мотивы, внутриличностные и межличностные конфликты.

Один из основных отличительных признаков проективного исследования — предъявление обследуемому неструктурированного или мало структурированного, неопределенного стимула, который в силу своей неопределенности становится объектом проекции. Отсюда высокая вариативность индивидуальных ответов на один и тот же стимул. Тем самым проективная техника, как никакой другой психодиагностический прием, максимально приближается к раскрытию индивидуальности. Неопределенность, многозначность проективного метода усиливает специальным образом формулируемая инструкция, задача которой — максимально замаскировать истинную цель исследования и предоставить человеку возможность, не осознавая того, включать механизмы идентификации себя с «героем» теста.

Популярности проективных методик во многом способствует отсутствие возрастных ограничений и доступность, практически независимая от уровня образования, опыта самоанализа. Первый опыт проективный диагностики возможен уже в раннем дошкольном возрасте и часто связан с выполнением рисуночных проб. Немаловажную роль в широкомасштабном распространении проективного метода играет простота оборудования и стимульного материала.

К очевидным достоинствам проективных методик относится возможность выявления скрытых мотивов поведения и переживаний. Использование проективной техники требует от психолога наивысшего мастерства, а интерпретация результатов — самых глубоких знаний психологии человека.

Однако следует помнить, что интерпретация результатов проективной психодиагностики не может быть однозначной. Большой удельный вес в ней принадлежит субъективной научной позиции психолога, его психологическим установкам. Поэтому результаты, полученные с помощью проективных методик, необходимо дополнять другими способами получения данных.

Таким образом, этические требования распространяются не только на принципы и методы работы психодиагноста, но и на его личностные свойства и профессиональные качества.

Литература

1. Бодалев А.А., Столин В.В.. Общая психодиагностика. СПб., 2002.
2. Психодиагностика: Конспект лекций / Сост. С.Т.Посохова. М., 2004.
3. Ратанова Т.Н. Психодиагностические методы изучения личности: Учебное пособие / Т.А.Ратанова, Н.Ф.Шляхта. М, 2003.
4. Словарь-справочник по психодиагностике / Л.Ф.Бурлачук, С.М.Морозов.Спб., 2003.

ПСИХОЛОГ В СЛУЖБЕ УПРАВЛЕНИЯ ПЕРСОНАЛОМ: ВЧЕРА И СЕГОДНЯ

Почечуева Карина (г.Москва)

Проблема психологического управления давно привлекала внимание ученых и практиков в нашем государстве, да и в других странах. Но остановимся все же на проблемах психологии управления в нашей стране.

В царской России и в первые годы существования СССР преобладали психологи гуманистического направления. Много внимания уделялось психологическому оздоровлению русского народа и научной организации труда (работы В.М. Бехтерева, С.А.

Гиллерштейна, К.М. Керженцева, А.Р. Шнирмана, Р.Н. Почтарева и др.)

Характерной чертой развития современного управления является признание возрастающей роли человеческого фактора в производственной системе. В условиях ускорения технологических нововведений, обострения конкуренции, глобализации экономики, знания, квалификации, творческие и предпринимательские способности работников рассматриваются как основной ресурс повышения эффективности и конкурентных преимуществ стратегического развития деловых организаций. В большинстве компаний отделы кадров именуются службами управления персоналом. Однако чаще всего это просто смена вывесок, а не изменение содержания.

Психология в нашей стране стала профессией. Сегодня в условиях нарастающего профессионального голода на рынке труда при кажущемся избытке трудовых ресурсов должна возрасти роль психолога службы управления персоналом организации. Но что мы видим на самом деле, каковы реалии?

Еще буквально лет 5-7 назад психологов с удовольствием принимали на работу в организации. Факультеты психологии имеют невероятную популярность и по сей день. Так почему же в настоящее время мы все чаще видим в объявлениях о работе ставшие уже стандартными фразы: «…требуется на вакантную должность… только не с психологическим образованием!»? Судя по всему, произошло перенасыщение рынка данными специалистами, а заодно и всевозможными методиками, которые эти специалисты старательно применяли всюду, где только можно.

Справедливости ради, нужно отметить, что работодатели поначалу, когда пошло такое поветрие, активно поддерживали внедрение и применение всех известных методик без особого разбора, предлагаемых вновь принятыми психологами. Как это часто бывает в нашей стране, знакомство собственников бизнеса с квалифицированными специалистами можно назвать одним ёмким словом – «дорвались»!

В итоге случилось то, чего в принципе, можно было ожидать - пресыщение. Все методики опробованы, рисунки нарисованы, сотрудники протестированы… а дальше что? Кризис. Работодатель не смог найти должного применения психологу в своей организации,

после того, как уже все опробовано, а специалист не «выдумал» новых занимательных для собственника опросников. Именно кризисом можно охарактеризовать нынешнее положение вещей, т.к. работодатели тщательно оберегают себя от приема на работу психологов, а последние, в силу «невостребованности» меняют сферы деятельности. Роль психолога в организации не оценена и не понята.

Можно ли исправить эту ситуацию? Я думаю, не просто можно, а необходимо! Сейчас, когда мы имеем возможность наблюдать стабилизацию политической и экономической жизни страны, происходит перестройка, реорганизация многих компаний, образованных в 90-х годах. Меняется и организационная структура компаний, и внутренняя структура подразделений, которая перестала отвечать потребностям фирм. Сегодня служба управления персоналом выходит из разряда учетно- делопроизводственного подразделения и становится ключевым стратегическим звеном в управлении предприятия.

Психолог необходим именно в кадровой службе, а не как отдельная боевая единица, он ценен своей компетентностью в сфере психологии управления человеческими ресурсами. Это предполагает грамотную оценку, анализ внутренних процессов в организации с точки зрения управления персоналом, профессиональное применение современных методик развития и мотивации именно в контексте потребностей компании, в тесной увязке с ее кадровой политикой.

Понятие кадровой политики очень обширное. «Кадровая политика должна быть тесно увязана со стратегией развития предприятия. В этом отношении она представляет собой кадровое обеспечение реализации этой стратегии. Это значит, что она должна быть, с одной стороны, стабильной, поскольку именно со стабильностью связаны определенные ожидания работника, с другой – динамичной, т.е. корректироваться в соответствии с изменением тактики предприятия, производственной и экономической ситуации. Стабильными должны быть те ее стороны, которые ориентированны на учет интересов персонала и имеют отношение к организационной культуре предприятия.

Поскольку формирование квалифицированной рабочей силы связано с определенными издержками для предприятия, кадровая политика должна быть экономически обоснованной, т.е. исходить из его реальных финансовых возможностей. Кадровая

политика должна обеспечить индивидуальный подход к своим работникам. Таким образом, кадровая политика направлена на формирование такой системы работы с кадрами, которая ориентировалась бы на получение не только экономического, но и социального эффекта при условии соблюдения действующего законодательства» - пишет Т.А. Комисарова.

Зигерт В. и Ланг Л. характеризуют кадровую политику различными понятиями и определениями. «Наиболее широким из них является термин "человеческий фактор", обозначающий совокупность различных отношений, которые складываются при участии людей в процессе создания жизненных благ, а наиболее узким – "кадры", под которыми понимают только постоянных и только квалифицированных работников. Под кадровой политикой следует понимать именно человеческие ресурсы, которые представляют собой совокупность различных качеств людей, определяющих их общую трудоспособность к производству материальных и духовных благ».

Резюмируя, кадровую политику можно определить как систему мероприятий по обеспечению потребностей предприятия в трудовых ресурсах, формирования корпоративности, а также успешной программы по развитию рабочей силы, обладающей высокими способностями и сильной мотивацией к выполнению задач, стоящих перед организацией.

Возьмем, к примеру, формирование корпоративной культуры компании. Чаще всего данная процедура превращается в насаждение «корпоративного духа», что в свою очередь, можно определить, как отсутствие четких критериев для выработки индивидуального подхода к тем, кто, собственно, этот корпоративный дух и должен реализовать. Обладая такими критериями, можно без труда отбирать в работающий коллектив именно тех людей, которые, не уступая всем прочим по своим профессиональным качествам, были бы идеальным материалом для вмещения корпоративного духа фирмы, ведущего ее к росту и преуспеванию. Можно воздействовать на этих людей в желательную для работодателя сторону. И здесь собственнику не обойтись без профессиональных компетенций психолога службы управления персоналом. Значимость психолога, на мой взгляд, как раз и состоит в том, чтобы помочь специалисту по персоналу обосновать происходящие явления и процессы в сфере трудовых отношений,

выработать рекомендации для успешного перспективного развития организации.

Современная служба управления персоналом должна быть укомплектована следующими сотрудниками: делопроизводитель, специалист по управлению персоналом, психолог. Иногда собственники ошибочно, на мой взгляд, полагают, что если есть специалист по управлению персоналом (имеется в виду дипломированный специалист по управлению персоналом, а не номинальная должность), то психолог вроде как и не нужен. При этом, собственник забывает о такой функции службы персонала, как социальная поддержка. Как ее ни пытались исключить из кадровых функций и должностных инструкций, от нее никуда не деться. В самом деле, к кому идет сотрудник с вопросом - в кадры, с кем делится своими проблемами с другими сотрудниками и руководством- с кадрами, опять же. И таких примеров великое множество.

Но психолог - это не только профессиональный слушатель, именно на основании заключений психолога по итогам тех или иных мероприятий в области управления человеческими ресурсами, специалист по управлению персоналом планирует дальнейшие действия, как, например: обучение или премирование сотрудников. Конечно, функции психолога службы управления персоналом организации зависят непосредственно от потребностей и возможностей этой самой организации.

Выделим наиболее общие функции психолога службы управления персоналом организации:

1. Разработка мероприятий по улучшению условий труда работников организации и повышению эффективности работы.
2. Участие в формировании трудового коллектива, корпоративной культуры, проектировании систем организации труда с учетом психологических факторов и эргономических требований.
3. Обследование индивидуальных качеств работников, осуществление мер по производственной и профессиональной адаптации вновь пришедших специалистов, мотивации персонала.
4. Консультация руководителей организации, работников, занимающихся кадровыми и трудовыми вопросами (специалисты по управлению персоналом) по социально-психологическим проблемам управления производством и персоналом и социального развития коллектива.

При этом можно сколь угодно долго говорить о профессиональных умениях, навыках и знаниях психолога, но также нельзя упускать из виду компетенции данных специалистов.

Развитие профессиональных компетенций и компетентности психолога предполагает освоение и применение комплекса современных профессиональных знаний и практических навыков, овладение эффективными методами профессионального поведения и технологиями.

Компетенцию можно определить как набор характеристик, необходимых для успешной деятельности. Выделяют три блока профессиональных компетенций:

1. Управленческие компетенции
2. Коммуникативные компетенции
3. Аналитические компетенции

Каждый из этих блоков имеет разный набор компетенций внутри разных компаний и разных должностей.

Логически выделяются три уровня одной профессиональной компетенции:

1. Необходимый и достаточный — уровень компетенции, владение которым обеспечивает желаемую модель профессионального поведения сотрудника.
2. Желаемый – уровень, при котором достигается мастерское владение профессией.
3. Потенциально возможный — переходный к новой ступени в карьере.

Соответственно, для осуществления успешной профессиональной деятельности мало лишь знаний, необходим, так сказать, комплекс, состоящий из: знаний, навыков и методов профессионального поведения. Мы рассмотрели модель психолога, обладающего знаниями и технологиями в соответствующей области, но его профессиональные компетенции, по вышеприведенной классификации, стоят на третьем, потенциально возможном уровне. Только доведя этот уровень до необходимого и достаточного, когда присутствует понимание своей функции в организации, знание и умение применить те или иные технологии, правильно реагировать на ситуации, психолог будет востребован на современном рынке труда.

Таким образом, на мой взгляд, можно реабилитировать профессию психолога в глазах работодателя и грамотно использовать имеющиеся знания и навыки данных специалистов.

Литература:

1.Комиссарова Т.А. Управление человеческими ресурсами - М.: Дело, 2002

2.Куртиков Н.А. Психология и социология управления - М.: Книжный мир, 2007

3.Ланг Л., Зигерт В. Руководить без конфликтов.- М.: Экономика, 2000

4.Мануйлов Г.М. Психологическое управление в рыночных условиях - М.: РАН, 1997

ЭКЗИСТЕНЦИОНАЛЬНОЕ СОДЕРЖАНИЕ КРИЗИСА СЕРЕДИНЫ ЖИЗНИ

Присяжная Е.Ф. (Астана)

Кризис второй половины жизни (45 –55 лет) является, как и пубертатный кризис, узловой точкой жизни человека. В этот момент актуализируются все базовые экзистенциальные проблемы (смерть, изоляция, потеря смыслов) и возникает ряд специфических социально-психологических проблем (социальное одиночество, дезадаптация, полная смены ценностей, изменение социального статуса). Совпадение в один момент возрастного и экзистенциального кризисов делают кризис второй половины жизни наиболее мощным. Результатом переживания подобного кризиса может скачок в духовном развитии и расширении личности или деградация (инволюция) личности, которая приводит к тяжелым переживаниям (вплоть до суицида). Оба данных кризиса представляют для нас интерес именно как узловые, «переходные» моменты жизни, наиболее тяжело переживаемые личностью. Максимальная дезадаптация, в свою очередь, становится основным «симптомом» этих кризисных состояний. Экзистенциальная тревожность, сопровождающая оба этих кризисных состояния, переживается как депрессия, пустота, полная бессмысленность. Отсюда может быть только два выхода: регресс (бегство в примитивные состояния сознания, растворение индивидуальности в коллективной жизни, инфантильные уходы в алкоголь, игру, риск, работу, псевдодуховность, возвращение в

«утробу» нерасчлененного сознания мира вообще, возвращение на более низкий уровень сознания («низшая нирвана») и второй путь, трансценденция сознания, прогресс, путь вверх, переход на более высокий уровень сознания, возвышение над обыденной жизнью, духовный рост («высшая нирвана»)

Гейл Шихи в своей книге «Возрастные кризисы» пишет о том, что каждый переход на следующую ступень развития заставляет человека разрушать существующую защитную структуру. Он становится ранимым и чувствительным, но приобретает новую защиту и ее способность постепенно приспосабливаться к окружающим условиям. Этот переход может продолжаться несколько лет. Преодолев его, человек попадает в продолжительный период стабильности и относительного спокойствия, обретает чувство равновесия.

Все события, которые происходят с человеком, влияют на него. Знаменательные события являются вехами в жизни. Однако ступень развития определяется изменениями личности в эти переходные моменты. Личность обладает скрытой тенденцией к изменению, которая реализуется под воздействием знаменательных событий.

Жизнь личности включает в себя внешние и внутренние аспекты. Внутренний аспект проявляется там, где разрушающие силы начинают выводить человека из равновесия, сигнализируя о необходимости изменения и продвигая его к новой опоре на следующей ступени развития. Такие кардинальные перемены происходят в жизни повсеместно. Однако, люди все равно отказываются признать, что у них есть система внутренней жизни.

В переходные моменты образ жизни подвергается внезапным изменениям в четырех измерениях:

1. Внутреннее ощущение себя по отношению к другим
2. Чувство опасности и безопасности
3. Восприятие времени
4. Ощущение физического спада

Все эти ощущения задают основной тон жизни и подталкивают человека к тем или иным решениям. «Каждый переход на новую ступень заставляет отказываться от какой-то магии, от какой-то иллюзии безопасности и удобного привычного чувства «Эго» во время развития нашей неординарности», - пишет Гейл Шихи.

Примерно к сорока пяти годам равновесие восстанавливается, появляется чувство стабильности, которое может принести удовлетворение. Если человек отказался проявить активность в середине жизни, чувство спада перерастает в чувство покорности. Через некоторое время человек, остановившийся в развитии, лишится поддержки и безопасности. Родители становятся детьми. Дети станут незнакомыми людьми. Карьера превратиться просто в работу. И каждое из этих событий будет ощущаться как несостоявшееся. Кризисное состояние вернется где-то к пятидесяти годам.

Хотя некоторые исследователи полагают, что средний возраст воспринимается взрослыми людьми, как тот «период, когда рушатся надежды, а многие возможности кажутся упущенными навсегда» (Clauser, 1986), значительная часть исследований убедительно доказывает прямо противоположное. Собранные данные показывают, что большинство взрослых переживают середину жизни как годы перехода, наполненные как позитивными, так и негативными событиями, связанными с процессом старения. В то время как модель кризиса привязывает нормативные возрастные изменения, имеющие место в этот период, к предсказуемым кризисам, модель перехода отвергает представление о том, что кризис середины жизни — это нормативное, связанное с возрастным развитием событие (Hunter, & Sundel, 1989).

Согласно модели перехода, развитие человека характеризуется последовательностью ожидаемых важных событий в его жизни, которые можно предвидеть и в отношении которых можно строить планы. Хотя переход, связанный с этими событиями, и может вызывать немалые трудности как в психологическом, так и в социальном плане, большинство людей успешно к нему приспосабливаются благодаря знанию того, что эти события неуклонно приближаются. Благодаря антиципаторной социализации они могут спланировать эти жизненные события и избежать кризиса середины жизни (Clauser, 1986; Troll, 1985)

Кесслер и другие исследователи считают, что кризис середины жизни — это скорее исключение, чем правило. У подавляющего большинства людей переход в средний возраст происходит незаметно и плавно, по мере того как на смену юношеским мечтам о славе, богатстве, личных свершениях и красоте приходят более реалистичные ожидания.

Существует и другая точка зрения. В своем исследовании представителей сильного пола Левинсон и его коллеги (Levinson, 1978) обнаружили, что примерно в 40-летнем возрасте мужчина может подвергнуть сомнению или, по меньшей мере, начать осмыслять с разных сторон ценность той «управляемой обстоятельствами» жизни, которую он вел, Если ему раньше удавалось добиваться своих целей, он может внезапно задаться вопросом: «Стоили ли они потраченных усилий?» Если же он не сумел добиться в своей жизни того, чего хотел, он может теперь со всей ясностью осознать, что у него осталось не так уж много возможностей, чтобы что-то изменить. Он начинает подвергать сомнению все стороны своей жизни, включая работу и семейные отношения (Levinson, 1986). Дэниел Левинсон описывал жизнь мужчин в возрасте от восемнадцати до сорока семи лет. Он и его сотрудники в течение нескольких лет изучали группу мужчин разных профессий. Левинсон отметил, что для детей и юношей существуют основные принципы развития, а в развитии взрослых имеются периоды, в течение которых необходимо решить определенные задачи. Человек продвигается от одного периода к другому лишь в том случае, если начинает работать над решением новой задачи развития и создает новую структуру своей жизни.

РОЛЬ ДУХОВНОСТИ В ПРЕОДОЛЕНИИ КРИЗИСА ИДЕНТИЧНОСТИ ВОЕННОСЛУЖАЩИХ С ДЕВИАНТНЫМ ПОВЕДЕНИЕМ

Радионова С.В., Фролова О.П. (г. Иркутск)

Изменение условий военной службы, постепенный переход Российской Армии на контрактную основу предполагает необходимость новых подходов в решении вопросов прогноза и профилактики отклоняющегося поведения военнослужащих. Мы рассматриваем девиантное поведение (ДП) как отклоняющиеся от общепризнанных норм социальные действия, поступки людей или групп. Анализ заключений судебно-психиатрических экспертиз (СПЭ) военнослужащих с девиантным поведением (303 случая) показал определенную динамику соотношения типов ДП у военнослужащих с 2000 по 2006 гг.

Анализируя представленные данные, было замечено, что основное количество проявлений ДПВ (кроме вспышки в 2002г. – 64

случая) примерно одинаково и колеблется в пределах – 38 +/- 4 случая. В соответствии с особенностями социально-психологической детерминации ДПВ по критериям социально-психологической компетентности, социальной идентичности и личностных деформаций, методом теоретического моделирования нами выделено 3 модели ДПВ: социально-личностной незрелости, личностных деформаций и личностных кризисов. Качественный и кластерный анализы, проведенные по всем случаям СПЭ, подтвердили совпадение типов поведения с моделями. Количественное лидерство разделяется между моделями социально-личностной незрелости (160 случаев, т. е. 52,8 % от выборки) и личностных деформаций (134 случая, 44,2% от выборки).

Модель личностных кризисов встречается редко, но число случаев ДПВ по этой модели резко выросло именно в 2006г. (всего 9 случаев за 7 лет, из них 5 случаев в 2006г.). Мы предполагаем, что при переходе армии на контрактную основу модель личностных кризисов ДПВ будет встречаться все чаще, особенно при отсутствии адекватной социально-психологической поддержки таких военнослужащих.

Основанием выделения модели ДП в форме личностных кризисов послужил критерий социальной идентичности личности. Мы считаем, что основными типами личностных кризисов у военнослужащих, которые сопровождаются девиантным поведением, являются именно кризисы идентичности. Кризис идентичности можно определить как особую ситуацию сознания индивида, когда большинство социальных категорий, посредством которых человек определяет себя и свое место в обществе, кажутся утратившими свои границы и ценности. Да и любой кризис, по мнению В.В. Козлова (2002), сопровождается утратой прежней идентичности, уже не соответствующей задачам текущего этапа личностного развития. Одновременно происходит переоценка и своей групповой принадлежности, в том числе профессиональной. Утрата идентификации ведет к диффузии идентичности. Явление «диффузии идентичности» связано с кратковременной или длительной неспособностью «Я» сформировать идентичность.

Многие исследователи (Эриксон Э. 1959; Фридан Б., 1992; Шихи Г., 1999; Виткин Дж., 1996; др.) считают, что вопросы идентичности остаются актуальными при развитии личности на протяжении всего

периода взрослости. По классификации Э.Эриксона пятая возрастная стадия (12-19 лет) – подростковая – закладывает основы Эго-идентичности или ролевого смешения, неопределенности. Шестая стадия (20-25 лет) – ранняя зрелость – также связана с развитием идентичности и направлена на формирование чувства интимности либо изоляции. Так что ведущим кризисным фактором в возрасте 18 - 28 лет (возраст военнослужащих рядового и сержантского состава по призыву и по контракту) может послужить неустойчивость идентичности. Для кризиса юности характерны переживания разрыва идеала и реальности, что может вести к «диффузии идентичности». Такие молодые люди теряются в самостоятельной ориентации в ценностях, выработке целей и идеалов.

В настоящее время в РА вводится институт капелланов, призванный, как и в историческом нашем прошлом, помогать армии в укреплении «духа» солдат. Конечно, очень важное и нужное дело. И какая-то часть военнослужащих нуждается именно в поддержке на основе религиозных образцов и идеалов. И даже предполагаем, что именно та часть, кто склонен к ДП по причине социальной личностной незрелости (модель СЛН – 52,8 % от выборки), с низкой социально-психологической компетентностью, те кто скорее всего не закончил школу или среднее профессиональное учреждение. Процесс подростковой идентификации у них как раз переносится на время службы в армии. Однако, кризис идентичности личности индивидуален, необходимо разбираться с каждым случаем отдельно, с пониманием факторов и механизмов его протекания, пониманием различий проявлений девиаций. Это задачи психолога – вовремя помочь военнослужащему преодолеть кризис, уберечь его от «отрицательной» идентичности и от асоциализации.

Несомненно, вслед за У. Джеймсом, мы понимаем личность как духовную тотальность, созидающую себя. Более того, личность как субъект жизни связывает клубок из всех нитей – возрастной, событийной, продуктов *творчества*, социальных достижений – своим собственным уникальным узлом, определяя качество своей жизни (Рубинштейн С.Л., 1949). Человек хозяин своей жизни.

Опишем типичный случай, соответствующий девиантному поведению военнослужащего, причиной которого послужил кризис идентичности со статусом военнослужащего: ефрейтор контрактной службы М-ов, совершил СОЧ (самовольное оставление части).

Родился в многодетной семье. После развода родителей с 6 лет воспитывался в начале матерью, а затем отцом. Окончил школу и ПТУ. Срочную службу отслужил в Чечне, после чего там же заключил контракт. По службе имеет и поощрения и взыскания. Самовольно оставил часть, не явившись в срок из отпуска, так как не захотел продолжать службу: «нравится гражданский образ жизни». Официально увольняться не стал, так как ему пришлось бы «пережить презрительное отношение сослуживцев и друзей». Задержан сотрудниками прокуратуры. Сожалеет о случившемся. Осужден по ст. 337 УК РФ.

Жесткая ресоциализация в гражданской сфере начинается через самодеструкцию, такой военнослужащий начинает свою новую гражданскую жизнь, приобретая судимость. Такие военнослужащие стыдятся своего поведения, позитивно относятся к военной службе в целом, что говорит не об асоциальности проступка. Однако неустойчивая социальная идентификация, не позволила преодолеть кризисную ситуацию с положительным исходом для развития личности. Затем может последовать следующий виток раскручивания кризиса или перейти в стабильный период развития, но по новому «руслу» жизни.

Ещё Л.С. Выготский писал, что кризисы развития личности характеризуются единством негативной (деструктивной) и позитивной (конструктивной) сторон и играют роль ступеней в поступательном движении по пути дальнейшего развития. Видимое поведенческое неблагополучие в критическом возрастном периоде не закономерность, а скорее свидетельство неблагоприятного течения кризиса. Так что личностные кризисы военнослужащих, связанные с кризисом идентичности, при своевременном их выявлении и оказании социально-психологической поддержки, вместо судимости, могли бы не приводить к смене объекта идентификации, а наоборот укрепить ранее неустойчивую идентичность. За счет опыта кризиса у личности появляются новые механизмы разрешения конфликта и развиваются новые адаптивные способы, которые дают опыт в будущем более эффективно справляться с подобной ситуацией.

Об этом же свидетельствует точка зрения В.В.Козлова, указывающая на позитивную сторону девиантных проявлений личности в период кризисных переживаний. Он определяет место девиантному поведению личности в качестве адаптационного

компенсаторного механизма: в кризисные периоды «формируется конфликтное напряжение между уровнями психики и, как следствие, возникают компенсаторные феномены - социальные девиации». Поведенческие девиации, сигнализируют обществу, что субъект поведения находится в опасности, и при этом отражают специфику проблем нуждающихся в коррекции.

Опираясь на потенциал личности, психолог может помочь военнослужащему осознать ситуацию развития личности. И если рефлексия сформирована недостаточно, направить совместные усилия на развитие мышления, если личности не хватает образцов духовных идеалов, обратиться к историческому военному прошлому Российского государства, великих полководцев и событий, в том числе канонизированных в лик святых (Александр Невский и др.). Если личность социально-психологически некомпетентна, возможны варианты групповой СП работы с обязательным решением задач развития самоосознавания.

По Рубинштейну - этапы развития самосознания являются этапами вычленения личности из непосредственных связей с окружающим миром, овладения этими связями и отношениями посредством *действий*. Человек осознает свою самостоятельность лишь через отношения с окружающими людьми, приходя к самосознанию через познание других людей. Самосознание – не только рефлексия себя, но и переосмысливание своей жизни.

Почему возникают кризисы идентификации? – Вечный поиск смысла жизни и «по кому делать жизнь». По религиозным образцам? - Да, замечательно. Но, уже одно то, что каждый имеет внутренний образец, и уже идеален, и надо идти к своему Духу, заставляет личность действовать. Вот коан каждой личности, смысл жизни, да не каждый может его раскрыть гладко и последовательно. Бунтари, не присоединившиеся, и есть те, кто обязательно придут к собственному Духу, если по ходу разовьют самосознание, и им чуть-чуть помочь.

Конечно, если помогающий – духовник, психолог, воспитатель – представляет, как войти в контакт со своим внутренним миром в профессиональных условиях жёсткой структурной организации подчинения и власти. Когда у личности имеются силы и навыки организации активности по преодолению испытания, а также когда личность может и умеет собрать их в одно целое в критический момент, процесс преодоления кризиса протекает в «нормальной»

форме развивающего кризиса. В условиях позитивной дезинтеграции военнослужащий приобретает новый опыт, расширяет диапазон адаптивных реакций. Но и самого военнослужащего можно характеризовать как зрелую личность, которая имеет навыки осознания, самоконтроля, саморегуляции.

Часто кризис идентификации военнослужащих связан с ритуалом перехода в новое социальное сообщество – военнослужащих. Такие инициации существовали во многих культурах, когда молодой человек посвящался в новые тайны жизни, в новое качество более полноценного социального индивида. Как пишет В.В.Козлов в книге «Жизненные кризисы»: «Кризисное состояние является посвящением в ядерную смысловую структуру, приводящее к интроекции в сознание личности новых жизненных ценностей и, таким образом, становится действительным преображением индивида. Кризисное состояние является испытанием на соответствие новой ситуации» (Рига, 2002; С. 89). Поиск новой идентичности всегда связан с «деянием» своей жизни, с поиском ответов на экзистенциальные смыслы.

На наш взгляд, подобные и собственно развивающие кризисы, редко сопровождаются в армии девиациями. Кризисы военнослужащих, сопровождаемы дезадаптивными реакциями, можно отнести к затяжной, хронической (осложненной) форме, когда развитие клинических симптомов вызывает новые дезадаптивные реакции, которые могут принять катастрофический характер и привести к психическим и психосоматическим расстройствам, вплоть до суицида. Крайняя форма хронического кризиса в условиях военной службы, в связи с профессиональными ограничениями, несомненно, является прерогативой психиатров. Чтобы «осложненный» кризис не углублялся, необходима поддержка, прежде всего, психологов.

Для военнослужащих, переживающих кризис идентичности возможны варианты развития личности через регрессию, деструкцию, девиантное поведение, или обращение к внутренним духовным ресурсам. Духовные измерения личности возможно раскрывать через психологическую поддержку и активизацию потенциала саморазвития, смены негативных образцов идентификации на образцы национальной истории, культуры и религии.

ПРОБЛЕМА ТОЛЕРАНТНОСТИ В МУЛЬТИКУЛЬТУРНОМ ОБЩЕСТВЕ

Раченкова И.Я. (Алматы)

Учиться мультикультурализму "настоящим образом"

Итак, мы подошли к разговору о формировании толерантности в журналистском сообществе и обучению принципам и технологиям коммуникаций в мультикультурном обществе. Попробуем задаться вопросом, что означает глубокое понимание какой-либо проблематики, особенно такой сложной, как мультикультурное взаимодействие или мультикультурные конфликты.

Для меня критерием глубины понимания является опыт и, соответственно, осмысленность пережитого - наличие личного или личностного смысла в теоретических построениях и концептах. Некоторые называют этот критерий "правилом марсианина" - если и марсианин понял, смог прочувствовать смысл понятия, значит, оно действительно понятно.

То есть, если мы с вами рассуждаем о любом явлении и делаем это только на уровне разговора: "А что вы думаете о культуре, а что это такое, а что такое конфликт, а как они вообще могут сравниваться, по каким признакам, а как они враждуют, и т.д.", - мы все можем казаться в одинаковой степени как очень умными, так и не очень умными, как все понимающими, так и не понимающими ничего. Но наши действия будут существенно различаться в какой-то конкретной реальной ситуации, говорить мы можем с вами приблизительно одно и тоже, пользоваться одними и теми же словами, а действовать в одних и тех же конкретных условиях по-разному. Потому что каждый человек - это уникальная культура, каждый из нас действует уникально в соответствии с историей своей жизни, ситуациями, в которые он попадает, и опытом, вынесенным из этих ситуаций.

Не всякое знание воплощается в поведении. Вот лишь один пример. На одном из семинаров для журналистов очень много говорилось о толерантности, мы немного играли и даже моделировали одну-две ситуации. Все было совершенно замечательно. Но вот на семинар пришел местный ученый, который прочитал слушателям доклад о своих исследованиях. Речь шла о том, что у представителей разных национальностей замерялся по некой шкале уровень развития группового эгоизма или группового альтруизма. Я не буду сейчас

разбирать само исследование, которое, на мой взгляд, грешило очень многими недостатками. Но этот ученый был известен, весьма уважаем, и доклад делался с очень большим апломбом. После него участников семинара попросили воспринять доклад как обычное выступление на пресс-конференции и написать информацию о том, что они услышали. Уважаемые коллеги, перед этим, напоминаю, увлеченно работавшие на семинаре по толерантности, подготовили тексты, в которых воспроизвели цифры, прозвучавшие в докладе. Ученый сказал, а журналисты честно написали: "Уровень эгоизма этнических немцев - семнадцать целых две десятых, уровень эгоизма этнических русских - двенадцать процентов, ... и т.д. Этнический альтруизм у русских - двадцать восемь процентов, а у эвенков - четыре процента". Комментарии к цифрам либо отсутствовали, либо, в той или иной степени, осуждали те народности, которые "недотянули" с индексами. Ну, и куда делась вся толерантность?

Так что до тех пор, пока человек не начнет действовать, создавать какой-то текст, создавать какой-то продукт, понять и "переделать, обновить" систему его представлений (ему же и свою собственную) очень сложно.

Следовательно, речь может вестись о нескольких постулатах или принципах, которые должны быть положены в основу программ обучения толерантности в различных сферах профессиональной деятельности, будь это журналистика, public relations, маркетинг и др.

Постулат первый - "заниматься массовыми коммуникациями" еще не значит быть "коммуникативно компетентным". Многие проблемы современных журналистов возникают из-за дефицита знаний в области деловых коммуникаций всех уровней - межличностных, групповых, межгрупповых, организационных, этнических, мультикультурных. Необходимо шире использовать возможности социально-психологического обучения и консалтинга не только в системе базовой профессиональной подготовки журналистов, но и в рамках корпоративного и внутрифирменного обучения для сотрудников масс-медиа.

Постулат второй - восприятие и усвоение информации подчиняется жестким законам, которые надо знать и соблюдать. Например, если человек просто услышал даже очень хорошо структурированную информацию, он воспроизведет через некоторое время где-то процентов тридцать услышанного. Если он еще и увидел, скажем, по

телевизору очень хороший видеоряд, сопровождаемый чудным текстом, то он усвоит, может быть, процентов пятьдесят. Если он еще об этом сам поговорит, включится в прямой эфир, диалог, задаст свой вопрос, можно дотянуть процентов до шестидесяти. Но в подлинном смысле знанием полученная информация станет только после того, как человек на ее основе сам произвел действия, актуализирующие полученные знания и ведущие к формированию навыков.

Таким образом, для закрепления теоретических знаний, преподаваемых в режиме лекций или презентаций, не менее половины всего объема учебного времени должно отводиться на так называемые интерактивные, или тренинговые, формы обучения.

Третий постулат, тоже хорошо известный социальной психологии. Речь идет о теории социального обучения, согласно которой человек усваивает почти все знания и навыки эффективного поведения, находясь в группе. На чем построены все тренинговые технологии? На том, что моделируется процесс естественной социализации, в котором мы в особо интенсивном контексте общаемся с самыми разными людьми.

Но тренинг тем успешнее, тем эффективнее, чем более толково подобрана группа, в зависимости от его цели. Предположим, цель семинара - пробудить интерес сообщества к теме. Значит, есть смысл собирать тех людей, кто способен или профессионально призван пробуждать в других интерес к новому. Есть цель - научить конкретным навыкам взаимодействия представителей конкретных культур, мы будем собирать в группу представителей этих культур - разных регионов, разных этносов, разных народностей.

Например, вышеупомянутый семинар с журналистами во многом не удался из-за неправильного подбора участников. Среди них были лишь журналисты, естественным (в социально-психологическом смысле) образом обособившиеся и занявшие оборонительную позицию по отношению к ведущим - не журналистам. Включение в группу вместе с журналистами также самих чиновников и депутатов могло бы существенно разрядить обстановку.

Другое дело, если нужно пробудить профессиональное самосознание у профессионального сообщества. Тогда мы не будем собирать представителей самых разных дисциплин, мы позовем только профессионалов этой сферы. А вот если цель обучения - разработка программы и стратегии развития конкретной фирмы -

следует пригласить только сотрудников этой фирмы, имеющих разные профессии, относящиеся не только к профильной специализации фирмы, но и к вспомогательным службам.

Одним словом, цели могут быть различны на разных этапах изучения проблематики, но они всегда должны быть ясно определены и согласованы с принципами отбора или подбора участников обучения.

Четвертый постулат: человек, соотносясь с другими культурами, проходит последовательно целый ряд стадий или этапов их восприятия. Сейчас существует масса описаний того, как это все происходит. Мне очень нравится описание, в котором выделяется шесть этапов развития отношений с другими культурами.

Первый этап - я не испытываю культурного шока, и вообще у меня нет никаких проблем соприкосновения с другими культурами. Такое полное отрицание того, что эти проблемы вообще существуют.

Второй этап - защита. Научите их правильно себя вести, тогда я смогу вести с ними диалог. Их, не меня.

Третий этап - минимизация различий. Наш мир очень мал, и ничего существенного нас не различает.

Четвертый этап - принятие различий. Вот здорово, где бы я еще мог научиться тому, чем я могу научиться здесь, где мы все такие разные.

Пятый этап - адаптация. Я оказываюсь в состоянии почувствовать себя членом и этой культуры, и другой культуры.

И шестой этап - интеграция. Девиз этого этапа можно сформулировать следующим образом: везде можно чувствовать себя как дома, если ты знаешь, как здесь все происходит.

И вот здесь опять возникает вопрос: ты знаешь, как тут все происходит, или ты думаешь, что знаешь? Ответ на этот вопрос определяет уровень коммуникативной компетентности. Человек начинает догадываться о том, что он может понять собеседника не совсем так, как собеседник хотел бы, чтобы его поняли. И собеседник может понять меня не совсем так, как я хочу, чтобы меня поняли. А соответственно, каждый раз я должен, если я профессиональный коммуникатор, получать обратную связь, так ли меня поняли, как я хотел, и уточнять эту картинку.

Таким образом, еще, как минимум, три вывода, важных для организации эффективного обучения - обучение принципам организации качественной обратной связи, постоянная качественная

обратная связь с теми, кто проходит обучение, и понимание того, что невозможно перейти от первого к пятому этапу, минуя предыдущие.

САМОАКТУАЛИЗИРУЮЩАЯСЯ ЛИЧНОСТЬ: ХАРАКТЕРИСТИКА, ПУТИ И ПРЕПЯТСТВИЯ РОСТУ И РАЗВИТИЮ

Самаль Елена (г. Минск)

Много лет назад, встретив в научно-популярной литературе информацию о том, что человек за свою жизнь реализует лишь 30% того потенциала, который в нем заложен, а 70% остается не реализовано, я задумалась о причинах этого явления. Что мешает реализовать себя в полной мере? Какие условия необходимы? Как понять насколько полно ты себя реализовываешь? Что в результате приобретаешь, какие личностные черты и особенности? Кропотливый теоретический анализ психологической литературы и практические изыскания помогли мне отчасти ответить на эти вопросы и поставить новые. Некоторые из них я и хочу представить в данной статье.

Еще в XIX веке Ф. Ницше предложил образ Сверхчеловека, который умеет жертвовать собой; обладает «дарящей добродетелью»; великодушием и безграничной жаждой деятельной любви; честностью, неустрашимостью; твердостью; героизмом – то есть всем, что, по его мысли, позволит придать свой, истинно человеческий смысл всему на этой земле.

Впоследствии психологами экзистенциально-гуманистического направления были четко выделены значимые характеристики «самоактуализирующейся», «психологически здоровой», «зрелой» личности, которые во многом являются сходными у разных авторов.

А. Маслоу [7, 8], автор теории самоактуализации, в качестве таких характеристик называет эффективное восприятие реальности и комфортные взаимоотношения с ней; принятие (себя, других, природы); спонтанность, простоту, естественность; служение; отстраненность, потребность в уединении; автономность, независимость от культуры и среды, волю и активность; свежий взгляд на вещи; мистические и высшие переживания; чувство общности; глубокие межличностные отношения; демократичность; умение

отличать средство от цели, добро от зла; философское чувство юмора; креативность; руководство в жизни бытийными ценностями. Он пишет: «Самоактуализирующиеся люди имеют свой собственный этический кодекс относительно автономный и индивидуальный, отличный от общепринятого. Мотивация для них – личностный рост, самовыражение, созревание и развитие, т.е. самоактуализация» [7, С. 194].

Кроме этого, самоактуализирующейся личности свойственно дружелюбие, отсутствие агрессивности, способность к глубоким привязанностям; при этом они легко переносят одиночество, проявляют независимость, отстаивают свою точку зрения, свои принципы. Это личности, способные к творчеству, полноценному общению, активному саморазвитию. «Они опираются на внутреннюю природу, свой потенциал и способности, таланты и скрытые ресурсы, творческие импульсы и потребность в познании себя, и благодаря этому становятся все более целостными, осознают, кто они есть на самом деле, чего хотят, и в чем состоит их призвание, судьба или профессиональное предназначение» [7, С. 40].

Отмечая все эти качества, отличающие самоактуализирующихся личностей от обычных людей, А. Маслоу утверждал, что эти личности вовсе не ангелы. В повседневной жизни у них могут быть и эмоциональные срывы, эпизодически давать о себе знать наивность, чувство вины, тревога, сомнения в себе и т.п. Но, несмотря на все подобные несовершенства, самоактуализирующиеся люди — образец психического здоровья, так как демонстрируют, что потенциал психологического роста человечества гораздо выше, чем тот, которого достигает большинство людей. «Хотя в принципе самоактуализация легка, практически она редко имеет место (по моим критериям, безусловно, реже, чем у 1% взрослого населения)» [8, с. 204].

К. Роджерс [13] зрелой личностью считает «полно функционирующую личность» и выделяет следующие ее характеристики: открытость к переживанию (проявляющуюся во всей полноте способность слышать себя, свои переживания, чувства и мысли), экзистенциальный образ жизни (тенденцию жить полно и насыщенно в каждый момент существования), организмическое доверие (способность принимать свои внутренние ощущения и ориентироваться в выборе поведения на них, а не на внешние

обстоятельства), эмпирическую свободу и внутренний локус контроля (способность делать свободный и ответственный выбор), креативность, проявляющаяся в готовности быть процессом. В самоактуализации он видит «…состояние, когда понимаешь и принимаешь, что ты – поток становления, а не окончательная данность. Это значит, что личность является текущим процессом, а не фиксированной и статичной сущностью; текущей рекой изменений, а не куском твердой материи; постоянно меняющимся созвездием возможностей, а не фиксированным набором черт» [13, С. 849].

С понятием «полноценно функционирующего человека» у К.Роджерса связаны понятия «смысл жизни» и «хорошая жизнь». «Хорошая жизнь» – это не жизнь, полная удовольствий, не обладание богатством, властью, добродетелями и т.п. Это выбор человеком своего жизненного пути и движение по нему.

Дж. Бьюдженталь [2] также считал главным делом для человека саму его жизнь, и то, как он ею распоряжается, в связи, с чем он рассматривал природные и социокультурные обстоятельства лишь как материал, предпосылки, на основании которых человек сам строит свою жизнь. По Дж. Бьюдженталю, быть для человека живым – это только вопрос степени, т. к. проживание является «фундаментальным делом жизни». И каждый человек этим делом занимается, но в разной степени. В связи с этим основными характеристиками личности, способной к аутентичному существованию, являются следующие: полное осознание настоящего момента, способность к совершению выбора способа жизни в данный момент, принятие ответственности за сделанный выбор.

Согласно взглядам Р. Мэя [9], обязательным условием существования личности, и первой составляющей этого понятия является свобода, выражающаяся в принятии человеком ответственности за свои поступки, и, за конечный итог своей жизни. А далее следуют: индивидуальность, как обретение человеком своего истинного Я через сознание и принятие; социальная интегрированность, выражающаяся в освобождении от чувства неполноценности для достижения социально полезного результата и принятия социальной ответственности; духовная напряженность, неразрывно связанная с понятиями свободы, автономии и моральной ответственности, отражающая противоречивость природы человека. Внутренняя напряженность приводит личность к непрерывной работе

духовного начала, к осознанию своей духовности и поддержанию устойчивого духовного напряжения, присущего природе человека, его способности к трансцендентности, выходу за пределы собственного Я.

Представление о самоактуализирующейся личности у Э. Фромма связано с наличием продуктивной активности, основанной на удовлетворении ряда потребностей: в установлении связей, привязанности, единения с миром; в трансцендентности, связанной с чувством свободы и собственной значимости; «в корнях», как способности ощутить себя частью мира; в идентичности с самим собой и с другим; в системе ориентаций, необходимой для осуществления возможности действовать целеустремленно. О продуктивной самореализации («быть», а не «казаться» и «иметь»), по Э. Фромму, можно говорить тогда, когда человек стремится к наивысшим для себя достижениям, «творит свою жизнь», пользуясь продуктивной свободой, сочетающей причастность к миру и независимость от него [3].

Важнейшей заслугой Г. Олпорта является то, что он одним из первых заговорил об уникальности каждого человека. Он утверждал, что каждый человек неповторим и индивидуален, так как является носителем своеобразного сочетания качеств, потребностей, которые называл thite – черта. Эти потребности или черты личности он разделял на основные и инструментальные. Основные черты стимулируют поведение и являются врожденными, гипотетическими, а инструментальные оформляют поведение и формируются в процессе жизни человека, то есть являются фенотипическими образованиями. Набор этих черт и составляет ядро личности, придает ей уникальность и неповторимость [15].

Хотя основные черты и являются врожденными, но они могут видоизменяться, развиваться в процессе жизни, в процессе общения человека с другими людьми. Общество стимулирует развитие одних черт и качеств личности и тормозит развитие других. Таким образом, постепенно и формируется тот уникальный набор черт, который лежит в основе «Я» человека. Определенные черты существуют в личности каждого человека, разница только в уровне их развития, степени автономности и места в структуре. Автономность потребностей человека является важнейшей характеристикой сформированности его личности, и дает ему возможность, оставаясь открытым для общества, сохранять свою индивидуальность.

Психологически зрелым Г. Оллпорт [15] считает человека, обладающего следующими чертами: функциональной автономией и осознанностью мотивов поведения; широкими границами Я; способностью к теплым, сердечным социальным отношениям без собственнических чувств, к сочувствию (терпимость к различиям в ценностях, установках, общность со всеми людьми); эмоциональной неозабоченностью и самопринятием (положительный образ себя, терпимость к фрустрациям и своим недостаткам, выражение своего мнения и чувств, считаясь с другими людьми); реалистичностью восприятия, опыта, притязаний и стремлением к достижению лично значимых и реалистичных целей; способностью к самопознанию, чувством юмора (четкие представления о своих сильных сторонах и слабостях, способность посмеяться над последними); цельной жизненной философией.

Э. Шостром также дает описание основных характеристик самореализующейся личности – «актуализатора». Это честность (прозрачность, искренность, аутентичность) – способность быть честными в любых чувствах, какими бы они ни были; осознанность (отклик, жизненаполненность, интерес) – способность видеть и слышать себя и других, способность самого человека сформировать свое мнение о чем бы то ни было в жизни; свобода (спонтанность, открытость) – способность свободно выражать свои потенциалы, быть хозяином своей жизни; доверие (вера, убеждение) – вера в других и в себя, стремление установить глубокие контакты с людьми, связь с жизнью, жизнь в настоящем, способность справиться с трудностями «здесь и теперь» [16].

Обобщив характеристики ряда авторов, С. Мадди выделил следующие черты самоактуализирующейся личности: открытость опыту, включающую эмоциональность и рефлексию; бытие «здесь и теперь», включающее подвижность, адаптивность, спонтанность; индуктивное мышление; веру в организмический процесс; свободу в жизни (чувство свободной воли и контроля над жизнью); творчество [3].

Р. Нельсон-Джоус [9] на основе работ К.Роджерса и А. Маслоу выделяет шесть характеристик полнофункционирующих, самоактуализирующихся людей: открытость для опыта, рациональность, личная ответственность, самоуважение, способность к установлению и поддержанию хороших личных отношений, ведение

этичного образа жизни.

В отечественной психологии также рассматривается и анализируется образ самоактуализирующейся личности.

Степень зрелости личности, по Б.Г. Ананьеву [1], выражается в способности принимать собственные решения и сознательно осуществлять выбор в сложных ситуациях. И наиболее значимые признаки зрелой человеческой индивидуальности, по его мнению, это целостность, обособленность, автономность, неповторимость, наличие у человека внутреннего Я, творчество.

Развивая идеи Б.Г. Ананьева, А.А. Бодалев [1] указывает на следующие психологические характеристики, помогающие человеку достигать «акме» - высшей точки своего развития:

1. Активное отражение действительности и способность хорошо ориентироваться в ней.

2. В каждой возникающей на их жизненном пути ситуации способность находить оптимальное решение и умение его осуществлять.

3. Постановка крупномасштабных целей, способность для их достижения пойти по непроторенным и часто небезопасным путям.

4. Концентрация физических и душевных сил на выполнении задуманного, реализация творческого потенциала.

5. Способность своей увлеченностью, зажигать других людей, превращая их в своих единомышленников и соратников.

6. Принятие себя и других такими, какие они есть, непосредственность в поступках и искренность в выражении своих мыслей и чувств, открытое и честное поведение во всех ситуациях, неприятие условностей, но несопровождаемое грубыми по форме попытками их игнорирования.

7. Установление с людьми доброжелательных личных отношений, за которыми не отступают на второй план интересы дела.

8. Отсутствие конформности и страха стать непопулярными и подвергнуться осуждению за нетрадиционные взгляды, даже если это осуждение исходит от вышестоящих начальников и может негативно отразиться на их карьере.

В.М. Русалов рассматривает зрелого субъекта как особый просоциальный тип самоактуализирующейся личности, творящий себя и способствующий творчеству других людей в свободном обществе. «…Только зрелый индивид, только зрелая личность, только

зрелая индивидуальность может «породить» зрелого субъекта. Но для этого нужны соответствующие социальные условия, т.е. определенный уровень развития духовных факторов» [14, С. 85].

В каждом из нас, как мы видим, есть стремление становиться компетентным и способным настолько, насколько только это возможно для нас биологически. «Как растение стремиться быть здоровым растением, как зерно содержит в себе стремление стать деревом, так человек побуждаем становиться целостным, полным, самоактуализирующимся человеком», так утверждает К. Роджерс. Но в этом процессе человека подстерегают неожиданности и препятствия. Какие они, в чем их суть?

З. Фрейд [11] видит препятствия росту в неумении преодолевать тревожность. Тревожность вызывается ожидаемым или предвиденным нарастанием напряжения или неудовольствия. Ситуации ее порождающие: потеря желаемого объекта, потеря любви, потеря личности (себя), потеря любви к себе.

Существует два способа уменьшить тревожность: непосредственное обращение к ситуации и стремление ее разрешить, и искажение или отрицание самой ситуации. Способы искажения называются защитными механизмами. Использование защитных механизмов для преодоления тревожности является существенным препятствием на пути роста и развития.

Существенным препятствием росту и развитию К. Хорни считает наличие Идеализированного образа (бессознательный феномен, не цель, а фиксированная идея, которую человек боготворит).

Идеалы обладают динамическим свойством: они рождают стремление приблизиться к ним, притягивают; они являются силой, необходимой и бесценной для всякого роста и развития. Но Идеализированный образ становится бесспорной помехой росту, т.к. он либо отрицает недостатки, либо просто осуждает их. Подлинные идеалы ведут к скромности, Идеализированный образ ведет к высокомерию. Идеализированный образ заменяет собой реальную уверенность в себе и реальную гордость.

Самый сильный порок Идеализированного образа – отчуждение от «Я», человек перестает замечать, что он на самом деле чувствует, любит, отвергает, во что верит, т.е. что он есть на самом деле. Человек строит Идеализированный образ, потому что не может

терпеть себя таким, каков он в действительности. Т.е. человек борется между самообожанием и презрением к себе. Человек не может учиться на своих ошибках, он их не видит. Он утрачивает интерес к собственному развитию. То, что он имеет в виду, говоря о развитии – бессознательная идея создания более совершенного Идеализированного образа, такого, в котором не будет никаких изъянов [11].

Препятствия личностному росту по К.Роджерсу – это степень, отличия самости от идеальной самости (показатель дискомфорта, неудовлетворенности и невротических трудностей); неконгруэнтность (различие между сознаванием, опытом и сообщением об опыте); «условие ценности» (поведение или отношение, которое отрицает некоторый аспект самости (формируется с детства)); прибегание к психологическим защитам.

Первоначально возникаемым и формируемым в процессе социализации препятствием личностному росту является «условие ценности». «Когда опыт себя избегается (или намеренно ищется) только потому, что он менее (или более) заслуживает награждения себя, индивидуум оказывается в состоянии условия ценности» - пишет К. Роджерс [11, С.357].

Условие ценности мешает точному восприятию и реалистичному осознаванию. «Я должен быть любим и уважаем каждым, с кем я вхожу в соприкосновение» – крайнее проявление условия ценности. Чтобы поддерживать условие ценности, человек должен отрицать какие-то стороны себя, своей истинности, подлинности. Рост задерживается в той мере, в какой человек отрицает импульсы, отличающиеся от искусственно созданного представления о себе.

Каждый опыт неконгруэнтности между самостью и реальностью ведет к возрастающей уязвимости, которая проявляется в усилении внутренних защит, определяющих опыт и создающих новые поводы для неконгруэнтности. Когда защиты не срабатывают, человек оказывается перед осознаванием разрыва между своим поведением и своими представлениями. И как результат – паника, тревожность, бегство, психоз. «Когда существует несогласованность, но индивид не осознает этого, он потенциально уязвим тревожностью, угрозой и дезорганизацией. Если значимый новый опыт демонстрирует противоречие столь ясно, что оно должно быть сознательно

воспринято, то индивид будет под угрозой и его самость дезорганизуется этим противоречием и неассимилируемым опытом». В этом случае с целью сохранения структуры Самости вступает в действие защита. «Защита есть поведенческий ответ организма на угрозу, цель которой поддержать нынешнюю структуру самости» [Там же].

По Маслоу процесс самоактуализации может быть ограничен: 1) негативным влиянием прошлого опыта и возникшими в результате привычками, которые замыкают нас в непродуктивном поведении; 2) социальными влияниями и групповым давлением, которое часто действует против наших вкусов и суждений; 3) внутренними защитами, которые отрывают нас от самих себя.

Дурные привычки часто мешают росту. Они включают приверженность к наркотикам и алкоголю, неправильное питание и другие, влияющие на здоровье и продуктивность. А. Маслоу указывает, что деструктивное окружение и ригидное авторитарное образование легко приводят к непродуктивным привычкам-паттернам, основанным на дефициентной ориентации. Вообще сильные привычки мешают психологическому росту, поскольку уменьшают гибкость и открытость, столь необходимые для наиболее продуктивного и эффективного действования в различных ситуациях.

Давление группы и социальная пропаганда также ограничивают индивидуума. Они уменьшают независимость суждения, так что индивидуум вынужден подменять собственные вкусы и суждения внешними, социальными стандартами. Общество может также навязывать искаженные взгляды на человеческую природу. А. Маслоу полагает, что это негативное отношение фрустрирует рост, правильным же является противоположное отношение – наши инстинкты, по существу, добры, а импульсы к росту составляют основной источник человеческой мотивации.

Эго-защиты рассматриваются автором как внутренние препятствия росту. Первый шаг в работе с эго-защитами состоит в сознавании их и видении, как они действуют. Затем индивидуум должен постараться минимизировать искажения, создаваемые этими защитами. К традиционному психоаналитическому перечню А. Маслоу добавляет еще два типа защит: десакрализацию и «комплекс Ионы».

Десакрализация – это обеднение собственной жизни посредством отказа относиться к чему-нибудь с глубокой серьезностью и вовлеченностью.

«Комплекс Ионы» – это отказ от попыток полной реализации своих способностей. Как Иона попытался избежать ответственности пророчества, так и большинство людей в действительности боятся использования своих способностей в максимальной степени. Они предпочитают безопасность средних, не требующих многих достижений, в отличие от целей, требующих полноты собственного развития.

Таким образом, по А. Маслоу «два рода сил действуют на индивидуума, а не один. Одни силы толкают его к здоровью, другие же, силы страха и регресса, толкают его назад, к болезни и слабости» [8, с. 164].

Опираясь на идеи Г.И. Гурджиева, А.Б.Орлов отмечает, что, основными препятствиями, стоящими на пути действительного развития человека являются: способность к идентификации («предупредительность» как ее разновидность, выражающаяся в самоотождествлении с ожиданиями других людей), способность лгать, неспособность любить (как «метаморфозы» любви в ненависть и другие негативные эмоциональные состояния Я, наполняющие жизнь человека). «Все эти внутренние препятствия на пути самоисследования и самосовершенствования человека являются следствиями процесса формирования личности, следствиями того обстоятельства, что изначальная человеческая потенциальность (сущность) оказывается в плену своей личностной «оболочки», в своего рода «психической ловушке» [12, С. 527].

Исходя из выше сказанного, необходимо определить то направление или путь, который будет способствовать преодолению препятствий личностному росту и помогать реализации собственного потенциала.

А. Маслоу предлагает следующие пути преодоления ограничений и препятствий самоактуализации [11]: полное, живое и бескорыстное переживание с полным сосредоточением и погруженностью; выбор в пользу роста и развития; прислушивание к голосу импульса собственного «Я»; способность взять на себя ответственность за свою собственную жизнь; быть готовым к независимой от окружающих позиции; актуализация своих

возможностей, реализация своих потенциальных способностей; способность к высшим, предельным переживаниям (самые счастливые мгновения жизни, мгновения восторга, экстаза, мгновения любви, моменты творческого вдохновения, трансценденции); отказ от иллюзий, избавление от ложных представлений о себе, понимание того, что не является твоими потенциальностями; выявление собственных защит и работа по отказу от них.

Анализируя процесс «становления собой», К. Роджерс [13] выделяет следующие его этапы, являющиеся своеобразными позитивными шагами с действенным напутствием:

- Отказ от фасада – быть собой.
- Отказ от «должен».
- Отказ от соответствия ожиданиям.
- Отказ от угождения другим.
- Вперед к самоуправлению.
- Вперед к процессу. Желание быть процессом, где рождаются потенциальные возможности, а не какой-то фиксированной целью.
- Движение к тому, чтобы становиться всей сложностью меняющегося «Я» в каждый значимый момент.
- Открытость опыту.
- Принятие других.
- Доверие своему «Я». Раскрытие внутри себя ценности, и выражение себя уникальным образом.

Необходимым условием самоактуализации, по К. Роджерсу, является принятие человека не только со стороны самого себя, но и значимых для него окружающих. Под принятием понимается положительное отношение к нему как к человеку безусловно ценному, а также вера в его развитие и изменение к лучшему. Помимо принятия для самоактуализации человеку нужно, чтобы значимые для него люди были искренними и конгруэнтными, то есть едиными в своих чувствах, их восприятии и высказываниях о них. Следующим важным условием самоактуализации является эмпатическое понимание – понимание не только мыслей, но и чувств человека, умение увидеть проблему «его глазами».

В итоге человек «становится гармонией сложных чувств и реакций, вместо того, чтобы быть четким, простым и застывшим целым. Это значит, что он движется к принятию «быть-и-я» в самом

себе, он все больше принимает других, слушая и понимая их так же, как и себя. Он доверяет сложности своих внутренних процессов по мере их появления и выражения, и ценит их. Он творчески реалистичен и реалистично креативен. Он обнаруживает, что для того, чтобы быть таким внутренним процессом, надо максимально увеличить уровень внутренних изменений и роста. Он постоянно открывает, что быть самим собой, т.е. обладать текучестью, не означает быть злым и неуправляемым. Вместо этого он ощущает растущую гордость за то, что является тонким и чувствительным, открытым, реалистичным, внутренне контролируемым человеком человеческого рода, приспосабливающимся к сложностям изменяющейся ситуации с храбростью и воображением. Это значит постоянно предпринимать новые шаги к бытию в сознании и выражении, которые будут конгруэнтны с целостными организмическими реакциями» [13, С. 912].

Прогресс в развитии человека видится А.А. Бодалевым [1] в достижении следующих составляющих жизнедеятельности**:**

1. Постоянное саморазвитие. Что означает непрерывную активизацию работы внутреннего мира человека, формирование у него привычки пропускать каждое новое впечатление через созданную им самим систему критериев общественной и личной значимости существа этих впечатлений и самостоятельное вписывание их содержания в иерархию знаний той целостной картины мира, которая успела у него сложиться, а также и его собственную коррекцию указанных знаний под влиянием этих впечатлений по тем или другим мотивам.
2. Изменения в мотивационной сфере человека, когда сильнее, чем раньше, начинают находить свое отражение общечеловеческие ценности.
3. Возрастание умения на уровне интеллекта планировать и затем осуществлять на практике именно те деяния и совершать те поступки, которые соответствуют духу названных ценностей.
4. Появление большей способности мобилизовывать себя на преодоление трудностей объективного характера, мешающих проявлять самостоятельность и совершать деяния в соответствии с этими ценностями.

5. Более объективное оценивание своих сильных и слабых сторон и степени своей готовности к новым более сложным деяниям и ответственным поступкам.

Очень интересный подход к данной проблеме предлагает А.Б. Орлов. По его мнению [12], «эмпирическая» личность (т.е. конкретная, реально существующая) есть «дезинтегрированная совокупность» «персоны», «тени» и «лика». Где «персона» – это зоны психологических защит человека, «тень» – зоны психологических проблем человека, «лик» – зоны гармоничных мотивационных отношений, или зоны психологических актуализаций. «Персона» и «тень» – это результат социализации личности человека.

Развитие личности – это взаимодействие и определенное соотношение на разных этапах социализации процессов персонализации и персонификации. Процесс персонализации обеспечивает демонстрацию сильных сторон «персоны» и сокрытие личностных проблем «тени». Это дает личности наличие трех параметров (или критериев) персонализации: авторитетность, референтность, привлекательность. Процесс персонификации – как стремление быть самим собой – обеспечивает осознание и постижение собственной «персоны» и «тени», ослабление их противостояния, принятие человеком себя как уникальной сущности и стремление к осознанию ее, аутентичность.

«Персонифицированная личность» или «лик» человека представляет собой гармоничные «внутренние» мотивации и бытийные ценности. Для такой личности характерны измененные состояния сознания и «пиковые переживания», ее можно охарактеризовать как «полноценно функционирующую личность». Подлинное самоотождествление всегда связано с отказом от каких бы то ни было личностных самоопределений и самоотождествлений, с постоянным осознанием того обстоятельства, что моя сущность может иметь любые роли и личины, но никогда не сводится к ним, всегда остается за ними, так или иначе, проявляя себя в них. Подлинное самоотождествление означает постоянный поиск ответа на вопрос «Кто Я?», внутреннюю работу по самоисследованию, стремление разобраться в разноголосице субличностей и расслышать сквозь нее наиболее чистые, неискаженные послания сущности, Внутреннего Я» [12, С. 523].

В результате человек, соподчинивший личность своей сущности, входит в контекст трансперсонального общения и начинает использовать свою личность в качестве средства, инструмента своей сущности. Из «господина» личность становится «слугой сущности». «Выход человека из интерперсонального плана действительности в трансперсональный план реальности существеннейшим образом преобразует всю его психологическую структуру. Личность гармонизируется, освобождается от «персоны» и «тени», воплощается в «лик», ее объектная и субъектная границы исчезают» [Там же].

В.В. Козлов [4] видит шаги роста в рефлексии себя, своей Ego-структуры; в движении к «Я-потенциальному» и как следствие к социальной и психологической реализации личности.

Итак, что мы видим. Личность, стремящаяся к реализации своего потенциала, другими словами самоактуализирующаяся личность. Казалось бы, нет ничего проще и естественнее, ведь каждой личности это присуще. Но насколько полно и ярко выражено это стремление у современного человека? И судя по тому, что утверждал А. Маслоу, только у 1% это стремление наблюдается полно и ярко (и только в зрелом возрасте), принося свои плоды. Захотелось проверить, а как дела обстоят в студенческой среде, и есть ли различия в гендерном плане.

В исследовании приняло участие 55 человек (студенты 4 курса заочного отделения факультета психологии МГЭИ, г. Минск): 11 юношей и 44 девушки в возрасте от 24 до 35 лет.

Для исследования использовались две методики МакГро Ф.К. «Шкала подлинности» и «Шкала согласованности» [5]. Данные методики позволяют выявить степень аутентичности личности (приверженности истинному собственному «Я» и его реализация в повседневной жизни) и степень целостности (единства подлинного «Я» и идеального «Я»). Результаты исследования являются выражением степени того, как текущий жизненный опыт – то, что человек думает, чувствует и как живет, – соответствует тому опыту, который был бы при идеальной, в полном ладу с собой, реализованной жизни. Наша истинная суть – это мы, та личность, которую можно отыскать в самой нашей сердцевине. Это та часть нашего существа, которую нельзя выразить через работу, обязанности или роль в обществе. Это сложная совокупность всех наших талантов, умений, способностей, интересов, воззрений, вашей мудрости. Это все наши сильные стороны и ценности, которые являются только нашими и требуют своего выражения, то, на что мы были «запрограммированы» и что мир ждет от нас, на что он рассчитывает.

Полученные результаты представлены в таблицах 1 и 2 с анализом по гендерному признаку:

Таблица 1

Средние значения по шкалам подлинности и согласованности

Шкалы / Показатели	**Подлинность**	**Согласованность %**
М общее по шкале	109	59%
М по мужскому полу	**116**	**65%**
М по женскому полу	107	57%

Таблица 2

Результаты исследования подлинности и согласованности собственного «Я»

Шкалы	**Подлинность**	**Согласованность**

Рез-ты	Ур-нь ниже сред. (71-110)	Средний ур-нь (111-129)	Высокий уровень (130-140)	Низкий ур-нь (1-35)	Ур-нь ниже сред. (36-50)	Средний ур-нь (51-75)	Ур-нь выше сред. (76-90)	Высокий уровень (91-100)
Общий рез-т по шкале (%)	53%	43%	4%	10%	13%	65%	8%	4%
Общий рез-т муж. пола (%)	9%	7%	2%	0%	2%	15%	2%	2%
Общий рез-т жен. пола (%)	44%	36%	2%	10%	11%	50%	6%	2%
Кол-во в % по мужск. полу	50%	40%	**10%**	0%	9%	**73%**	**9%**	**9%**
Кол-во в % по женск. полу	**53%**	44%	3%	12%	15%	63%	7%	3%

Как видно из приведенных результатов, низких значений по шкале подлинности нет, т.е. у студентов обоего пола не наблюдается ярко выраженного разрыва со своим подлинным «Я». Среднее значение по шкале подлинности находится в диапазоне ниже среднего уровня, как и среднее значение результата по женскому полу, а мужской пол попадает в диапазон среднего уровня. Все средние значения по шкале согласованности находятся в диапазоне среднего уровня. Имеются сильные стороны, которые не признаются, а также цели, которые кажутся недостижимыми. Не хватает уверенности, чтобы полностью реализовать свой потенциал.

Детальный анализ показателей двух шкал по гендерному признаку говорит о том, что более высокие результаты присущи мужскому полу. Представительницы женского пола знают о своем «вымышленном» Я и, возможно, понимают, что жизнь не должна быть такой, однако боятся взвалить на себя ответственность за перемены. 12% представительниц женского пола живут по вымышленному «Я». Их усилия направлены на достижение целей, которые на самом деле не являются собственными. 15%

ограничивают и используют лишь незначительную часть своего подлинного «Я». Представители мужского пола боятся быть полностью самими собой из-за той власти, которую над ними имеет мир, но стремятся к реализации подлинного «Я» и это им это удается чаще, чем женщинам (73% против 63%). Среди показателей высокого уровня и выше среднего также лидируют мужчины. Но только 9% мужских против 3% женских по шкале подлинности и 10% против 3% по шкале согласованности говорят о реализации своего полного потенциала, путем поиска источника счастья и радости у себя внутри. Они находятся в гармонии со своим подлинным «Я», имеют четкое представление о своей внутренней сути и о том, чего хотят в жизни, в самых сложных ситуациях заглядывают в себя, «советуются» с собой.

На вопрос анкеты «Что мешает росту и развитию, реализации подлинного «Я»?» представители обоих полов однозначно указывают:

- Социальные устои – 43%
- Существующие стереотипы восприятия гендерной роли – 32%
- Вредные привычки и лень – 25%

Таким образом, каждый из нас имеет внутри себя все необходимое для того, чтобы сделать то, что ему нужно и чего он хочет, но в силу определенных обстоятельств и низкого стремления к реализации себя не делает этого. Как утверждает А. Маслоу, люди продвигаются к самоактуализации скромными шагами. «Я уверен, что хорошая жизнь – не для малодушных людей. Она включает в себя расширение и рост своих возможностей. А для этого нужно мужество. Это означает нырнуть с головой в жизненный поток. Однако наиболее замечательно в человеческой природе то, что, когда индивид внутренне свободен, он выбирает в качестве хорошей жизни именно этот процесс становления» [8, С. 928].

Литература:

1. Бодалев А.А. Вершина в развитии взрослого человека: характеристики и условия достижения. – М., 1998.
2. Бьюдженталь Дж. Искусство психотерапевта. – СПб.: Питер, 2001.
3. Егорычева И.Д. Самореализация как деятельность // Мир психологии. – 2005. – № 3 (43). – С. 11–32.
4. Козлов В. В. Личностный рост: структура и динамика // Ярославский психологический вестник. Выпуск 1 / Под ред.

Ю.К. Корнилова, Москва – Ярославль, Изд-во: «Рос Психол. Об-во», 1999. – 191 с.
5. МакГро Ф.К. В поисках своего подлинного «Я». – Мн.: ООО «Попурри», 2003.
6. Маслоу А. Г. Дальние пределы человеческой психики / Пер. с англ. – СПб.: Изд. гр. "Евразия", 1997.
7. Маслоу А. Мотивация и личность. 3-е изд. – СПб.: Питер, 2006.
8. Маслоу А. По направлению к психологии бытия. – М.: Изд-во ЭКСМО – ПРЕСС, 2002.
9. Мэй Р. Искусство психологического консультирования. – М., 1994.
10. Нельсон-Джоунс Р. Теория и практика консультирования. – СПб.: Питер, 2000.
11. Райгородский Д.Я. Психология личности. Т.1. Хрестоматия. – Самара: «Бахрах», 1999.
12. Райгородский Д.Я. Психология личности. Т.2. Хрестоматия. – Самара: «Бахрах», 1999.
13. Роджерс К. Искусство консультирования и терапии. – М.: Апрель Пресс, Изд-во Эксмо, 2002.
14. Русалов В.М. Психологическая зрелость: единая или множественная характеристика? // Психологический журнал. – 2006. – № 5. – с. 83 – 91.
15. Хьелл Л., Д. Зиглер. Теории личности – СПб.: Питер Пресс, 1997.
16. Шостром Э. Анти-Карнеги, или человек- манипулятор. – Минск: ТПЦ “Полифакт”, 1992.

ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ПРОБЛЕМ ОПТИМИЗАЦИИ ПРОЦЕССОВ ОБУЧЕНИЯ И ВОСПИТАНИЯ ВНУТРИ СИСТЕМЫ «ПЕДАГОГ-УЧЕНИК-РОДИТЕЛЬ»

Святская Илона (г.Минск)

«Мысли и слова, как вирусы, бактерии и микробы, способны заражать. Любая мысль, равно как и слово, всегда обретает материальную форму»

В. Жикаренцев

Современная наука все более пристально изучает человека - особенности саморегуляции, поведения, волевых процессов и стремлений. Крупнейшую проблему представляет собой изучение психологии личности, которое развивается по трём направлениям: дифференциально-психологическому (изучение индивидуальных особенностей), онтогенетическому (формирование личности в детском, подростковом и юношеском возрасте) и общепсихологическому (характеристика целостности личности в отличие от целостности человека как биологического индивида). И наибольшее внимание ученых по-прежнему направлено на изучение личности ребенка. Отойдя от принципов «коллективного воспитания», педагоги и психологи все чаще замечают, что именно личности творят историю, совершают великие открытия, достигают успеха. Но при всем, казалось бы, немалом опыте педагогики как науки, при всем содержательном многообразии наследия «предыдущих поколений», перед учителями встает как бы двойная проблема. Во-первых, задачу воспитывать одаренных и талантливых учеников, сформулированную на государственном уровне, по-прежнему невозможно решить в полной мере. Иначе говоря, процент учащихся, попавших в категорию «одаренных» или «талантливых» к моменту достижения среднего и старшего школьного возраста невысок. Более того, параметрические составляющие каждой категории достаточно расплывчаты. То есть «хотим гениев – не знаем, как осознать гениальность».

Во-вторых, как эту самую гениальность (одаренность, талантливость) развить и воспитать в классе - а еще лучше, воспитать целый класс гениальностей? Казалось бы – чего проще: вооружаемся основами детской и подростковой психологии, в совершенстве изучаем особенности преподавания предмета, варьируем методики, добавляем информационные технологии и… остаемся на прежнем уровне. И причин здесь может быть несколько: от низкой эффективности арсенала методов, приемов и технологий, которые по силам учителю, до полного педагогического бессилия. Среди наиболее частых фраз, звучащих в педагогической среде, можно выделить следующие: « Ученики инертны, не интересуются учебным материалом», «Они закрыты для общения и не хотят воспринимать информацию».

Поиск причин данной ситуации адресовал нас в дошкольной детство. Именно здесь, на наш взгляд, наиболее характерно

проявляются сформированные блоки и проблемы, мешающие ученикам достичь успеха в предстоящей учебной деятельности. Выделяя ключевыми вопросами следующие:

- «Почему ученики не стремятся к изучению нового?»,
- «Почему ребята не могут определиться в собственных приоритетах?»,
- «Что мешает личностному росту учащихся?», -

на протяжении пяти лет мы вели наблюдения в различных группах детей 5-6 лет. Данный возрастной период был выбран для наблюдения не случайно: этот возраст можно считать переходом из безусловного детства в школьную жизнь, переходом от игры к учению.

«В процессе превращения беспомощного младенца в самостоятельного взрослого человека, являющегося полноценным членом общества, происходит и развитие психики ребёнка, усложняется и совершенствуется отражение им объективной действительности. В соответствии с этим исследования направлены не только на констатацию происходящих в психике возрастных изменений, но и на выяснение лежащих в их основе механизмов, а также на установление закономерных зависимостей этих изменений от условий жизни и деятельности ребёнка, от его взаимоотношений с окружающими людьми».

А кто окружает ребенка? Разумеется, родители и педагоги. У всех у них благородная цель – воспитать, научить, развить. Дать как можно больше знаний, сформировать как можно больше умений и навыков… именно здесь кроется первая причина неудачи. Мы называем ее «Синдром охвата необъятного». Стремление «впихнуть» в рамки учебного занятия максимальный объем учебного материала идет вразрез с принципами здоровьесбережения - мы перегружаем ребят, вызывая у них чувство страха перед изучением нового. « Это слишком сложно»,- такая мысль младшего школьника постепенно трансформируется в другую, характерную для более старших учеников: «Это слишком сложно для меня… а значит, не нужно и пытаться понять и выучить». Иначе говоря, излишняя педагогическая озабоченность результатом нарушает гармоничность восприятия и влечет за собой развитие детского и подросткового психокомплекса « я недостаточно умен (умна)». Укоренению этого комплекса в

сознании ребенка способствуют слова и фразы, которыми *родители* «оценивают» ситуацию и ребенка в ней.

Что говорят родители	**Что слышат дети**	**Комментарии**
У тебя опять не получилось – ты плохо стараешься	Я плохой, я неудачник, у меня никогда не получится	Оптимальна настройка на позитив: **«Смотри, уже гораздо лучше, чем раньше», «Ты продвигаешься к успеху – еще немного, и все получится».**
А вот я в твои годы…	Я недостоин своих родителей, потому что я хуже них	Возможна ситуация «от противного»: **« Какой же ты молодец – я помню, как мне было тяжело (писать, считать и пр.) в 6 лет, но ты справился гораздо быстрее меня».** Ребенок слышит, что его трудности понятны другим, но в него верят и поощряют к победе.
Ну вот, так я и знала (что у тебя не выйдет)	Все знают, что я ни на что не гожусь	**«Давай попробуем еще раз – обязательно получится. Знаешь, у взрослых тоже не все получается сразу».** Ребенок ощущает поддержку и доверие родителей и педагогов.
Нет, ты не мой сын – ты такой же глупый, как …(твой отец, мать, бабушка и пр.) вариант: «Посмотри, *твой сын* опять получил двойку»	отец (мать, бабушка и пр.) плохие, но я еще хуже. Меня не за что любить. Я не соответствую своим родителям и недостоин их. «Я не нужен родителям, потому что я недостоин их»	Постоянно подчеркиваем безусловность нашей любви: **« Ну и что, что сейчас не получилось – мы всегда тебя любим и будем любить, что бы ни случилось. А вместе мы победим трудности. Сейчас отдохнем и попробуем еще раз».**

К сожалению, в словах родителей чаще присутствует негативная словесная оценка, либо откровенная объектность в отношении ребенка. Очень часто желание увидеть своего ребенка гениальным толкает родителей к излишне резкой критике достижений ребенка, к желанию наказать его за «недостаточное усердие» - иначе говоря, за несоответствие нашему придуманному идеалу. Если представить эпитеты, которыми родители «награждают» своих детей в случае неудачи (дома или в школе), выстраивается вполне биологическая цепочка.

что говорят родители	**о чем это свидетельствует**
• дурак, • даун, • ненормальный, • глупый, • идиот, • неполноценный	из категории «нормальных» людей со среднестатистическими способностями и уровнем интеллекта мы автоматически перебрасываем ребенка в категорию умственно отсталых – и внушаем ему это постоянно.
• Пялишься, как глупый баран, • молчишь, как овца тупая, • ерзаешь, как обезьяна, • упрямый, как осел	из категории «человек»= «венец природы» мы опускаем ребенка в категорию животных, т.е. на одну ступеньку эволюции вниз
• дубина стоеросовая • чурбан безмозглый	увы, еще ступенька вниз: человек-животное-растение
• чем ты отличаешься от плесневого гриба • примитивный, как амеба	увы, причисляем ребенка к микроорганизмам или простейшим

Лингвистический анализ показывает, что именно родителям свойственно воспитание психокомплексов у собственных детей, причем чаще всего это происходит бессознательно. Некоторые считают, что ругать любя не обидно, – увы, это ошибка. Как правило, дети **безусловно** любят своих родителей и доверяют их мнению: «Если уж мама сказала обо мне, значит, я такой и есть». «Никому не дано вызвать у вас чувство неполноценности без вашего на то согласия», заметила как-то Элеонора Рузвельт.

Именно родителям дети позволяют это, по сути, моральное издевательство над собой – формирование психокомплексов, лишение крыльев индивидуальности и удачи. Откуда возьмутся гениальные дети, если им **никто не говорит об их гениальности, никто не**

верит в нее? Ведь даже из категории «нормальных», т.е. обычных людей мы на вербальном уровне перемещаем ребенка вниз по эволюционной цепочке, а затем закрепляем это многократным повторением на уровне подсознания.

Более того, и родители, и педагоги порой упускают из вида колоссальное влияние искренней похвалы и мотивации на успех, которое буквально окрыляет ребенка!

Приведем пример. В одной группе шестилеток проводилось очень качественное обучение чтению, письму и логике без мотивации к успеху и ежедневных похвальных отзывов о достижениях ребят. В другой группе – тот же педагог проводил занятия, но при этом постоянно позитивно настраивал ребят на преодоление трудностей, искренно замечая и озвучивая достижения каждого. В третьей группе – при соблюдении условий обучения группы № 2 по итогам каждого дня о достижениях рассказывалось родителям учеников. Полученные результаты систематизировались в таблицу.

некоторые составляющие личностного роста учащихся	группа №1	группа №2	группа №3
овладение учебными навыками (осознание принципов чтения, сложения, вычитания)	спустя шесть – семь месяцев после начала обучения	спустя четыре - пять месяцев с момента начала обучения	спустя два с половиной – три месяца с момента начала обучения
интерес к самостоятельному получению знаний	33,1% детей к восьмому-девятому месяцу обучения	46,5 % детей к шестому месяцу обучения	78,2% детей к четвертому месяцу обучения

Подводя итоги статистики, можно с уверенностью утверждать, что совместная работа педагога и родителей по формировании позитивной я-концепции дошкольника является более эффективной, чем, например, работа только педагога. Наблюдая за детьми после окончания дошкольного обучения, были сделаны следующие выводы:

- в процессе дальнейшей учебы в школе учащиеся группы №3 уверенно достигали поставленных целей, легко преодолевали трудности, с интересом осваивали новое.

В процессе дальнейших поисков была найдена вторая причина недостаточной эффективности обучения – **боязнь трудностей.**

Как говорит японская мудрость, если в вашей жизни не было трудностей,- вы не состоялись. Почему-то в нашем славянском менталитете преодоление трудностей для большинства людей до сих пор олицетворяет собой бесполезность борьбы с судьбой, непреодолимость преград и тщетность усилий. Дескать, чего стараться, когда «все против нас, милорд, – и люди, и пространство»?..

Продолжая аналогию с японской системой воспитания, проанализируем слова и действия родителей по обучению преодоления трудностей:

	японцы	славяне
слова	внимание, опасно! стоп, опасно!	НЕ ходи, НЕ трогай, НЕ лезь, Не бери, а то… (пугающие перспективы боли или наказания)
действия	предупреждающий знак рукой, напряженная поза	забрать из рук, спрятать подальше, схватить за (воротник, руку) и ГРОМКО ОТРУГАТЬ

Убивая в ребенке исследователя, мы постоянно пугаем его негативными перспективами, стараемся уберечь его не только от собственных ошибок, но и от самой жизни. Вольно или невольно, мы закрепляем в его подсознании аксиому, что познавать новое – это всегда больно и страшно, а за ошибки обязательно будет наказание. Поэтому уже к шести годам наши дети привыкают драматизировать любые собственные ошибки, не видя позитива в приобретенном опыте, не умея преодолевать трудности в виде собственных страхов и лени.

Пример из собственной житейской практики. Шестилетний сын отчаянно боялся лезть через забор – боялся падения, боялся, что испачкается, боялся, что не сможет. Неделю мы возвращались из садика, покоряя все окрестные заборы – со слезами, грязными коленками, но невероятной гордостью от осознания « я могу». Однажды, увидев нашу эквилибристику, добрая воспитательница решила «помочь» мне такими словами: «Не лазь, а то руки поцарапаешь и одежду испачкаешь, ты же не обезьяна». В эту же секунду сын сгорбился, опустил плечи и глаза, и понуро пошел – нет, поплелся рядом. Пришлось мне вмешаться и повторить, что я горжусь его силой воли, а испачканную куртку мы запросто постираем. И как ни странно, через некоторое время педагоги в садике отметили, что сын стал смелее отвечать на вопросы и перестал расстраиваться по поводу собственных ошибок. А он просто перебросил собственный опыт покорения забора в учебную деятельность и стал покорять математику и письмо.

Простая фраза «Я в тебя верю, у тебя все получится» становится магической формулой подсознания: « Я смогу это».

И третьей психологической причиной, значительно снижающей эффективность обучения, равно как и возможность самораскрытия ребенка, является **сравнение одного человека с другим.** Уча всех всему, мы не принимаем во внимание личностных особенностей наших детей. Приведу пример. Лера П. легко научилась читать в 4 года и 3 месяца, Аня К. - в пять лет и девять месяцев с трудом читала по слогам. При этом с обеими девочками работал один педагог, подбирая индивидуальную программу обучения. Разгадка оказалась проста: бутон Лериных способностей созрел раньше, только и всего. Принимая во внимание физические отличия различных людей – вес, рост, особенности темперамента и скорость реакций, тип восприятия информации (аудиалы, визуалы, кинестетики), мы, тем не менее, продолжаем «выравнивать» детей в возрасте, с которого начинается обучение, в принципе отвергая отличия в психологической готовности к обучению. «Психическое развитие ребёнка происходит в условиях усвоения им исторически выработанных знаний, умений и норм поведения, а процесс обучения и воспитания должен учитывать возрастные психологические особенности учащихся и достигнутый уровень развития их личности», - рекомендует нам теория педагогики и психологии, не конкретизируя, как их учитывать. Исходя из

практических наблюдений, можем предложить условный физиологический метод: с момента выпадения первого молочного зуба ребенок начинает более осознанно воспринимать учебный материал, увеличивается его желание учиться (пропорционально ощущению себя взрослым).

Доверяя ребенку, до выпадения первого зуба мы не стремимся искусственно ускорить интенсивность обучения, если ребенок к ней не готов. Если заставить бутон расцвести раньше срока, - он быстро завянет. Иначе говоря, в процессе обучения идем «от ребенка», держа в памяти аксиому о различных психологических и физических особенностях протекания процессов запоминания, усвоения и воспроизведения изученного у разных личностей.

Сегодня достаточно много написано о невозможности сравнения « Маши с Валей» именно в силу указанных выше причин. Нам хотелось бы акцентировать внимание на грамотном педагогическом комплименте и осознанности похвалы. В силу стереотипности мышления педагогов, многие из нас систематически хвалят одних и тех же – тех, кто лучше всех (пишет, читает, решает), упуская из радиуса внимания остальных учеников. Иначе говоря, «если Саша ЛУЧШЕ всех пишет, значит, остальные пишут хуже или плохо или недостаточно хорошо», - рассуждают дети, и не стремятся улучшить свои навыки. Среди ответов на вопрос «Почему мне это не надо», превалируют такие:

- так хорошо, как он, я не смогу
- я никогда не буду лучшим, потому что он уже лучший
- зачем и стараться, ведь меня никогда не хвалят.

Корректная педагогическая деятельность заключается в похвале каждого, но особенно того, кто произвел самый большой скачок («…помнишь, как вчера у тебя не очень хорошо получалось, а сегодня ты просто молодчина»). Или: «Вы все молодцы, видно, как вы старались. Но посмотрите, какая умничка сегодня Олечка – человек так постарался, так легко преодолел свой страх, что сегодня у нее все получилось замечательно – правильно, четко и уверенно».

Подводя итоги, хочется отметить, что воспитание психокомплексов, излишняя опека и боязнь трудностей, неумение хвалить и осуществлять позитивную настройку на достижение целей – это только часть негативных факторов в коммуникативном единстве

«педагог - ребенок - родители». И преодолевать их нужно совместными усилиями.

Учитывая все подводные камни на пути к гармоничной, развитой и гениальной личности, мы работаем на единственно возможный педагогический результат – обучение не вех, но каждого, воспитание не рядовых – но исключительных. И помним, что мысль и слово способны изменить будущее наших детей.

Литература

Эльконин Д. Б., Детская психология (развитие ребёнка от рождения до семи лет), М., 1960

ТВОРЧЕСТВО КАК ПСИХОТЕРАПЕВТИЧЕСКИЙ ПРОЦЕСС

Симонянц Е.А. (Ростов на Дону)

Что бы ни делал человек – это творчество, ибо в результате появляется то, чего раньше не было. В самом деле, каждый наш шаг, каждый вздох даже механистично совершаемый, ежесекундно обеспечивает создание чего-то нового: что-то постоянно происходит, создается, изменяется.

Однако, творчество не только абсолютно для всех, но и относительно, то есть зависит от субъективных, в частности, психологических факторов, определяющих жизнедеятельность человека. И не в них ли кроется причина застоев, повторов в деятельности, нетворческого поведения, утери и деградации способностей человека, как и возможность к их раскрытию и полной реализации личности? Вот почему проблемы психологии творчества можно считать основополагающими в теории жизнедеятельности человека.

Сфера деятельности, в которой творчество проявляется с особой полнотой – это искусство. В нем процессы индивидуального поиска закономерно венчаются появлением произведения, неповторимого по сути. Основное в этой деятельности – создание духовных ценностей, как проявление высших возможностей человека. Тогда можно сказать, что художник (в широком смысле слова) является представителем той части общества, деятельность которой наиболее приближена к такой,

в которой со всей полнотой осуществляется реализация возможностей индивидуума.

Психологическая проблема творчества видится в наличии противоречия между представлениями человека о предмете (событии, явлении) и тем, чем он является. Можно сказать, что это противоречие между тем, что есть и тем, что должно быть. Парадоксальность проблемы в том, что в действительности противоречия нет: субъективность художника и требования предмета не находятся в противоречии, они абсолютно тождественны друг другу. В процессе же творческого акта происходит сближение смыслов, приближение семантической основы предмета и психических процессов личности художника вплоть до полной их идентификации. Это проникновение художником в сущность материала достигается на пути расширения его представлений одновременно о предмете и о самом себе. Таким образом, разрешаемое в творчестве психологическое противоречие есть ничто иное, как противоречие уровней сознания человека.

Область научного поиска при изучении творческого процесса, была очерчена еще классическим психоанализом – это человеческое бессознательное. Однако, в отношении искусства, как деятельности, продуктом которой являются духовные ценности, этот метод оказался недостаточным, так как он рассматривает проблемы искусства в основном из примата биологической основы структуры психики. Трансперсональное же направление в психологии, принимая за основу именно духовную составляющую психики, тем самым значительно расширяет возможности осмысления механизмов творческого процесса. Методологической основой этого направления является холономный подход к психики человека, понимающий наличное бытие как фрагмент непознанной реальности, и при определенных условиях человек может получить доступ к любому аспекту этой реальности. Цель психотерапии понимается как «возвращение» человека к его целостности, к более целостному восприятию окружающего мира. Именно в этом контексте представляется творческий процесс как психотерапевтический.

Соприкасаясь с искусством – будь то непосредственный процесс создания художественного произведения или его созерцание, человек испытывает мощные переживания, эффект которых заключается в исцеляющем воздействии на психику. Можно сказать, что творчество представляет собой уникальный психотерапевтический процесс,

спонтанно организованный самой жизнью. При этом психика художника оказывается вовлеченной в холодвижение, признаком которого являются переживания, испытываемые человеком в так называемых холотропных состояниях сознания. Их описание удивительно напоминает переживания человека, находящегося в состоянии творчества или созерцающего «продукты» этого состояния. Это изменения в чувственном восприятии, когда формы и краски внешнего мира резко преображаются, а человека захлестывают образы из его личной истории и коллективного бессознательного, когда возникают видения различных природных явлений, космоса, мифологических сфер. Все это отображается художественными средствами в произведениях искусства и выступает одновременно своеобразной формой объективизации этих состояний. Таким образом, можно предполагать, что художник является представителем той специфической части общества, которая обладает даром «видеть» свое бессознательное и закреплять его в собственных произведениях.

Само же произведение искусства является оригинальным, как минимум «двухслойным объектом», демонстрирующим одномоментное сочетание двух путей поиска (интуитивного и формально-логического) и закрепление смыслообразующей основы воспринимаемой реальности. Оно может рассматриваться как своеобразная «символьная матрица», к которой закодирована информация о человеке и об окружающем его мире, иными словами, информация о человеке как о микрокосме в Макрокосме. Так, деятельность художников отражает саморефлектирующий, самоисцеляющий принцип Вселенной.

Из всех видов художественного творчества именно изобразительное искусство выбрано для изучения психических процессов во время творческого акта. Это объясняется не только тем, что зрительное восприятие является наиболее обширной модальностью человека. Дело в том, что это единственный вид творчества, обеспечивающий холономное восприятие многомерной реальности, фиксированной художником в одной пространственно-временной координате (точке), в отличие от поэзии и музыки, в которых «повествование» является длящимся, развертывающимся во времени линейно. С этой позиции рефлексия человека категорий пространства и времени приобретает совершенно иное философское звучание.

Согласно положениям холономного подхода информация, опосредуемая мозгом, становится доступной каждой клетке тела человека, а каждая частица энергии и материи представляет собой микрокосм, свернувший в себя целое – Макрокосм. Тогда рука художника, направляемая нервными импульсами, идущими из головного мозга, рисует картинку его внутреннего психического пространства, резервуаром которого является Вселенский разум. Вот почему особую ценность для психологии творчества имеет «рукотворное» произведение изобразительного искусства.

В результате проведенного исследования психологической составляющей природы и механизма творческого процесса разработана модель творческой личности, описывающая динамику «внутреннего пространства» психики художника. Ее графический образ аналогичен модели сознания человека как микрокосма Вселенной, известной из древних источников философского и духовного наследия. Графическая интерпретация динамики психики, ведущей к углублению и усложнению процессов, сопровождающихся переходом сознания в другие состояния, оказалась аналогичной движению духа в Модели Творения, известной в сакральной геометрии [1].

Модель личности художника представляет собой трехуровневую (сверхсознательное – сознательное - бессознательное) и четырехчастную структуру областей динамики элементов по уровням психики. В такой картине понимания творческого процесса предметом изучения стал элемент бессознательного – динамическая констелляция воспоминаний, объединенных общим эмоциональным зарядом – СКО (система конденсированного опыта). Предполагалось, что именно она является импульсом, оживляющим более глубокие слои бессознательного, механизмом, «запускающим» творческий процесс и позволяющим выйти на трансперсональный уровень психики. Содержание же СКО художника и представляет собой информационную «матрицу» внутреннего пространства его психики.

Практические исследования в направлении, предлагаемом моделью личности художника, были сосредоточены на двух вопросах, ответы на которые могли бы пролить свет на те «определенные обстоятельства» при которых человек получает доступ к любому аспекту реальности. Первый касается «пусковых механизмов», делающих возможным появление в сознании художника содержания

бессознательного. Важно было найти объяснение, почему некоторые люди сталкиваются с перинатальными и трансперсональными элементами своей психики только после приема препарата или применения мощной техники, тогда как другие (в данном случае это художники) подвержены постоянному вторжению бессознательного в самых обыкновенных обстоятельствах жизни. Второй вопрос – об индивидуальном отношении к содержанию этих переживаний. Способность индивида удерживать процесс внутри, «обладать им» как собственным интрапсихическим событием и завершать его внутренне, не отыгрывая преждевременно во внешних действиях, отчетливо ассоциируется с мистическим отношением и свидетельствует о глубинном здоровье [2].

В связи с вышесказанным, для изучения «пусковых механизмов» творчества представлялось необходимым провести диагностику психологических состояний творческих людей методом тестирования. Чтобы выявить наличие напряжения в психике художника, использовались тесты, определяющие уровень тревоги. Для творческих людей тревога может являться одним из важнейших психиатрических симптомов. Интенсивность тревоги кроется в перинатальном источнике, а специфический выбор людей, объектов определяется более поздними биографическими ситуациями, представляющими собой содержание СКО. Таким образом, эта интенсивность и выступает в роли пускового механизма творчества, иными словами, является ничем иным, как ***импульсом творческого процесса***. Для выявления уровня тревоги был использован тест «Шкала самооценки Ч.Д.Спилбергера, Ю.Л.Ханина». Для измерения уровня тревожности использовался опросник «Личностная шкала проявления тревоги».

Следующее состояние, важное для выявления напряжения в психике – депрессия. Интересующие в данном исследовании аспекты депрессии – ощущение застопоренности, безнадежности, безвыходности, энергетическая блокада. Глубинную природу депрессии можно понять по динамике перинатального уровня бессознательного и связанных с ним СКО. Для диагностики депрессивных состояний был применен тест «Шкала депрессии».

Кроме этого, в процессе психодиагностики представлялось необходимым выявить личностные черты творческих людей – акцентуации характера. Это эмоциональные и психологические

проявления, объединенные в понятие «симптомы». Для выявления личностных черт был применен характерологический опросник К.Леонгарда. Согласно модели личности художника, акцентуации характера, определенные как психологические симптомы, коррелируют с СКО, а перинатальная и трансперсональная динамика модели может логически вывести большинство психологических симптомов из специфических характеристик процесса рождения, и космобиологических детерминант. Так, десять акцентуаций опросника были проанализированы с точки зрения симптомов динамики бессознательного и выявлены соответствующие им базовые перинатальные матрицы и сопутствующие СКО.

Еще одним психологическим способом выявления СКО стал «Метод исследования уровня субъективного контроля» (УСК). Предполагалось, что неуправляемая область жизни свидетельствует о наличии материала, вытесненного в бессознательное. В этой области и могут находиться соответствующие СКО. К тому же тип локализации контроля: экстернальный или интернальный может играть определяющую роль в выборе личностью модуса психологического процесса – мистического или психотического.

Для обобщения психологической картины испытуемого использовался тест «Несуществующее животное», построенный на теории психомоторной связи.

Итак, методы тестирования выявляют область психологического напряжения художника. Эта область – область конфликта, область скопления нервной энергии, указывающая на наличие и характер СКО. Когда речь идет о художниках, предполагается, что содержание их деятельности – творчество, будет отражать содержание СКО, то есть являться тем слепком-снимком, фрейдовской «картинкой-загадкой», несущей информацию о внутреннем пространстве его психики. Зная это, и применяя модель личности художника, становится возможным объяснять, а в некоторых случаях и прогнозировать пути разряда нервной энергии, как пути движения психики художника к самоисцелению.

Для проверки этого положения был проведен эксперимент, в котором приняли участие 11 человек (6 студентов и 5преподавателей) Ростовского института архитектуры и искусства.

В результате анализа обычного психического состояния одиннадцати художников было выявлено наличие у них повышенного

эмоционального напряжения. Так, даже такая небольшая выборка показала, что у большинства из них (у 8 из 11) высокий уровень личностной тревожности, что прямо указывает на наличие невротического конфликта. Высокие показатели по шкале демонстративность (у 9 из 11) указывают на повышенную способность этих людей к его вытеснению и подавлению, что свидетельствует о неустойчивом, критическом состоянии психики.

Для живой природы свойственны процессы, ведущие к неустойчивому равновесию и к возникновению механизмов стабилизации этих состояний. Принцип неустойчивого равновесия является и фундаментальным принципом композиции для всего искусства. Можно утверждать, что искусство, как и вся живая природа, функционирует вблизи неустойчивого, критического состояния [3]. Функционирование психики художника, таким образом, может являться ответом на поставленный вопрос о том, почему некоторые люди (в данном случае художники) имеют сравнительно легкий доступ к своему бессознательному.

Также, высокие показатели по шкалам возбудимость (у 9 из 11) и эмотивность (у 10 из 11) позволяют выдвинуть предположение, что динамика психических процессов художника может быть объяснена из такой особенности, отличающей его от остальных людей, как способность испытывать глубокие чувства и сильные эмоции. В результате, ментальные конструкции, определяющие структуру его сознания (представления, понятия), постоянно подвергаясь «бомбардировке» чувств легко разрушаются и создаются вновь. Вероятно, поэтому на уровне обыденного сознания художник не имеет жестких убеждений, мнений, суждений, приверженности чему-либо одному. Вернее было бы сказать, он их трансцендирует, демонстрируя дивергентность мышления – широкий диапазон творческого поиска, способность смотреть на предмет под разным углом зрения. Этой особенностью и может объясняться то, что художник имеет легкий доступ в свое психическое бессознательное: силой эмоционального реагирования он разрушает, трансцендирует грань между сознательным и бессознательным.

В ходе психологического обследования были выявлены и определены области вытеснения, что может быть проинтерпретировано как области СКО испытуемого. В зависимости от характера проблемных областей, степени выраженности и их

энергоемкости, каждый из испытуемых «показал» свой рисунок психики, не повторившийся ни у одного.

Анализируя результаты исследования уровня субъективного контроля, было отмечено, что лишь один испытуемый имеет отклонения по пяти шкалам интернальности из шести, не управляя, таким образом, пятью областями жизни из шести. Из личной беседы было выяснено, что не так давно он проходил курс психотерапии по поводу навязчивого невроза. Можно предположить, что психотическое состояние при столкновении с бессознательными областями психики более характерно экстернальному типу людей, тогда как интернальность обеспечивает мистический способ функционирования психики, свидетельствуя о глубинном здоровье.

Еще одно интересное наблюдение по УСК: было отмечено, что все художники, кроме одного, показали значительные отклонения по шкале общая интернальность. Этот факт можно проинтерпретировать как свидетельство о наличии напряжения в психике художника, как признака ее неустойчивого состояния.

Все вышесказанное позволило сделать выводы:

- наличие напряжения – необходимое и достаточное условие для осуществления творческого процесса;

- области напряжения – это и есть области СКО, при этом их сочетание может рассматриваться как индивидуальная «матрица личности»;

- рефлексия СКО через творчество – один из механизмов стабилизации состояний неустойчивого равновесия психики художника, способ его жизнедеятельности.

В связи с постулируемым положением о том, что творчество есть способ существования для всех людей, представляется необходимым в дальнейших исследованиях с целью выявления особенностей функционирования психики, провести сравнительный анализ психического состояния людей «нетворческих» профессий.

Апробация модели на примере творчества художника подтвердила выявленные психологическим тестированием эмоциональные проявления, которым соответствуют СКО. СКО действительно являются импульсом творческого процесса, определяя одновременно с этим и его смыслообразующую основу. В таком проявлении СКО выступает в роли своеобразной психологической «матрицы» внутреннего пространства личности художника. В

творчестве происходит углубление психических процессов – художник рефлектирует не только биографический, но и перинатальный и трансперсональный уровни психики. В этом – феномен творчества, содержание и смысл которого – движение к собственной целостности. Психологическое состояние художника, событийный ряд его жизни за анализируемый период, описывается предложенной гипотетической моделью личности. Прогностичность модели подтверждается содержанием новых работ художника, созданных в последнее время, вполне укладываясь в холономную концепцию о процессах сознания. Процессы психики художника обеспечивают поворот сознания, инициируя бесконечное число поворотов, и тогда сознание становится perpetum mobile творческого процесса. Творческий процесс, понимаемый таким образом, есть проявление общего принципа эволюции сознания. Каждая картина художника становится шагом на его пути к целостности, а каждый вздох его – холотропным.

Список использованной литературы:

1. Друнвало Мельхиседек. Древняя тайна цветка жизни. /Пер. с англ. Под ред. И.В.Сутокской.- М.: ООО Издательский дом «София», 2005. – 304 с.

2. Гроф С. За пределами мозга. /Пер. с англ. А.Андрианова, Л.Земской, Е.Смирновой под общ. ред. А.Дегтярева. – М.: ООО «Издательство АСТ» и др., 2002. – 504 с.

3. Евин И.А. Искусство и синергетика. – М.: Едиториал УРСС, 2004. – 164 с.

ПОРОЧНЫЙ КРУГ СЕМЕЙНОГО НАСИЛИЯ

Таипов Денис (г.Челябинск)

Проблема насилия в семье – одна из актуальных социальных, медицинских, психологических, педагогических, правовых и экономических проблем, которая требует внимания специалистов, общественных организаций и объединений. Социологические исследования последних трех лет показывают, что насилию в семье подверглись более 80% граждан РФ. 2680 преступлений, зарегистрированных в 2005 году в Челябинской области (население 1300000 человек), были совершены на почве семейно-бытовых отношений.

Насилие может быть проявлено в разных формах:

- Физическое (24% опрошенных)
- Сексуальное (1.5% опрошенных)
- Экономическое (17.5% опрошенных)
- Психологическое (57% опрошенных)
- принуждение к употреблению алкоголя, наркотических веществ и т.п.

Насилие в семье это мощный деструктивный фактор в отношении социального организма. Оно ущемляет свободу самовыражения и способность творчества, т.е. экзистенциальные потребности нашей жизни. Неудивительно, что насилие приводит человека в любом возрасте к нарушению психического и физического статуса и поведения, вплоть до завершенного суицида. Даже наблюдение за проявлением насилия является мощным стрессогеном, способным значительно деформировать картину мира и модель поведения.

Будучи объектом насилия, человек способен утратить многие жизненные смыслы и ценности, в первую очередь, семейные и попасть в порочный круг универсальных проблем, таких как:

- страх показаться и быть неудачником, некомпетентным, ничтожным человеком
- глубокое чувство межличностного отчуждения, во-первых, из-за потери коммуникативных навыков, во-вторых, из-за неудовлетворенной потребности заботиться о других, любить и быть любимым и, в-третьих, из-за боязни других людей
- неуверенность в себе и отсутствие самоуважения
- переживания по поводу деструктивности и бессмысленности жизни
- переживание вины

И это далеко не единственный порочный круг. Одним из самых опасных порочных является формирование у детей модели взаимоотношений между родителями и между родителями и детьми. Эта модель семейных отношений передается через поколения как наследственное заболевание и выходит из рамок семьи в социальное пространство, где дуплицируется в отсутствие семейных традиций и педагогики. Насилие становится нормой или стереотипом социальных отношений.

В семье, практикующей насилие, меняется круг общения, друзей и знакомых, круг общих интересов и занятий, формируются

ограниченные и деструктивные установки, образуются патологические внутренние и внешние, соседские, товарищеские и т.п. связи. Появляется напряженность в социальных отношениях. Продуктивные позитивные отношения трансформируются в конфликтные. Эта семья уже не может играть центра психологической защиты и поддержки человека, среды, в которой он находит покой и отдых и выполнять функции воспитания и социального контроля.

Следующим этапом этого процесса является желание ухода от реальности, интерес к алкогольсодержащим, наркотическим веществам и другим психотропным средствам и последующая аддикция, что ведет к дальнейшей антисоциализации. Например, удельный вес преступлений, совершенных в состоянии опьянения, составляет 55%.

Антисоциализация только в рамках домашнего насилия выражается в преступлениях против личности, иногда принимая тяжелые формы, таких как угрозы убийства, умышленное причинение вреда здоровью, побои вплоть до убийства или доведения до самоубийства. Следует не забывать и о том, что безопасность личности вообще, в том числе и в семье, является основой безопасности всего общества. Чем дольше во времени существует насилие, тем выше вероятность развития наиболее деструктивных моделй, и тем труднее осуществлять психологическую коррекцию, лечение, социальную реабилитацию и адаптацию.

У женщин, подвергшихся насилию, выделяют следующие возможные модели поведения:

- «жертва – палач», с применением физического насилия и с неблагоприятным исходом вплоть до трагической смерти;

- «уход из реальности», с проявлениями тревоги и депрессии, возникающими при проживании собственного состояния как жертвы или палача и последующим употреблением психотропных веществ (наркотиков, алкоголя, крепких кофеинсодержащих напитков и т.п.);

- «уход в проституцию и порнобизнес» как поиск половой любви и безусловного принятия, которые подменяются сексуально распущенным и безответственным поведением. В данном случае возможна связь насилия и траффика, так как женщины с данным видом психологической защиты чаще оказываются вовлечены в сферы оказания сексуальных услуг;

- «уход в игорный бизнес». Тревога и депрессия уменьшаются за счет выделения адреналина и гормонов удовольствия при участии в игре в казино, на игровых автоматах, в азартных играх и т.п.;

- «стремление к восстановлению душевной целостности» с участием в деятельности религиозных сект, клубов по интересам. В этом случае такое участие занимает большую часть психической жизни и носит доминирующий характер, в то время как другие составляющие сферы жизни остаются вне зоны внимания;

- «уход в семью и материнство» с полной концентрацией внимания женщины на семейной жизни и выполнении исключительно семейных и материнских обязанностей без получения удовлетворения от их выполнения, что сопровождается вытеснением своей роли как личности в обществе;

- «назойливый шопинг» с чрезмерным посещением магазинов с навязчивым стремлением траты денег и приобретением как можно большего количества вещей, коллекционированием каких – либо предметов, причем это действие носит узконаправленный характер и помогает восстановить на какое-то время душевное равновесие;

- «фиксация на внешнем виде» с чрезмерным уходом за собой, излишней концентрацией внимания на своем лице, чрезмерным использованием косметики, частым посещением косметолога или пластического хирурга, которые носят сверхценный характер и являются приоритетом; при этом остальные жизненные сферы остаются без внимания;

- «трудоголизм» с полным посвящением себя работе, невозможностью чередовать труд с полнценным отдыхом, появлением чувства внутреннего дискомфорта во время отдыха и чрезмерная потребность в работе, отдаче указаний подчиненным; работа в выходные и праздничные дни с привлечением к этому всего рабочего коллектива

Максимальное деструктивное влияние на личность оказывают первые четыре варианта поведения, т.к. они ведут к глубокой деградации личности и сопутствующим психическим и физическим расстройствам. В остальных видах можно говорить о полном или частичном «сужении» жизненного пространства, что приводит к деформации личности и снижению качества ее жизни.

Проблема траффика неразрывно связана с проблемой насилия в семье. Траффик – это продажа людей, вовлечение людей в секс-индустрию. Основными жертвами траффика являются представители из стран третьего мира, различные меньшинства, дети и женщины. Торговлю женщинами также подпитывают современные тенденции переводить на законы рынка любую деятельность человека, в том числе, и сексуальную; в результате чего секс становится объектом купли-продажи. Это выражается в организации центров проституции, где встречаются поставщики и потребители «товара».

По данным исследования Донны Хьюз (профессор университета Роуд Айленд), мужчины, покупающие секс, не уважают и не хотят уважать женщин. Они хотят и могут при желании унизить, оскорбить и надругаться над женщиной, ребенком.

Мужья, партнеры, сутенеры и покупатели секса прибегают к насилию и угрозам для контроля над женщинами. В результате женщины переживают физические, эмоциональные и сексуальные травмы, они страдают от множества болезней, телесных повреждений, инфекционных заболеваний, психических расстройств. Большинство женщин обращаются к наркотикам и алкоголю. Многие женщины этой группы пережили ситуацию насилия в детстве.

Как рождается насилие? В основе него лежит межличностный конфликт, который может длиться иногда в течение многих лет и состоит из противоречия интересов, потребностей, средств и форм их удовлетворения.

Почему объект насилия продолжает подвергаться такому воздействию? Причина в том, что вне семьи пострадавшие не могут найти для себя ни безопасности, ни жилья, ни финансовой, ни моральной поддержки, т.е. преимущественно, по социальным причинам. Кроме того, жертвы домашнего насилия не обращаются в социальные службы из страха перед агрессором и, в т.ч., из-за боязни его мести.

В судебной психологии и судебной психиатрии существует отдельный научный раздел – виктимология, которая изучает механизмы формирования насилия, особенности поведения жертвы и насильника, внутренние предпосылки и факторы, приводящие к данному феномену в обществе.

В виктимологии часто используется понятие «жертвы» и «палача», как наиболее ярко отражающие суть их взаимодействия друг с другом в процессе насилия.

Основными психическими состояниями людей, находящихся в таких отношениях, наиболее часто встречаются:

- состояние зависимости от кого-либо (жертвы от палача или палача от жертвы)
- неосознанное получение удовольствие от боли (физической или душевной) – мазохизм или от причинения и созерцания проявлений боли – садизм
- привычный стереотип отношений по типу жестокого обращения в семье – традиции внутрисемейных отношений.

Среди опасных последствий – нивелирование ценности человеческой личности и жизни, что сопровождается следующими эмоциями и чувствами:

- страх физического и др. воздействия
- страх остаться в одиночестве
- страх повторения актов насилия
- страх смерти, травм
- страх тяжелых утрат, лишений
- беспомощность
- грусть
- тоска по происходящему
- вина, проецированная агрессором
- стыд разоблачения себя как беспомощного, несамостоятельного, незащищенного, имеющего различные недостатки человека
- стыд за неспособность принять решения и выполнить действия
- Вина за безрезультатность своих попыток облегчить страдания
- жалость к себе
- гнев в отношении агрессора
- гнев в отношении окружающей среды – проецированный

Возможны следующие физические и психические состояния:

- утомление
- бессонница, нарушения сна
- ночные кошмары
- неопределенное беспокойство, тревога

- неясность мыслей, спутанность сознания
- снижение памяти и концентрации внимания
- головокружения
- сердцебиения
- тремор
- затруднения дыхания
- припадки удушья
- ощущение комка в горле
- тошнота
- диарея
- мускульное напряжение, доходящее до болевого симптома, в т.ч. головные боли, боли в спине
- расстройства сексуальной сферы
- другие психосоматические симптомы, симптомы тревоги и депрессии

Усилению трессоустойчивости в этой ситуации насилия способствуют:

- ощущение важности своего существования
- чувство независимости и способности влиять на собственную жизнь
- открытость и интерес к переменам; отношение к ним не как к угрозе, а как к возможности развития

Среди часто проявляющихся эффектов иногда наблюдаются некоторые патологические:

- сверхреактивность, которая проявляется в панической реакции, либо в попытках вновь проиграть ситуацию насилия
- оцепенелость, которая приводит к тактике избегания и попыткам социальной самоизоляции
- отреагирование, когда объект насилия стремится воспроизвести событие, связанное с насилием. Основная причина тому – самообвинение в неправильности действий. Бессознательно объект надеется, что при повторном проигрывании ситуации, его поведение будет более адекватным, а результат более удовлетворительным и в каком-то важном для него смысле продуктивным. Обычно этого не происходит. И даже часто происходит противоположный эффект с накоплением насильственного опыта.

Нередко семейное насилие приводит к комплексной травме, которая сопровождается психическими и физическими хроническими заболеваниями, алкогольной и медикаментозной зависимостью, наркоманией, социальным проблемам, дезадаптивному и суицидальному поведению. В этом случае не обойтись без профессиональной социальной, психологической и медицинской помощи.

В консультативной практике очень часто встает вопрос о решении этой проблемы.

Каким образом можно работать с такими семьями? Среди эффективных методов, автор статьи выделяет дыхательные психотехники и психодраму. Эффективность таких методик подтверждается практикой.

Дыхательные психотехники могут быть использованы как в групповом, так и в индивидуальном режиме, с музыкальным сопровождением или без него, в оборудованном закрытом помещении или в травматическом отношении безопасных естественных природных условиях. Известно и подтверждено многочисленными исследованиями, что группа посттравматических стрессовых расстройств имеет наиболее эффективный способ лечения, а именно дыхательные психотехники. В частности, использовались такие методы, как ребефинг, вайвейшн, холотропное дыхание, свободное дыхание, шаманское дыхание, ДМД. Особенно высокий положительный результат дает практика связного синхронного дыхания в парах «глаза в глаза», который позволяет проникнуть в психическое пространство партнера и исследовать его, а также создать новое парное психическое пространство.

Автор статьи считает, что основной терапевтический компонент этих методик связан с трансформациями в эмоциональной сфере и катарсической фазой. Ценность метода в высокой результативности, стойкости достигнутого терапевтического эффекта, высоком уровне интеграции вновь приобретенного психоэмоционального опыта в структуры личности, экологичности, доступности и сравнительной простоте.

Второй эффективный метод – психодрама. Например, проигрывание ролей в упражнении «Власть-подчинение», когда один человек подчиняется другому в первой фазе; и затем, во второй фазе, происходит смена ролей. Ценность упражнения заключается в

приобретении нового опыта в отношении управления и подчинения чужой воле, способности отдать свою волю и взять чужую и использовать не в агрессивной форме, а также в проигрывании поведенческих моделей, повышающих адаптивность личности в межличных отношениях. Или, например, упражнение «я тебя ненавижу!», позволяющее вербализовать свое отношение к партнеру, реализовать психоэмоциональное напряжение и обнаружить новые личностные особенности, как свои, так и партнера.

Автор статьи считает, что терапевтический компонент этих методик связан с когнитивной и поведенческой сферой, коррекцией опыта первичной семьи, совершенствованием социальных навыков, имитационным поведением, конфронтацией и инсайтом. Эта же методика может быть использована в диагностических целях и может быть направленной на выявление подавленной вины и агрессии, которые сопровождают ситуации насилия.

Вывод: существует проблема семейного насилия. Последствия насилия деструктивны и опасны и затрагивают важнейшие сферы личной и общественной жизни. Феномен насилия рождается из порочного круга патологических семейных отношений и рождает новые порочные круги, вторгаясь в социальные сферы.

Необходимо создавать психолого-психотерапевтические программы для женщин и детей из семей с феноменом насилия. Важно выделять такие семьи и проводить психолого-консультативную работу с матерями таких детей, способствовать развитию личности и осознанию ответственности за свою жизнь и гармоничное и здоровое воспитание своих детей.

ОСОБЕННОСТИ РОДИТЕЛЬСКОГО ОТНОШЕНИЯ К ДЕТЯМ РАННЕГО ВОЗРАСТА С ЗАДЕРЖАННЫМ РЕЧЕВЫМ РАЗВИТИЕМ

Филиппович И.В. (г. Минск)

Родительская семья является первой и наиболее комфортной средой развития ребенка. Именно родители обеспечивают удовлетворение практически всех его потребностей, в том числе потребность в любви и привязанности, как одной из наиболее сильных и длительных потребностей человека. В родительской любви нуждается ребенок любого возраста, так как она обеспечивает чувство безопасности, поддерживает благоприятное состояние

эмоционально-чувственного мира, учит любви, нравственному поведению и в целом выступает как источник жизненного опыта, необходимого растущему ребенку как потенциальному родителю.

Ребенок различными способами усваивает и продуцирует поведение людей наиболее близких и значимых для него. Это может быть сознательное воссоздание способов поведения значимого взрослого или неосознанное отождествление себя с родителем. Ребенок учится у родителей способам поведения не только посредством готовых правил, которые они ему предлагают, но и с помощью наблюдения за моделями их поведения. В дальнейшем, он будет вести себя по отношению к собственным детям так, как вели себя родители по отношению к нему. Поэтому большинство исследователей, говоря о влиянии семьи на развитие личности ребенка, в первую очередь анализируют *родительское отношение* к нему.

Родительское отношение выражается посредством совокупности чувств и поступков взрослых, направленных на ребенка и связанных с представлениями о его личности, и рассматривается в системе родительско-детских отношений.

Чрезвычайная значимость отношений между родителями и детьми привлекала к этому феномену внимание многих психологов самых различных школ и направлений. В этой области научная психология значительно отстает от практики, особенно заметен данный разрыв в отечественной психологии. Подчеркивая решающую роль отношения с близким взрослым для развития ребенка, исследователи не рассматривают сами эти отношения ни в деятельностном, ни в культурно-историческом подходе. Наряду с этим, клиническими психологами, психотерапевтами накоплен огромный опыт практической работы в сфере детско-родительских отношений (Э.Г. Эйдемиллер, А.В. Захаров, А.Я. Варга, А.С. Спиваковская и многими другими), который, как правило, описывается и интерпретируется в терминах западной психологии, где эта тема разрабатывается достаточно широко.

В отечественной литературе нами не выявлено значительных противоречий в трактовке термина «родительское отношение». Ряд авторов отождествляют его либо с *системой* разнообразных чувств по отношению к ребенку, поведенческих стереотипов, практикуемых

в общении с ним, особенностей восприятия и понимания его поступков, характера и личности [2], либо с *реальной направленностью* отношений, в основе которой лежит сознательная или бессознательная оценка ребенка, выражающаяся в способах и формах взаимодействия с ним [3]. Однако в данном подходе за рамками внимания оказывается сам родитель, его потребности, чувства, переживание собственной роли.

С учетом влияния личности родителя родительское отношение понимают как избирательную в эмоциональном и оценочном плане *психологическую связь* родителя с ребенком, выражающуюся в действиях, реакциях и переживаниях, возникающую под влиянием культурных моделей родительского поведения, а также собственной жизненной истории и личностных особенностей родителя[4].

Специфика родительского отношения заключается в двойственности и противоречивости позиции родителя по отношению к ребенку. С одной стороны, это безусловная любовь и глубинная связь, с другой – это объективное оценочное отношение, направленное на формирование общественных способов поведения. Наличие этих двух противоположных начал характерно не только для родительского отношения, но и для межличностных отношений вообще [3].

Родительское отношение по своей природе противоречиво и неоднозначно: ребенок является для родителей самоценной и уникальной личностью (личностное начало родительского отношения), а с другой - является предметом воспитания и педагогических воздействий родителя (предметное начало). *Личностное начало* проявляется в безоценочном отношении к ребенку, родительской эмпатии, отсутствии конкретных ожиданий и требований к ребенку, гибкости родительской позиции и пр. *Предметное начало* проявляется в наличии у родителя внешней оценочной позиции, наличии родительских установок, ценностей, системы требований и ожиданий по отношению к ребенку, а также в характере стратегии поведения родителя, направленной на воспитание определенных способностей, свойств характера. Эти два начала не являются разными типами или формами отношений, они образуют два момента, в определенной мере присущих каждому конкретному

отношению, различие которых сводится к относительному преобладанию или содержательному наполнению каждого из них.

Своеобразие и внутренняя конфликтность родительского отношения заключается, на наш взгляд, в максимальной выраженности и напряженности обоих моментов. С одной стороны, в силу изначального единства, глубинной симбиотической связи матери и ребенка, материнская любовь является высшим проявлением альтруистического, бескорыстного, т.е. личностного отношения. С другой стороны, глобальная ответственность за будущее ребенка, порождает оценочную позицию, контроль за его действиями, превращая ребенка в объект воспитания. Поскольку личностное и предметное начало имманентно присущи каждому типу родительского отношения, их можно рассматривать как структурные составляющие родительской позиции. Конкретные варианты отношения могут определяться относительной выраженностью и содержательным наполнением предметного и личностного начала [3].

А.Я. Варга и В.В. Столин (1989) выделяют в структуре родительского отношения пять составляющих: интегральное эмоциональное отношение к ребенку, социально желательный образ родительского отношения, межличностная дистанция в общении, форма и направление контроля за поведением ребенка и особенности восприятия и понимания ребенка. Однако личность самого родителя лишь опосредуется в чувствах, оценках, желаниях и мотивах, связанных с ребенком [2].

Содержание составляющих раскрывается авторами через описание соответствующих шкал «Теста-опросника родительского отношения», использованного нами в исследовании роли родительского отношения в преодолении значительного отставания в речевом развитии детей раннего возраста. Данные составляющие можно разграничить относительно личностного или предметного компонента родительского отношения. Эмоциональное отношение родителя к ребенку, наличие-отсутствие межличностной дистанции в общении и особенности восприятия его личности можно условно отнести к личностному началу родительского отношения. Формы и направления контроля за поведением ребенка, а также социально желательный образ родительского отношения, вполне соотносимы с его предметным началом.

Тест-опросник родительского отношения (ОРО) представляет собой психодиагностический инструмент, ориентированный на выявление родительского отношения у лиц, обращающихся за психологической помощью по вопросам воспитания детей и общения с ними [2]. В процессе тестирования нами зафиксировались комментарии 32 значимых взрослых, во многом объясняющие их позицию в воспитании, отношение к недоразвитию речевой функции у малыша, направленность на оказание ребенку посильной помощи. По результатам исследования определились три группы родителей с высокими, средними и низкими показателями по шкалам, отражающим отношение родителей к воспитанию ребенка.

Анализ средних значений родительского отношения к детям раннего возраста, имеющим значительное отставание в речевом развитии показал, что доминирующий стиль отношений независимо от возраста или пола ребенка –«Авторитарная гиперсолизация» (70%), на втором месте – отношение по типу «Симбиоз» (61%), на третьем – «Кооперация» (56%).

В шкале «Авторитарная гиперсоциализация» фиксируется *форма и направление контроля за поведением ребенка*. В родительском отношении отчетливо просматривается авторитаризм, если взрослый требует от ребенка безоговорочного послушания и дисциплины; старается навязать ребенку во всем свою волю, пристально следит за его достижениями, комментирует и критикует индивидуальные особенности, привычки, мысли, чувства ребенка; сурово наказывает за проявления своеволия.

По результатам опроса только в 3 случаях (10%) показатели по шкале «Авторизация» были низкими. Данные результаты подтвердили тенденции большинства значимых взрослых путем направленного, авторитарного поведения опекать и контролировать каждое движение ребенка, ссылаясь на его беспомощность, уязвимость, болезненность. Авторитарное поведение родителей по отношению к детям раннего возраста проявляется не только как гиперопека, но и как требовательность и сверхтребовательность без учета возможностей ребенка. Жесткие требования по отношению к ребенку раннего возраста считают естественными более половины значимых взрослых – 16 человек, причем в их высказываниях присутствовали следующие формулировки: «должен делать», «нужно заставлять», «нельзя

допускать». Значимые взрослые с таким родительским отношением требуют от ребенка безоговорочного послушания и дисциплины. Они стараются во всем навязать малышу свою волю, тем самым научая его беспомощности, зависимости от взрослого. Не исключены при таком отношении и физическое наказание, и психологическое давление. Признаки авторитарного поведения у значимых взрослых, выявленные по результатам теста, проявились во взаимодействии с ребенком в процессе консультирования. Необходимость строгого контроля взрослые объясняли по-разному: чтобы «не допустить инфекции или какого-либо повреждения, потому что будет еще хуже», «любая болезнь откидывает ребенка назад в развитии», «нужно приучать ребенка к режиму, порядку, терпению». Кроме того, строгость требований некоторые взрослые объясняли высоким чувством ответственности за судьбу ребенка, подобным суровым воспитанием в семье собственных родителей.

Наличие или отсутствие *межличностной дистанции в общении* родителя и ребенка отражают результаты теста-опросника по шкале «Симбиоз». Симбиотические отношения описываются через ощущение у взрослого нерасторжимого единства с ребенком, стремления удовлетворить все его потребности, оградить от трудностей и неприятностей жизни. Родитель постоянно ощущает тревогу за ребенка, который кажется маленьким и беззащитным. Симбиотическая связь нарушается, когда ребенок начинает ситуативно в силу обстоятельств автономизироваться, так как по своей воле родитель никогда не представит ребенку самостоятельности. В 9 случаях нами был отмечен тесный эмоциональный контакт на уровне сверхпривязанности ребенка и взрослого. Отношения в этих диадах отличались повышенной сензитивностью к состоянию друг друга, тесной симбиотической связью и взаимной зависимостью. Значимые взрослые и дети представляли единое целое, что и комментировалось родителями соответствующим образом: «ребенок – это часть меня», «не могу представить, что было бы без него (нее)», «не могу оставить ребенка даже на минутку» и указывали на их роль в стимуляции развития малыша: «ребенок доверяет только мне делать эти процедуры», «расслабляется тогда, когда я делаю массаж», «откликается только на мое присутствие (голос, прикосновения)», «кроме меня никто не может вызвать у ребенка оживление и радость».

Социально желательный образ родительского отношения выражен в шкале «Кооперация». Содержательно эта шкала раскрывается через заинтересованность родителя в делах и планах ребенка, высокой оценкой его интеллектуальных и творческих способностей, сочувствием и чувством гордости за него; поощрением инициативы и самостоятельности малыша, общением на равных и доверием, что указывает на большую степень свободы, предоставляемой ему родителями. Результаты теста подтвердили и наблюдения за поведением значимых взрослых во взаимодействии с ребенком в процессе занятий и произвольной обстановке. Следует отметить, что полученные показатели по этой шкале были подтверждены сосредоточенным на ребенке поведением родителей и сформировавшейся внутри семьи «политикой» по отношению к особенностям общего и речевого развития ребенка. Эти значимые взрослые определили свое отношение как «сопровождение» или «совместное переживание», но не как «опека» или «ограждение». Более того, взрослые считают инициативу и самостоятельность ребенка признаком его развитости, состоятельности как личности, указывают на то, что «не могут прожить жизнь за ребенка», «оставить его беспомощным и не подготовленным к трудностям после своего ухода». Характерными проявлениями высокого уровня кооперации между взрослым и ребенком раннего возраста являются совместная деятельность, содружество в производимых действиях, очередность в диалоге, предоставление взрослым помощи по просьбе ребенка, поощрение его инициативы и самостоятельности, сотрудничество на равных. В присутствии взрослых, направленных на кооперацию, дети спокойны и раскованы, сосредоточены на действиях значимого взрослого, обращаются к нему за поддержкой, привлекая к совместному выполнению приемов. Данные показатели, прежде всего, обусловлены верой родителей в способности ребенка и возможности коррекционного воздействия. Сотрудничество признается этими значимыми взрослыми важным фактором в преодолении речевого недоразвития: «постоянно показываю пример», «ребенок перенимает то, что чаще всего наблюдает», «ребенок должен чувствовать постоянную поддержку», «это главная обязанность взрослого в этот период – во всем сопровождать малыша».

Интегральное эмоциональное отношение к ребенку выражается через полюса шкалы «Принятие-отвержение».

Содержание одного полюса: родителю нравится ребенок таким, каков он есть; он уважает индивидуальность ребенка, симпатизирует ему; стремится проводить вместе с ним много времени, одобряет его интересы и планы. На другом полюсе отношения: родитель воспринимает своего ребенка плохим, неприспособленным, неудачливым; ему кажется, что ребенок не добьется успеха в жизни из-за низких способностей, небольшого ума, дурных наклонностей; по большей части родитель испытывает раздражение, обиду, в худшем случае досаду или злость; он не доверяет ребенку и не уважает его. Результаты исследования по этой шкале оказались на четвертой позиции (52%). Однако имеющиеся низкие показатели шкалы эмоционального контакта между ребенком и взрослым указывали на эмоциональное отвержение или отчуждение. Родители были достаточно откровенны и отметили даже те высказывания теста, которые характеризуют их не с самой лучшей стороны: холодность, отстраненность от ребенка, иногда чувство разочарованности или глубокой усталости. В каждом из указанных случаев значимый взрослый воспринимает ребенка как плохого, неприспособленного, с врожденными дурными склонностями. Со слов взрослых, задержка речевого развития у ребенка «лишь подтверждает его плохую наследственность», «показывает, что дальше будет еще хуже, если не принять меры», «наказание за грехи родителей» и т.д.

Особенности восприятия ребенка родителем выражаются через шкалу «Маленький неудачник». При высоких значениях по этой шкале в родительском отношении можно констатировать стремления инфантилизировать ребенка, приписать ему личную и социальную несостоятельность. В восприятии взрослого ребенок представляется младшим по сравнению с реальным возрастом, не приспособленным, неуспешным, открытым для дурных влияний; интересы, увлечения, мысли и чувства ребенка кажутся родителю детскими, несерьезными. В связи с этим ребенка стараются ограждать от трудностей жизни и строго контролировать его действия.

Родительское отношение по типу «Маленький неудачник» заняло пятую позицию (7%), причем значимые взрослые отмечали неприятную для них постановку вопросов и трудности откровенных ответов, что указывало на их личностные проблемы, состояние растерянности, угнетенности или усталости, чувство вины за свое поведение, а также декларировало наличие проблемы в становлении

родительско-детских отношений. Значимые взрослые декларировали недоверие или неверие в возможности ребенка. Мнения родителей о способностях детей во многом сходны. Это ссылки на бесполезность занятий с такими маленькими детьми; упрямство или негативизм детей; капризность, гиперактивность, препятствующие сосредоточению на коммуникации со взрослым. Кроме того, родители определяли свое отношение во взаимодействии с ребенком как «утомительное и бесполезное занятие», поскольку «до ребенка ничего не доходит, требуется масса усилий, чтобы получить едва заметный результат»; ссылались на эмоциональные проблемы: «не хватает сил», «нет поддержки», «мы никому не нужны» и пр.

Исследование родительского отношения к детям раннего возраста с отставанием в речевом развитии позволил описать особенности стратегий в их воспитании. Результаты тестирования и последующей беседы показали, что в большинстве случаев родители не всегда заинтересованы в самостоятельных действиях ребенка, предоставляют ему помощь по своему усмотрению, активность во взаимодействии проявляют фрагментарно, а также невысоко оценивают способности малыша, периодически испытывают раздражение при взаимодействии с ним, поскольку часто не понимают, что ребенок хочет. Это отражается на поведении взрослых: появляются указания и запреты, оценочные высказывания негативного плана, стремление излишне опекать ребенка, делать что-либо за него. Родительским позициям, независимо от пола ребенка были характерны установка на авторитарность (строгость в воспитании и контроль за ребенком), установка на симбиотичность (стремление оградить ребенка от трудностей, сделать за него), кооперация с ребенком, которая частично носит демонстративный характер, обнаруживая желание родителей соответствовать социально-желательному образу родителя.

В работах Р. Сирса (1970), А.Я. Варга и В.В. Столина (1987), Н.Н Авдеевой и С.Ю Мещеряковой (1991) родительское отношение рассматривается как один из факторов психического развития ребенка. Неадекватное родительское отношение и неправильное семейное воспитание приводят также к усугублению тяжести психического недоразвития ребенка с особенностями психофизического развития. Отсюда и вытекает одна из задач коррекционно-педагогической работы – переориентирование позиции

родителей в отношении ребенка и особенностей в его речевом развитии.

Полученные данные подтвердили наличие проблемы в отношении родителей к самому ребенку и особенностям его речевого развития: лишь пятая часть из 32 родителей обладала целенаправленным, позитивным, принимающим и адекватным в отношении будущего развития ребенка родительским отношением. Результаты исследования родительского отношения дали основание для проведения соответствующей психотерапевтической работы с родителями детей раннего возраста с выраженной задержкой речевого развития.

Литература

1. Варга А.Я., Смехов А.В. Психологическая коррекция взаимоотношений детей и родителей // Вестник МГУ: Психология. – 1986. – № 4. – С. 17 – 23.
2. Кожевникова Е.В., Мухамедрахимов Р.Ж., Чистович Л.А. Санкт-Петербургская программа «Абилитация младенцев» – первая в России программа раннего вмешательства // Педиатрия. – 1995. – № 4. – С. 112 – 113.

КАРТИНА МИРА, ИЛИ СОЗНАНИЕ В ЕДИНСТВЕ ЕГО ФОРМ

Фролова О.П. (г. Иркутск)

Построение собственной картины мира, или модели мира для исследователя связано с определённым этапом развития его профессиональных воззрений и понимания предмета своего познания. Сейчас уже вряд ли необходимо доказывать, что таковая у каждого из нас своя. Так как наши восприятия образуют основу для наших моделей мира, мы должны принять, что каждый индивид будет иметь свою модель. (Kostere K., Malatesta L., 1992) Об этом пишется и исследуется многими. Например, В.В.Козлов и В.И.Рушас пишут, что индивидуальные ограничения, включающие неврологические и социальные ограничения, как два основополагающих фильтра опыта, приводят к многообразию индивидуальных моделей. Более того, «по мере того, как человек создает свою уникальную модель мира, индивидуальные ограничения играют все большую роль, так как накапливается багаж опыта, влияющего на восприятие мира в каждый момент времени», и потому модель может трансформироваться,

уточняться, реорганизоваться. Модель, являясь продуктом мышления, у того изощрённее и богаче, кто смог развить своё мышление до высокого состояния. Однако, ни одна модель не приблизится к истинному объекту, не сможет описать его. Мышление – само продукт сознания, или форма его, включая научное мышление. Эволюционно сознание человека смогло развиться для самопознания совсем недавно и в целом в форме человеческой психики достигает только определённого уровня своих возможностей.

Имеет ли смысл модель объекта какого-то автора только для себя, или для других тоже? В первую очередь, конечно для самого исследователя. Во-вторых, для других: исследователей научной отрасли, для учеников и просто обыденного представления о том, в каком мире живём, так как даются новые представления о реальности (новые модели, которые могут верифицироваться или фальсифицироваться), что расширяет сферу представлений в целом человечества об объекте.

Предлагаемое в статье описание представлений о том, что такое сознание, психическое и духовное в человеке, не претендует на новизну, научную объективность, а лишь в первом приближении указывают на наше видение описываемого объекта. Указание на научность данной модели связано с тем, что есть попытка заручиться поддержкой научных представлений и научного интегративного (К.Уилбер, В.В.Козлов) и культурологического подхода (В.Е.Клочко). Возможно, пока данная картина мира выступает нечётко, покрыта тонкой пеленой, но уже пульсирует и просит направить туда энергию.

Основанием послужили принципы и взгляды новой парадигмы, развиваемой в интегративной психологии (В.В.Козлов), философско-психологическая концепция сознания С.Л.Рубинштейна, концепции других отечественных психологов, духовнонаучные положения антропософии Рудольфа Штайнера, некоторые представления о сознании из мировых религий.

Есть триединство основных элементов сознания: тело – психика (душа) – Дух. Каждый из которых являет особую форму Сознания. Другие, промежуточные формы, Сознание тоже может принимать в зависимости от условий, в которых развивается тело и психика. Внешние условия развития тела – проявленный мир, психики – не проявленный для человеческого глаза, но проявленный в отношении духа. Душа – это просто пространство, и проявленная форма сознания,

в котором идет развитие психического в человеке (или другом существе). Точно также как идёт развитие тела, определённой формы сознания (дальнейший путь которого ко всё большему уплотнению) во внешнем пространстве материальных предметов, в пространстве души сознание развивается в виде психического. Если раньше душа «занималась оформлением» (а по существу регулировала развитие) тела извне, то на определённом этапе уплотнения материи, ей, более тонкой форме невозможно было уже это совершать, поэтому она стала оформлять только душевные – психические – проявления, не разрывая связь с телом. Эти более тонкие проявления, психические, управляют телом через нервную систему. Тем самым эта форма сознания – психическое – осталась связанной с телесным, материальным, продолжает воздействовать на него, но только изнутри, а не с наружи.

Эволюция Сознания человека заключается в прохождении всех форм, от самой низшей до самой высокой – Духа. Всё что имеет человек сейчас в виде форм сознания (или состояний сознания) – это то, что человек уже прошёл и наработал своими действиями во внешнем и внутреннем пространстве. Но Дух человеку «дан», т.е. это пока не заслуга его сознания, а образец – куда двигаться. Поэтому Дух трансцендентен, выходящий за пределы самости человека.

Об этапах развития форм сознания наука психология имеет уже отчётливые представления. То есть, «языки сознания» (В.В.Козлов) развились последовательно: субсенсорный, сенсорный, эмоции, образы, символы, знаки. Когда в индивидуальном сознании человека созданы предпосылки самопознания (развитое мышление), развивается новая форма сознания – самоосознающее. На данном этапе сознание человека самоосознающее. Следующий этап – психического сознания, когда человек сможет окружающий мир воспринимать не внешними органами чувств, а внутренним взором, внутренними образами, и оно уже готовится сейчас. Становится всё больше людей с таким «зрением».

По привычке, в традиции европейской науки мы называем индивидуальное сознание человека психикой, так как раньше (в ходе развития форм сознания и когда ещё не было самосознания), всё что находилось в пространстве души (внутреннее пространство) называлось психическим и познавалось именно оно.

Нервная система человека обеспечивает функционирование психического, следовательно, это орган души, её пространство. ЦНС

создана для функционирования в целом сознания, в том числе и высшей его формы – Духа. Сознание не есть «свойство высокоорганизованной материи», а наоборот, материя сформировалась для обслуживания проявлений сознания (в нынешнем его проявлении), которое регулирует протекание всех физиологических и психических процессов изнутри. Точно также как сосуды кровеносной системы в теле образуются там, где протекают кровеносные потоки, так же и мозг эволюционно сформировался по «запросу», когда сознанию потребовалось обеспечивать работу *саморегуляторных* механизмов, которые должны будет развить человек.

Не сознание принадлежит мозгу, а мозг принадлежит сознанию – чистой воды идеализм! Да, если считать сознание идеей, воображаемым объектом самого сознания! А если считать материю одной из форм сознания, которое первичнее, чем проявленная материя, то всё встаёт на свои места.

Если считать априори, что всё есть Сознание, то понятно, что тело не пронизано сознанием или психическим, а само есть сознание. Этот тезис даётся во всех религиях как основание веры. Триединство: сын – отец – Дух святой. Тело – душа – Дух. Вот тезис – познавайте, а не делайте вывертов, - быстрее дойдёте! Кричат нам многие тысячелетия. Душа развивается (психические процессы, свойства, состояния в т.ч. мышление) для того, чтобы приблизить момент слияния в своём развитии с Духом, который и существует для образца (как Сверхсознание). Оттуда и идут образцы выполнения законов Вселенной. Тело и душа – определённые формы сознания, в настоящее время в своём развитии подошли к уровню развитого мышления, научного мышления, которое показывает, что развилось самосознающее сознание, и есть возможности познавать себя. Но соотноситься с Духом напрямую индивидуальной душе невозможно, она не может постичь Дух сама. Ей нужно соотноситься с образцами, которые есть в проявленном мире, т.е. социуме.

Дух нам даётся по мере нашего развития, нашей души и тела. Их гармоничное развитие даёт результат, соотносимый с Духом. Решение определённых задач этого развития, в конечном счёте – развитие Сознания. На настоящем этапе развития индивидуального сознания главная задача – развитие мышления для овладения самопознанием (рефлексия – в психологии, т.е. соединение мышления и сознания по

качеству даёт рефлексию). Но, индивидуально самопознание не разовьётся, поэтому человек вынужден жить в социуме, чтобы «смотреться в другого и отражаться». Поэтому как задание по развитию каких-то свойств и качеств выполняет душа с телом, перевоплощаясь в разных телах. Но, простое количество не переходит в качество, так как при каждом новом проживании душе даётся образец – Дух ровно в той степени совершенства, который она сможет достичь. И если душа опять «пропадает, погибает» и т п., то следующий период восхождения души к Духу может быть даже ниже предыдущего, и всё с начала …Дух даётся в соответствии с тем, как мы смогли прожить предыдущую жизнь. Если душа не развились, то опять Дух даётся «слабый», т.е. небольшая доля постижения и достижения вселенских законов.

В социуме: закономерности Вселенной заложены в Духе, но сами по себе душой они не могут быть раскрыты или усвоены, а только через взаимодействие с другим людьми, т.е. через «отражения» своей души в других – скорее через рефлексию, поэтому сейчас идёт развитие мышления. Ещё по подобию (идентификации) можно раскрыть эти закономерности общечеловеческого, а через это понять законы вселенной. Эти закономерности заложены в культуре, а закономерности развития души до Духа – в религиях. Таким образом, идёт усвоение и познание через усвоение религиозных норм, культурных знаний. Вера нужна для поднятия души до уровня Духа, который пока не познаваем, а в вере даны образцы Духа. Вера и в целом религия нужна для тех людей, которые на среденестатистическом уровне развития. Т.е. не ушли вперёд своих соплеменников, а более того, для тех, кто должен подняться до этого среднего уровня, так как в религиях имеются алгоритмы-образецы, как это сделать. В коллективном поднятии к одинаковому уровню Духа это сделать энергетически менее затратно.

Все системы имеют связь с внешним. Главные принципы развития системы (холархии - К.Уилбер): развитие целого за счёт развития элементов (индивидуального), связей между ними и связей с внешним. Принцип развития элементов: элемент более высокого порядка развивается за счёт тупикового развития элемента более низкого порядка. Развитие Сознания происходит так: первые дают новые усовершенствованные формы сознания в новом пространстве, вторые – только изменение во времени в том же пространстве с

постепенным отмиранием. Получается как дерево с ветками: ветки – те системы, что тупиковые, ствол растёт вверх – развивающаяся и поглощающая первая система.

Так человек в эволюции – это ветка, но так как ему дан Дух и назначение самому развиваться к Духу, он становится вторым стволом (второй верхушкой дерева), однако не имеет право давать свои ветки до определённого уровня развития сознания. Т.е. человеческое сознание, пока развивается как и все тупиковые ветки, но не отмирает, а развивается в пространстве до определённого уровня. Наряду с теми, кто погибает, и за счёт этой энергии развивается что-то другое, не тупиковое, есть и тупиковые, но не умирающие, а развивающиеся. А для чего такая форма сознания возникла? Дана возможность отработать энергию и форму саморазвития и саморегуляции на основе сапознания и самосознания. Только ли человечество? Есть ли в природе аналогии? Очевидно, есть, но в окружающих нас видимых формах - нет!

В целом, система сознания человека живёт, чтобы «питать других», все принципы касаются развития системы, другие – для её изучения. Кроме принципов развития надо знать методы познания развивающихся систем, чтобы предугадывать ход этого развития, а не просто изучать элементы. Главным таким методом становится медитация, вхождение в такие формы состояния, которые позволяют видеть и понимать изучать объекты изнутри. После формулирования проблем и выделения объекта, можно применять и методы ортодоксальной психологии.

О познании сознания. Оно начало познаваться только на данном этапе, когда развилось самосознание, и будет познаваться дальше. Предыдущие этапы, связанные с самим развитием до момента развития самосознания – не познавались. В дальнейшем будет познаваться на каждом этапе. Познать мы может только через формы сознания, прошедшие развитие. Дух, как конечную форму сознания, познать пока не можем. Познание идёт через внешние формы, проявленный предметный мир, причём только через систему действий, которые позволяют в душе создаться системе образов. И как законченный образ – гештальт выступает система знаний о предметах внешних и внутренних. Опять же – это всё формы сознания.

Индивидуальное сознание в онтогенезе и филогенезе развивается не похоже, не тождественно (в отличие от нынешних представлений психологии). Индивидуальное сознание не проходит эволюционных стадий, а развивает способности соединения со Сверхсознанием – Духом. Эволюция сознания идёт к проявлению всё более высоких уровней. Они взаимосвязаны и обусловлены, как у К. Уилбера – 4 квадрата с правой и левой стороной внешнего и внутреннего.Верхняя и нижняя части с индивидуальными и групповыми формами сознания виде холонов.

То есть, мозг создан таким, какой он есть сейчас, но с перспективой развития индивидуального сознания, как вместилище сознания будущего. А проявиться должно ещё многое. То есть на материальном уровне уже заложено, что должно проявиться постепенно, по мере развития способностей. *Сознание есть способность,* но не мозга (высокоорганизованной материи – посредством языка и речи преобразовывать мир), а своя же. В нём заложена способность раскрывать, распаковывать, размножать, творить миры и новые способности, проявлять непроявленное через индивидуальное сознание и человеческое групповое сознание, и в самом себе. *Способность сознания творить – это не сущность его, а отличительная особенность, свойство сознания.*

Сущность сознания пока не дано познать, а только элементы, формы и даже строение (К. Уилбер). Но всё что есть – это Сознание. Сознание – вездесущее и основополагающее начало вселенной. Определить его через известные вещи не возможно. Так как это всё сразу одновременно. Это значит сбиваться на материалистический подход, но он тупиковый. То, что сознание сделало выверт в материальную сторону, познание больше материального (материализм) – это тоже определённый этап и задача.

Познать мы можем только ту форму сознания, которая на данном этапе эволюции уже развилась, проявилась – вот это и есть его сущность, открываемая нам только в данном виде. Ещё одно свойства сознания – поточность, абсолютная изменчивость, но возможна дискретность, т.е. принятие определённых форм (по принципу дополнительности свойств непрерывности и дискретности). И ряд других.

Наука о сознании. Если говорить *об интегративной психологии,* то наряду с задачей интеграции знаний всех направлений

ортодоксальной (естественно-научной экспериментальной) психологии, а также других научных и около научных знаний о психике, на наш взгляд, интегративная психология, выбирая предметом своего изучения Сознание, должна поставить задачей объединить все формы сознания человека в едином пространстве научного поиска. Задачей новой науки должно быть раскрытия феноменологии всех форм, закономерностей развития и связей, взаимных переходов форм сознания человека, этих пространств. А то, что это есть пространства, наполненные энергией, не следует сомневаться, так как современные достижения физики это доказывают.

Таким образом, возможно образование двух видов науки: старая психология, занимающаяся изучением феноменологии именно душевного, до самоосознающего сознания, и интегративной науки о сознании (сознаниелогия), включающей «феноменологию» Духа. Последняя должна поглотить предыдущую. Это один из главных принципов эволюционного развития.

Одним из методов познания науки о формах сознания должна стать медитация, позволяющая учёному задавать вопросы «пространству» и получать ответы для верификации экспериментальными методами.

Медитация есть средство, ведущее к сверхчувственному познанию. Ибо каждый человек несёт внутри себя, наряду со своим – назовём его так – обыденным человеком, ещё и другого, *высшего человека*. … И каждый может лишь *сам* пробудить в себе этого высшего человека. «Кто путём медитации поднимается к тому, что связывает человека с Духом, тот начинает оживотворять в себе то, что пребывает в нём вечно и не ограничено рождением и смертью» (Р.Штайнер).

Сознание – ключ к мирозданию, строению, сущности. Раскрыть его сейчас нет возможности, но следуя его развитию, можно раскрывать ступени развития всего. То есть, Сознание познаётся через внешний, проявленный мир и «зону» его ближайшего развития, а раскрытие уже пройденных этапов развития сознания позволяет лучше понять и сформулировать законы внешнего мира.

АГРЕССИЯ И ВИКТИМИЗАЦИЯ В СЛУЖЕБНЫХ ОТНОШЕНИЯХ СОТРУДНИКОВ ОРГАНИЗАЦИЙ

И.А.Фурманов, И.В. Гулис (г. Минск)

В последнее время в научной литературе все чаще обсуждается проблема проявлений насильственной агрессии в служебных отношениях, выходящей за рамки управленческой и производственной необходимости как в вертикальной («начальник–подчиненный»), так и в горизонтальной («сослуживец–сослуживец») плоскостях рабочих взаимоотношений.

Агрессия в служебных отношениях определяется как ***любая форма поведения, которая связана с причинением вреда или ущерба сотрудникам или организации в целом*** (S. L. Robinson, J. Greenberg, 1998).

Выделяют три главных типа агрессии в служебных отношениях (R.A. Baron, J.H. Neuman, D. Geddes, 1999): выражение враждебности, обструкционизм и открытая агрессия. ***Выражение враждебности*** представляет собой вербальные или символические по своей природе действия и включает вербальные нападки, негативную мимику и пантомимику. ***Обструкционизм*** – это все действия, нацеленные на создание препятствий сотрудникам или руководителям в исполнении ими своих служебные обязанности. Например, к таким действиям можно отнести некоторые акты проявления скрытой агрессии – отказ в возможности повторного телефонного звонка, не реагирование на приказы, служебные записки и докладные и отказ в помощи, средствах или информации. ***Открытая агрессия*** включает действия, обычно связанные с насилием в служебных отношениях, типа, физических нападений, воровства, причинение ущерба собственности и, наконец, убийства. Выражение враждебности и обструкционизма можно отнести к психологической агрессии, тогда как открытую агрессию к категории физической агрессии.

Выражения враждебности и обструкционизма с полным основанием можно отнести к скрытой или психологической агрессии, тогда как проявление открытой агрессии можно отнести к категории физического насилия.

Данная проблемы достаточно активно изучается в зарубежной социальной и организационной психологии и крайне фрагментарно в отечественной. В связи с этим нами было проведено исследование,

основными задачами которого являлось изучение распространенности агрессии в служебных отношениях и определение половых различий в проявлении различных форм насильственных действий на месте работы.

В исследовании приняли участие 156 женщин и 44 мужчины, являющихся сотрудниками различных организаций и фирм г.Минска.

Агрессия в служебных отношениях оценивалась с помощью модифицированной версии шкалы агрессии на месте работы (WAS– Workplace Aggression Scale) Р.А. Барона и Дж.Х. Ньюмена (R.A Baron, J.H. Neuman, 1996). Респонденты должны были отметить, как часто они сталкивались с теми или иными проявлениями агрессии в служебных отношениях в течение последних двух лет. Для оценки использовалась пятибалльная шкала (1 = никогда; 2 = редко; 3 = иногда; 4 = часто; 5 = очень часто). Оценивались проявления враждебности (18 пунктов шкалы, α Кронбаха = 0,90), обструкционизма (9 пунктов шкалы, α Кронбаха = 0,77) и открытой агрессии (8 пунктов шкалы, α Кронбаха = 0,93).

Исследования показали, что 53,4 % респондентов никогда не подвергались агрессии со стороны сотрудников собственной организации, а 9,1% подвергалось часто или очень часто. При этом жертвами выражения враждебности были 14% респондентов, обструкционизма – 7%, а открытой агрессии всего 2%.

Ранжирование ответов респондентов позволило определить наиболее и наименее распространенные формы проявления агрессии в служебных отношениях. Так было установлено, что наиболее распространенным формам выражения враждебности являются повышение голоса, прерывание других, когда они говорят, замечания, придирки, молчаливое игнорирование чужого мнения, распространение ложных слухов (сплетен) о ком – то, дискредитация, принижение чьего-то мнения в глазах других людей; обструкционизма – отказ в возможности повторного обращения по телефону или не реагирование на служебные записки или докладные, отказ в обеспечении необходимыми средствами или оборудованием, отказ или тихое саботирование в предоставлении информации, необходимой другим сотрудникам; открытой агрессии– препятствование действиям, которые защитили бы благосостояние или обеспечили бы безопасность других сотрудников и кражи или сокрытие имущества организации (компании), необходимой для

работы другим сотрудниками. В наименьшей степени встречаются такие проявления враждебности как преднамеренный, демонстративный уход с рабочего места, когда другие сотрудники входят в помещение, бойкотирование, демонстрация негативных или непристойных жестов другим людям, сообщение руководству «заведомо ложной», несправедливой информации о других, сексуальные преследования вербального характера (реплики, намеки, шутки); обструкционизма как намеренное опоздание на совещания, которые назначают другие сотрудники, утаивание информации о действительной опасности или предполагаемых трудностях работы, необоснованное, расточительное расходование средств, необходимых другим сотрудникам; открытой агрессии как нападение с использованием оружия, физические атаки или нападения, угрозы совершения физического насилия.

Кроме того, были выявлены некоторые половые различия в проявлениях агрессии в служебных отношениях. По общему индексу виктимизации значимых различий между мужчинами и женщинами обнаружено не было ($p \leq 0,05$). Вместе с тем, мужчины относительно значимо чаще, чем женщины подвергаются обструкционизму ($p \geq 0,1$). Детальный сравнительный анализ показал, что женщины значимо чаще сталкивались с такими формами агрессии как распространение ложных слухов (сплетен) о ком – то, дискредитация, принижение чьего-то мнения в глазах других людей, сообщение руководству «заведомо ложной», несправедливой информации о других, несправедливое негативное оценивание выполнения работы ($p \geq 0,05$), в то время как мужчины с отказами в возможности повторного обращения по телефону или не реагирование на служебные записки или докладные, и необоснованным, расточительным расходованием средств, необходимых другим сотрудникам. ($p \geq 0,01$).

Сравнительный анализ ранговых ответов мужчин и женщин позволило определить наиболее и наименее распространенные формы проявления агрессии в служебных отношениях. Так установлено, что вне зависимости от пола наиболее распространенными формами выражения враждебности являются повышение голоса, замечания, придирки, молчаливое игнорирование чужого мнения, прерывание других, когда они говорят; выражения обструкционизма– создание препятствий в предоставлении информации, необходимой другим сотрудникам; выражения открытой агрессии– сходств не обнаружено.

Вне зависимости от пола наименее распространенными формами выражения враждебности являются преднамеренный, демонстративный уход с рабочего места, когда другие сотрудники входят в помещение, бойкотирование, сообщение руководству «заведомо ложной», несправедливой информации о других, демонстрация негативных или непристойных жестов другим людям, сексуальные преследования вербального характера (реплики, намеки, шутки); выражения обструкционизма– намеренное опоздание на совещания, которые назначают другие сотрудники, утаивание информации о действительной опасности или предполагаемых трудностях работы; выражения открытой агрессии– нападение с использованием оружия.

М Е Ж Д У Н А Р О Д Н А Я Н А У Ч Н О - М Е Т О Д И Ч Е С К А Я К О Н Ф Е Р Е Н Ц И Я
«Интегративная психология: теория и практика»
Ярославль 23 - 27 апреля 2008 года

При поддержке: Международной Академии Психологических Наук; Ярославского государственного университета; Российского психологического общества; Межрегиональной эргономической ассоциации России ; Ассоциации трансперсональной психологии и психотерапии; Балтийской Педагогической Академии.

Уважаемый (ая)_____!!!

Оргкомитет приглашает Вас участвовать на конференции «Интегративная психология: теория и практика», которая состоится в Ярославле с 23 по 27 апреля 2008 г.

Цель конференции: интеграция теорий, концепций и взглядов на сознание и бессознательное в психологии и психотерапии, интеграция теории и практики психологии, обмен опытом ведущих специалистов по различным направлениям практической психологии и психотерапии, знакомство с новейшими методами и техниками исследования, трансформации сознания и коррекции личности, работы с социальным сознанием и социальным бессознательным.

На конференции выступают и проводят мастер-классы лидеры различных направлений и уровней психологии и психотерапии, ведущие тренингов личностного роста, представители трансперсональной, гуманистической, глубинной, поведенческой терапии, психосинтеза, гештальт-терапии, телесно-ориентированной, танцевально-двигательной терапии и других направлений прикладной психологии.

Уникальный формат конференции раскрывает возможность не только теоретического осмысления перспектив развития современной психологии и психотерапии, но и знакомства с огромной палитрой методов и техник, помогающих человеку достичь осознания глубин своей личности, исследовать истоки и пути развития ее качеств, добиться внутренней гармонии и совершенства, раздвинуть социальные горизонты жизни и заново найти себя в постоянно изменяющемся мире.

В рамках работы конференции предполагается обсуждение задач и перспектив «Интегративной психологии» в России.

Конференция работает по **трем основным направлениям**:

1. **Методологический семинар** (выступают ведущие психологи-теоретики).
2. **Психологическая мастерская** (работают ведущие психологи-практики).
3. **Школа молодого ученого-психолога.**

Каждое направление включает в себя работу отдельных секций, симпозиумов, воркшопов, проведение дискуссий, круглых столов и вечерних лекций.

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ РАБОТЫ:

1-е направление – МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ СЕМИНАР.
Обсуждаются фундаментальные проблемы психологии:

- Сознание и бессознательное в психологии.
- Интегративный проект в исследовании сознания.
- Сознание, социальное сознание и социальное бессознательное.

Ответственные за направление:
1. **Мазилов** Владимир Александрович, Ярославль. Тел.: (085-2) 23-71-83, 72-54-85. E-mail: mazilov@yspu.yar.ru
2. **Карицкий** Игорь Николаевич, Москва. Тел.: (095) 379-0465. E-mail: yar.mtdl.s@mail.ru

Заявлены следующие ведущие:

Аллахвердов Виктор Михайлович – доктор психологических наук, профессор кафедры общей психологии СПбГУ, президент С.-Петербургского психологического общества. Санкт-Петербург.

Барабанщиков Владимир Александрович – доктор психологических наук, профессор, заведующий лабораторией системных исследований психики ИП РАН, академик БПА, МАПН и ряда других. Москва.

Василюк Федор Ефимович – кандидат психологических наук, старший научный сотрудник, декан факультета психологического консультирования Московского городского психолого-педагогического университета, председатель редакционного совета Московского психотерапевтического журнала. Москва.

Вачков Игорь Викторович – доктор психологических наук, заведующий лабораторией психологических проблем детей с ограниченными возможностями адаптации, профессор кафедры дифференциальной психологии Московского городского психолого-педагогического университета, член Союза писателей России. Москва.

Волков Игорь Павлович – заслуженный деятель науки РФ, доктор психологических наук, профессор, заведующий кафедрой общей психологии С.-Петербургской государственной академии физической культуры им. П.Ф. Лесгафта, президент БПА, академик МАПН, МААН. Санкт-Петербург.

Дубровский Давид Израилевич – доктор философских наук, профессор, ведущий научный сотрудник Института философии РАО. Москва.

Зацепин Вениамин Иванович – доктор философских наук, профессор факультета социологии Мельбурнского университета, академик БПА. Мельбурн, Австралия.

Зинченко Владимир Петрович – доктор психологических наук, профессор, академик РАО, почетный член Американской академии искусств и наук, руководитель Центра комплексных исследований развития человека Института общего среднего образования РАО, заведующий кафедрой эргономики МИРЭА, президент Международной ассоциации развивающего обучения, член редколлегии журналов «Вопросы психологии», «Вопросы философии», «Человек», ежегодника «Системные исследования», «Эргономика», «J of Russia and East European psychology». Москва.

Калюжный Анатолий Афанасьевич) - доктор педагогических наук, профессор, действительный член МАПН. Актюбинск (Казахстан)

Карицкий Игорь Николаевич – кандидат психологических наук, преподаватель Института социологии и управления персоналом Государственного университета управления; действительный член Ассоциации трансперсональной психологии и психотерапии. Москва.

Карпов Анатолий Викторович – заслуженный работник Высшей школы, доктор психологических наук, профессор, декан факультета психологии Ярославского государственного университета им. П.Г. Демидова, академик МАПН, РАГН. Ярославль.

Кашапов Мергаляс Мергалимович – доктор психологических наук, профессор кафедры педагогической психологии и педагогики Ярославского государственного университета им. П.Г. Демидова,

исполнительный директор Ярославского регионального отделения РПО, руководитель лаборатории профессионального и личностного развития ЯрГУ, академик МАПН, главный редактор «Ярославского психологического вестника». Ярославль.

Клейберг Юрий Александрович - д.пед.н., д.пс.н., проф., ректор филиала Московского государственного социального университета. Академик МПА, РАСО, президент Международной Академии социальной работы. Ульяновск

Клочко Виталий Евгеньевич - доктор психологических наук, профессор. Томск

Клюева Надежда Владимировна – доктор психологических наук, профессор кафедры педагогической психологии и педагогики Ярославского государственного университета им. П.Г. Демидова.

Козлов Владимир Васильевич – доктор психологических наук, профессор кафедры социальной и политической психологии Ярославского государственного университета им. П.Г. Демидова, исполнительный директор, вице-президент МАПН, академик МАПН, РАСО, БПА и др., вице-президент Ассоциации трансперсональной психологии и психотерапии, главный редактор журналов «ЧФ:Социальный психолог» и «Вестник интегративной психологии». Ярославль.

Лидерс Александр Георгиевич – кандидат психологических наук, доцент, главный редактор ряда психологических журналов

Львов Владимир Маркович – заслуженный деятель науки РФ, доктор психологических наук, профессор, Директор Эргоцентра, академик МАПН, МАН ВШ, БПА и других академий, главный редактор журнала «Проблемы психологии и эргономики». Тверь.

Мазилов Владимир Александрович –заведующий кафедрой психологии и педагогики начального обучения Ярославского государственного педагогического университета им. К.Д. Ушинского, академик МАПН. Ярославль.

Майков Владимир Валерианович – кандидат философских наук, старший научный сотрудник ИФ РАН, президент Ассоциации трансперсональной психологии и психотерапии, директор Института трансперсональной психологии, главный редактор серии «Тексты трансперсональной психологии». Москва.

Мартинсоне Кристина - доктор психологических наук, профессор Латвийской медицинской академии, Президент Лативийской Ассоциации арт-терапии, член-корр. МАПН . Рига.

Михайлов Янис - доктор психологических наук, профессор, ректор Международного института практической психологии. Рига

Новиков Виктор Васильевич – заслуженный деятель науки РФ, доктор психологических наук, профессор, заведующий кафедрой социальной и политической психологии Ярославского государственного университета им. П.Г. Демидова, президент МАПН, академик МАН ВШ, БПА, МПА и других академий, главный редактор журнала «Человеческий фактор». Ярославль.

Петренко Виктор Федорович - доктор психологических наук, профессор, заведующий кафедрой психологии МГУ, академик РАН, МАПН.

Поваренков Юрий Павлович – доктор психологических наук, профессор, заведующий кафедрой психологии Ярославского государственного педагогического университета им. К.Д. Ушинского, академик МАПН. Ярославль.

Субетто Александр Иванович – доктор философских наук, профессор, вице-президент Петровской Академии искусств и наук, вице-президент С.-Петербургского отделения РАПК, академик МАНЭБ, директор Костромского Центра мониторинга научных исследований. Санкт-Петербург.

Тюков Анатолий Александрович – кандидат психологических наук, доцент, заведующий кафедрой психологии развития и инноваций Московского городского педагогического университета. Москва.

Фетискин Николай Петрович – доктор психологических наук, профессор, заведующий кафедрой общей психологии Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова, директор академии социально-политической психологии, акмеологии и менеджмента, академик БПА, МАПН. Кострома.

Филиппов Альберт Владимирович – заслуженный деятель науки РФ, доктор психологических наук, профессор, директор Института социологии и управления персоналом Государственного университета управления, академик МАПН, РАЭН, РАПБОП. Москва.

Шадриков Владимир Дмитриевич – заслуженный работник Высшей школы, доктор психологических наук, профессор, академик РАО, МАПН и других академий, вице-президент РПО. Москва.

Юревич Андрей Владиславович – доктор психологических наук, профессор, директор центра науковедения и заведующий сектором социальной психологии науки Института истории естествознания и техники РАН. Москва.

Янчук Владимир Александрович - доктор психологических наук, профессор, академик МАПН, директор института психологии. Минск.

Яшин Виктор Петрович – кандидат психологических наук, доцент кафедры социально-политических наук Нижегородского коммерческого института, член-корреспондент МАПН. Нижний Новгород.

2-е направление – ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ МАСТЕРСКАЯ.

Основные проблемы:

- Сознание и бессознательное в психологии и психотехнике.
- Роль духовных традиций в исследовании сознания.
- Личностный рост в психологической практике – трансформация сознания.
- Интегративный подход – единство психодуховного, философского и психологического мышления, исследования персоны, интерперсоны и трансперсоны.
- Самореализация и ресурс личности – методы и техники.

Направление организовано в форме проведения мастер-классов, воркшопов и тренингов ведущих специалистов трансперсональной, гуманистической, гештальт, поведенческой и психоаналитической психологии: холотропное дыхание, ребефинг, ДМД, тренинги осознания, трансовые психотехники, контекстуальные тренинги, бизнес-тренинг, телесноориентированные психотехники, арт-терапия, психологический театр, архаические экстатические практики, тренинги коммуникации, танцевально-двигательные психотехники, актерские психотехники и многое другое.

Заявлены следующие ведущие:

Владимир Козлов (д.пс.н., профессор, академик, основатель интегративной психологии и ИИПТ).

Юрий Бубеев (д.мед.н., ведущий научный сотрудник ГНИИ ВМ).

Михаил Гордеев (д.мед.н., ректор Института клинической психологии и психотерапии).

Андрей Захаревич (д.пс.н., ведущий специалист по дыхательным психотехникам).

Сергей Кашапов (д.пс.н., профессор, академик, гештальт-терапия).

Борис Приленский (д.мед.н., трансперсональная психотерапия).

Марк Пальчик (д.пс.н., профессор, интегративная психотерапия).

Владимир Баскаков (к.пс.н., президент АТОТ).

Михаил Бурняшев (к.пс.н., лидер направления системной психотерапии семьи).

Наталья Веремеенко (к.пс.н., лидер ТДТ).

Наталья Качанова (к.пс.н., специалист по бизнес-консультированию).

Ирина Зингерман (к.пс.н., ведущий специалист процессуальной психотерапии).

Герман Карельский (к.филос.н., трансперсонолог).

Игорь Карицкий (к.пс.н., специалист по рефлексивным техникам саморегуляции).

Римма Ефимкина (к.пс.н., ведущий специалист женской психотерапии).

Владимир Майков (к.филос.н., президент АТПП).

Олег Шалев (к.пс.н., доцент, лидер по эмпирическим методам самоисследования).

Владимир Урываев (к.пс.н., доцент, специалист по медицинской психологии и психотерапии).

Нина Андреева (специалист по Системе целостного движения).

Марина Белокурова (создатель телесно-орентированной инсайт-терапии, психотерапевт европейского регистра).

Павел Тарасенко- (к.пс.н., специалист по трансперсональной психологии и психотерапии)

Александр Гиршон (психолог, специалист по танцевально-двигательной терапии).

Галина Лабковская (психолог, семейный психотерапевт европейского регистра).

Лев Тетерников (руководитель Школы Рациональной Йоги).

3-е направление – ШКОЛА МОЛОДОГО УЧЕНОГО-ПСИХОЛОГА.

Реализация проекта Международной Академии Психологических Наук «Молодой гений психологии».

В программе выступления, лекции и мастер-классы ведущих теоретиков и практиков психологии, заявленных в первом и втором направлениях работы конференции, по темам:

- Новые горизонты психологии.
- Методология построения психологического исследования.
- Профессиональный путь ученого.

Техническая информация:

К началу работы конференции будут изданы тезисы докладов участников конференции.

По результатам работы методологического семинара будет издан 5-ой том Трудов Ярославского методологического семинара.

Тезисы докладов просим высылать до 8 марта 2008 г.

В тезисах указать в правом верхнем углу ФИО, учреждение, город, затем название доклада (заглавные буквы, жирный шрифт, расположение по центру).

Тезисы докладов просим высылать на дискете с распечаткой на нижеуказанный почтовый или электронный адрес. Объем от 2 до 4 полных страниц, компьютерного набора (word/ 98, шрифт 14 “Times new Roman”, через 1,0 интервал, распечатка контрастная, черная, лист формата А4, поля справа 15 мм., слева – 25 мм., сверху и снизу 20 мм., абзацный отступ 5 знаков; в тезисах не должно быть таблиц, рисунков, подстрочных символов, списка литературы; дискеты и печатный текст не возвращаются).

Почтовый адрес: 150000, г. Ярославль, ул. Первомайская 9-2. Козлову В.В.

Электронный адрес профессора В.В. Козлова: vvk@mail.yar.ru.

Регистрация участников: 23 апреля с 9.00 до 21.00 в пансионате "Ярославль" по адресу: Ярославский р-н, п/о "Красные ткачи", пансионат "Ярославль".

23 апреля 2008 года на ж/д вокзале "Ярославль-Главный" в 17.00 Вас ожидает транспорт с символикой Конференции.

Конференция начинает работу 23 апреля в 21:00 в актовом зале пансионата "Ярославль".

Информация для контактов:
Ярославль: тел.: (4852) 72-83-94; e-mail: vvk@mail.yar.ru (Владимир Козлов).
Москва: тел.: (495) 379-04-65; e-mail: ignikkar@mail.ru (Игорь Карицкий).

Организационный взнос для участников конференции составляет:
Студенты и аспиранты – 500 рублей.
Граждане РФ, ближнего зарубежья – 1500 руб.
Представители дальнего зарубежья - 100 у.е.
Ориентировочная стоимость проживания и питания в пансионате "Ярославль" - 950 рублей в сутки.

Председатель конференции
Вице-президент МАПН, д.пс.н.,
профессор

Владимир Козлов